

Анна GeekyReverie

**Рассказы к истории
«Научи меня мечтать!»**

Оглавление

[Первая встреча](#)

[Целая неделя для подвига](#)

[О красивой улыбке](#)

[Лучший друг](#)

[Приключение на заброшенной мельнице](#)

[Яблочко на травке](#)

[О Бобе и Лили](#)

[О Джулии и Брэдли](#)

[О пингвинах и прочих чудесах](#)

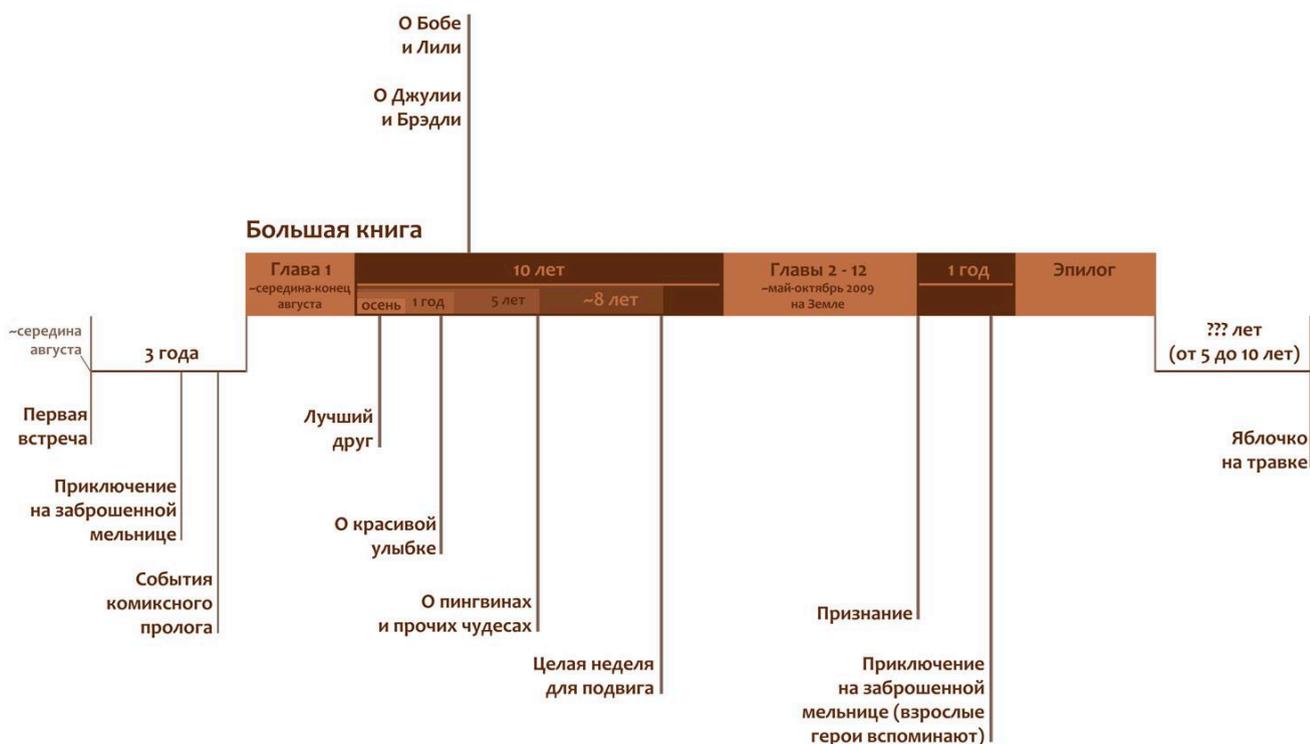
N.B.

Рассказы относятся к миру “Научи меня мечтать!”, перед чтением настоятельно рекомендуется ознакомиться с основной историей (“Большая книга”):

[файл Google Docs](#), либо [папка](#) с файлами для скачивания (удобно для читалок).

Рассказы представлены в порядке написания (это рекомендуемый порядок для чтения).

Хронология рассказов:

Первая встреча

У Элроя до сих пор горели уши. Хотя отец лишь в шутку и совсем не больно потрепал их — жест сей призван был подзадорить мальчишку — еще вчера вечером. А сейчас было уже утро, правда, очень-очень раннее.

Настолько, что даже родители еще спали.

Элрой в тишине собирался в школу. Тишина, впрочем, была относительная, потому что где-то — то ли в горящих ушах, то ли в голове — все еще настойчиво звучали слова отца: «Первый день в школе самый важный! Как себя поставишь — так и будут к тебе все эти годы относиться. Я всегда пользовался уважением. Потому что правильно себя поставил. Знаешь, что помогло мне и придало уверенности в тот день? То, что я пришел первым. Я до сих пор храню свой номерок от пропуска и до сих пор, испытывая сомнения, беру его в руки — знаешь, помогает. И тебе тоже поможет. Завтра покажешь мне свой — и пусть ты будешь первым! Ты же у нас лучший!» Вот после этого отец и потрепал его.

Элрой взглянул на наручные часы. На один циферблат и на второй. Оба шли секунда в секунду и говорили: сейчас 5 утра 17 минут 33 секунды. Элрой посмотрел на часы, стоящие на столе.

Да, действительно, 5 утра 17 минут.

Идти до школы — а он вчера специально засекал и даже дважды проверял результаты — 20 минут... ну, почти. Плюс-минус две минуты.

Жаль все-таки, до двенадцати лет телепортаторами пользоваться запрещено.

Элрою было всего семь, но он отличался удивительной ответственностью. До такой степени ответственности за всю жизнь не каждый взрослый доходил.

Он еще раз проверил свой портфельчик: все ли документы и справки захватил, а то вдруг ведь! Придется еще домой возвращаться. А ведь кто-нибудь может прийти за это время... нет-нет, такого не случится!

Он вышел в половине шестого.

Ему просто до жути хотелось быть первым и оправдать ожидания отца, хотя он знал, что школа открывается лишь в семь, а занятия начинаются даже не в восемь, а в девять.

Элрой торопливо двигался в сторону школы по пока еще безжизненным улицам. Временами он озирался по сторонам, будто бы ожидая, что прямо сейчас со всех углов вдруг выскочат дети и самым наглым образом опередят его.

Никто не выскакивал.

И никто еще не стоял у дверей школы.

Элрой был первым.

Он подергал приличия ради дверь. Все оказалось как положено: дверь была заперта.

Элрой довольно уселся на крыльце.

Он еще раз проверил все документы, повспоминал все то, чему его научили в прошлые два года... Одна инъекция знаний в год — тогда даже еще не нужно было ходить в школу и общаться с детьми.

Конечно, он ничего не забыл. Эти знания из инъекций (по крайней мере, самых первых) держатся в голове всю оставшуюся жизнь.

Так что все будет хорошо.

Часы показывали 18 минут седьмого. Элрою уже, честно говоря, надоело сидеть у дверей, тем более никто так и не явился за все это время. Сколько бы еще он мог поспать? Хотя бы лишние полчаса...

Но раз уж пришел — так стой и не ной. Ну... или, в данном случае, сиди и не ной.

Тем более никто не запрещает тебе оглядываться по сторонам.

Вокруг было даже, пожалуй, красиво. Немного диковато, правда. Почти джунгли. Или, может, джунгли только в понимании Элроя?

Совершенно непонятно, как такое вообще допустили.

Элрою, однако, нравился этот зеленый участок, находящийся притык-в-притык со школой. Даже шорох листвы оттуда.

Он все вглядывался в густые кусты и деревья и пытался понять, как им этот шорох издавать удается. Со временем он вдруг обнаружил, что на траве стало появляться что-то более-менее цветное. По крайней мере, оно было ярче, чем остальное.

Любопытство взяло свое...

Еще раз бросив взгляд на калитку и на улицу за ней и удостоверившись, что никто там и не думает появляться, Элрой подошел к кустам. Оказалось, это распустились венчики цветов, выросших вместе с травой! И как он раньше не догадался!

Цветы были замечательные. Просто очень милые. Какие-то уже раскрылись, какие-то еще нет... прямо как люди: жаворонки и совы. Элрой поставил себе целью не проглядеть, как раскрывается венчик хотя бы одного из них. Как-то не верилось, что вот так вот просто — спал, а тут вдруг взял, да и проснулся... временами, правда, он продолжал косить одним глазом в сторону школьного крыльца...

Листва вокруг продолжала шуршать. То ли Элрой слишком много времени просидел под деревом, то ли сказался его недосып, но ему вдруг показалось, что где-то там, в одной из крон, кто-то есть. Ему стало неуютно. Он оглянулся в поисках помощи, но рядом никого, конечно, не было.

Значит, надо разобраться самому.

Вряд ли это кто-то очень страшный. Иначе все давно уже были бы предупреждены.

Но кто?

Элрой захотелось узнать.

Поэтому он стал осторожно пробираться через кусты — куда-то туда, дальше. Ему стало любопытно — а что там, правда, такое? Раньше он никогда не заглядывал... а вдруг он первый из людей, кто за последние — да зачем же мелочиться? — допустим, 500 лет заглянул туда?

Элрой почувствовал себя самым настоящим исследователем.

Ему, правда, немного мешал портфельчик, но ничего, он и одной рукой справлялся — хотя и не очень умело, но расчищал себе путь. Опыта пока было маловато. Сегодня — первый раз.

Правда, пробрался он совсем недалеко, — потому что услышал пик. «Пик!» — пикнули одни из его наручных часов. Вторые часы не пикали.

Но и пика от одних хватило, чтобы Элрой вдруг вспомнил о том, а зачем он, собственно, тут находится.

Было уже семь утра! Школа должна открыться!

Вот здорово будет! Совсем скоро он, наконец, получит пропуск на входе с указаниями, куда ему идти, и номером кабинета. Потом он вставит этот пропуск в дверь, чтобы она открылась — тогда-то заодно и выпадет тот самый заветный номерок!

Анна GeekyReverie Рассказы к “Научи меня мечтать!”

Скорее бы!

Получит номерок — и вернется в свои кусты, разбираться, что там. А, может, подождет еще кого-нибудь, и они отправятся вместе.

Сначала, правда, надо было еще выбраться отсюда. А это оказалось не легче, чем пробраться, и потребовало еще какого-то времени...

На крыльце, к счастью, так никто и не появился.

В пустынных коридорах школы Элрой с удовольствием вел счет своим гулким шагам.

Еще слишком рано. Никого нет.

Наконец нужный кабинет!

Он вставил свою карточку в пропускную систему у двери и за те несколько секунд, что создавался его номерок, успел крикнуть громко и не без пафоса — ведь он не просто так пафосничал, а вполне заслуженно (да и кто мог услышать?):

«Ура! Я все-таки, — тут он почувствовал, как номерок упал ему в руку, — четвертый?!»

На последнем его слове дверь открылась, и Элрой заметил, что в классе уже сидят трое ребят.

Они смотрели на него немного растерянно. Все-таки они видели его в первый раз... они и сами недавно познакомились друг с другом, но никто из них не вошел в класс с выкриком «Четвертый!».

Элрой тоже уставился на них не без удивления. Откуда они только взялись? Когда они успели прийти?

Как он только мог отвлечься на цветы?! Сам виноват...

— Да, ты четвертый! — согласился один из них. — А я вот первый пришел! — и он довольно улыбнулся. Наверно, вчера вечером у него — да и у остальных, так рано явившихся, — состоялись подобные разговоры с родителями, — Давай, проходи.

Элрой зашел довольно скукоженно. Он все еще не мог взять в толк, как так вышло-то... и что он скажет отцу?

Но ведь мальчишки, уже рассеявшиеся довольно за партами, были совсем не виноваты...

И, потом, что уж ему этот номерок? Он и без номерка прекрасно справится! Они вроде ничего, эти мальчишки. Такие же ответственные.

— Здорово, что мы тут одни из первых! — Элрой улыбнулся им приветливо. — Как вас зовут? Я Элрой Ма...

— Ты четвертый! — перебил его уже другой. — Давно известно, первые — это первые три. А ты четвертый. Понимаешь, Четвертый?

— Я не четвертый, — обиженно пробормотал Элрой. — И хватит так ко мне обращаться! Меня зовут, как я уже сказал, Элрой... Я рано пришел... и тут давно уже... я просто был... — он замялся. Может, и правда, не стоило об этом говорить? Зачем он начал?

— Ну, где же ты был?

— В кустах. Там что-то шуршит. Может, пойдем, проверим, что бы это... могло... быть?... — последнее он промямлил уже очень нерешительно.

— В кустах ничего быть не может, — ответил тот, что пришел первым. Элрой так про себя его и прозвал (раз уж они успели прозвать его Четвертым) — ведь он не

захотел представляться. Он выглядел очень серьезно. — Я займусь чем-нибудь поважнее! Проверю лучше все еще раз, сегодня все-таки первый день.

Остальные тоже отказались от предложения изучить кусты. Да и самому Элрою уже совсем расхотелось отправляться туда.

Он сел, как и они, за парту, и принялся с важным видом перечитывать все свои документы.

До девяти было еще полно времени. Элрой успел сложить все порядковые номера всех своих личных документов и уже принялся за их умножение.

Мальчишки отказывались почему-то с ним разговаривать и даже поглядывали косо. Кажется, они сочли его лгуном. А хуже того, что тебя сочли лгуном, ничего быть не могло.

Прибывавшим в класс ученикам они ничего прямо не говорили — из вежливости и чувства такта — но если вдруг кто-нибудь собирался сесть за парты, расположенные рядом с Элроем, они тихонько качали тому человеку головой, так что он в итоге понимал их знаки и выбирал себе какое-нибудь другое местечко.

Элрой упорно умножал цифры — там было уже далеко за миллион — и делал вид, будто ничего не замечает.

Наконец заняты были и парты перед ним, и парта справа. Парта слева — у самого окна — осталась свободна. Элрой временами отрывался от цифр и поглядывал тихонько в окно — оно как раз выходило в тот, так сказать, сад, где что-то с утра шуршало.

Наконец в класс вошла учительница.

И начался их первый урок.

А парта слева так и осталась пустой.

Урок оказался скучнее, чем Элрой ожидал. Хотя что уж может быть скучнее, чем почти полтора часа складыванья и умноженья цифр в тишине?

Оказывается, что-то все-таки может.

Учительница читала правила и стандарты, пункт за пунктом. Удивительно, как только семилетним малышам удавалось все это так терпеливо выслушивать? Впрочем, если этот текст читают люди с Земли, да будет им известно, что в семь лет все эти ребята уже успели получить столько знаний, сколько получают на Земле в течение... ну, этак восьми лет учебы. И это, кстати, сказывалось и на мышлении в целом.

Она читала и читала, читала и читала... конечно, все это они могли ввести вместе с очередной инъекцией, но так уж положено: учительницы должны читать ученикам все правила и положения. Что инъекции эти совершенно безболезненны, что с семи лет положено делать их регулярно раз в две недели. Отмечать основные принципы, по которым знания дозируются и классифицируются, кому какие инъекции положены, каковы планы на этот год... это все и еще много другого.

Элрой все чаще глядел в окно. Правда, когда учительница стала перечислять имена, профессии и дозы, он переключил свое внимание на класс. Пытался запомнить, как же их всех зовут.

Вот и его имя назвали. И его специальность.

Элрой не без удовольствия улыбнулся. Пусть все слышат: он будет работать — ни много, ни мало — в Администрации!

Хоть какой-нибудь повод улыбнуться за сегодняшний день, складывающийся, очевидно, неудачно.

Элрой старался не думать о том, что расскажет отцу вечером. Может, все еще образуется... через две недели — а вдруг они забудут?.. или еще через две?

А, может, он все-таки найдет что-нибудь в кустах, и тогда его точно будет ждать триумф. Пусть та троица рты разинет, когда он предоставит им наглядное свидетельство: «Видите! Что я нашел! Что там было! Я же говорил! А вы не верили...»

Они, наверно, извинятся, и с тех пор отношение к нему изменится.

Да вот большинство не село рядом, даже не понимая, в чем дело. Лишь с указки тех ребят.

Нечестно как-то получилось!

Учительница почти закончила перекличку. Оставалось еще несколько имен, но Элрой уже не слушал.

Все его внимание привлекло творящееся в окне.

А творилось там что-то очень странное и необъяснимое. Неужели правда это ветки так шевелятся?

Может, ему показалось?

Да нет, Элрой мог положиться на свои глаза.

Треск все усиливался — хотя он уверял себя, что это только ему так кажется, что он слишком прислушивается... как вдруг! К величайшему своему удивлению Элрой увидел, как на ближайшей ветке ни с того ни с сего появилась — уж откуда она только свалилась? — какая-то девчонка.

Девчонка с печатью невозмутимости аккуратно пробралась с ветки прямо в открытое окно и довольно уселась за свободную парту.

Учительница, кажется, даже не заметила. Еще бы — ей надо было не сбиться во всех своих многочисленных списках.

Раз уж девчонка была невозмутима, то Элрой просто обязан был удивиться за двоих! Она опоздала почти на два часа! Она же не получила номерок!

Она невозмутима, а он нервничает за нее! Что она будет делать теперь без номерка? Ее тайное проникновение все равно перестанет быть тайным...

Но она к этому, видно, была готова.

— В заключение, у нас есть еще одна ученица, — сказала учительница немного неуверенно, — которая, кажется, не пришла сегодня. По крайней мере, номерков выдано меньше, чем присутствующих... ведь у нас нет пустых парт. Я не понимаю, — она окончательно смутилась. Немного на самом деле требуется, чтобы смутить взрослого человека. — Хорошо, я уже отметила все ваши номера. Осталась только одна ученица. В классе присутствует Шеррилья Дчжонс?

— Присутствует, — спокойно кивнула девчонка.

Ага, значит, Шеррилья ее зовут.

— Назовите, пожалуйста, ваш номер.

— Последний, — все так же спокойно ответила она.

— 38-й?

— Наверно, — Шеррилья быстро окинула взглядом класс и постаралась посчитать количество учеников.

— Вы не уверены?

— У меня нет его на руках.

— Ничего не понятно.

— Но я точно знаю: последний. Я тут последняя оказалась. Нет только номерка.

— Как же вы попали в класс без номерка?

— Признаться, я... через окно.

— Почему же?!

— Я не смогла попасть в класс... ээм... через дверь. Она отказалась меня пускать!

— Невиданно!

— Ну нет, вполне очевидно, ее запрограммировали так, чтобы опоздавших не впускать. Ну вот я и попробовала... я через окно.

Кажется, учительницу совершенно не волновал тот факт, что Шеррилья пробралась через окно — все-таки это было довольно опасно. Ее куда как больше заботило другое:

— Так зачем же вы вообще пришли, если опоздали? Как я вам достану теперь номерок? Что я скажу начальству? Ведь несоответствие количества учеников, требующих инъекций, и выданных номерков налицо! Придется... придется писать объяснительную! И вызывать сейчас ремонтного робота.

— Вот если бы у меня был ключик, — негромко сказала Шеррилья, — может быть тогда... я бы быстрее робота, может, достала этот номерок... не знаю, у меня же нет ключа. Может, у вас он есть? Мне нужен только...

Учительница аж побелела. Нет, ну это же вопиющая наглость какая-то!

— Извините, Шеррилья, — она не дала ей закончить. — Робот разберется лучше, уж поверьте. У вас пока еще нет никаких сертификатов или хотя бы разрешений, никаких дипломов, ничего такого, что дало бы вам право попробовать поработать с этой дверью.

— Хорошо, извините, — Шеррилья, кажется, была совсем не против. — Я просто хотела помочь. Так ведь проще было бы... могло бы, по крайней мере. Я бы хотя бы попробовала до робота...

— Хватит! Единственное, что вас спасает, — это лишь то, что в правилах ничего не сказано об опоздавших учениках, которые, тем не менее, сумели проникнуть в класс.

Придется, пожалуй, решить мне самой... каждая инъекция — это ценнейший препарат, и было бы жаль так нерационально избавиться от сегодняшней, заботливо выделенной государством даже для таких безответственных, как вы... хорошо, мы вам сделаем, хотя вы и не заслуживаете... И... — она нахмурилась, — что у вас с глазами? Вы случаем не пересмотрели телевизор?

— Я? — Шеррилья в этот раз очень удивилась, будто бы учительница спросила, а нет ли у нее хвоста. — Нееет, я телевизор не смотрю! На что там смотреть? Вот было бы у нас телевидение как у них... я вам даже показать могу! — она уже засунула руку в рюкзак и принялась доставать оттуда что-то. Элрой успел разглядеть только то, что там была мешанина каких-то необычайно ярких красок. Он бы и не подумал, что такие существуют на свете!

— Не стоит, Шеррилья, — перебила ее учительница. — Если у вас с глазами все в порядке...

— Они всегда такие, — вставила Шеррилья, но не очень громко.

— То перейдем сразу к делу. Непозволительно тратить время на праздные разговоры, с вами мы и так отобьемся от графика. Еще и с роботом... вам предстоит обучаться по специальности...

— Извините, я уже знаю, — перебила Шеррилья. — Я правда уже знаю. Пожалуйста! Не перечисляйте... тогда мы сэкономим время!

— Вы уверены? — замялась учительница. Все-таки это было против правил. — Тогда потом напишите записку директору с подтверждением, что сами отказались от предоставления вам информации сегодня.

— Хорошо, — кивнула Шеррилья.

За сим конфликт (если только он был) оказался исчерпан.

Остаток урока Элрой поглядывал в сторону Шеррильи и ее рюкзака. Откуда у нее там вот то... что там только было... откуда такое? И что это вообще такое?

Когда занятия закончились, Элрой отправился вместе со всеми к выходу из школы, а Шеррилья, в отличие от всех, отправилась к директору писать записку.

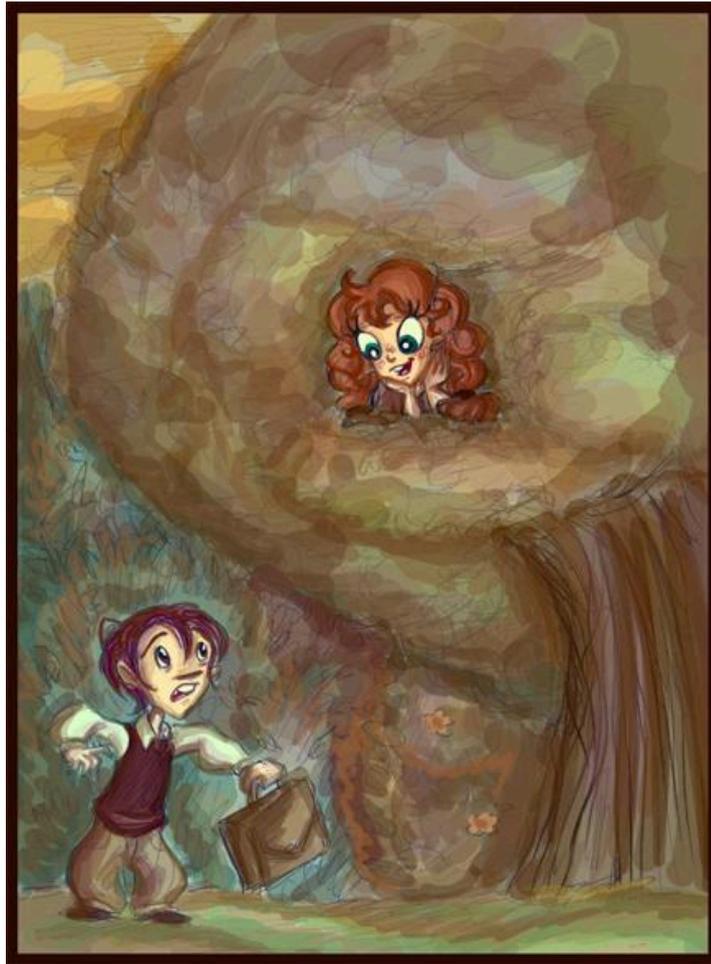
Элрой подождал, пока все уйдут, и пошел украдкой к своим кустам. Он ждал довольно долго — но никаких посторонних таинственных шорохов — таких, как утром, — он больше не слышал.

Он пробирался дальше и дальше сквозь все эти большущие кусты, поцарапался даже пару раз, но ничего этого не заметил.

Весьма интересно тут оказалось, на самом деле. Гораздо интереснее, чем на голых асфальтированных улицах, где ничего нет. Ступать по траве было приятно, да к тому же тут и там выглядывали очаровательные цветы. Несколько раз жужжали шмели, и Элрой тогда пугался, но разве остановят его шмели?

Через какое-то время, кроме того, опять стало что-то шуршать. Причем все настойчивее и ближе. Элрой подумывал уже дать деру — все-таки, наверно, он мог бы причислить себя к трусоватым мира сего... однако не успел.

Ни с того ни с сего — прямо как сегодня на уроке — откуда-то сверху показалась голова Шеррильи.

Она сидела на ветке одного из деревьев и приветливо смотрела на него. Наверно, уже успела написать записку и вновь обрести свободу.

— А! Ты снова тут! Что-нибудь потерял? Помочь?

Элрой от неожиданности чуть не подпрыгнул.

— А ты откуда все знаешь? — спросил он удивленно. — Ты что же... утром ты... и все это время — это ты тут шуршала?

— Я не шуршала, — важно сказала Шеррилья. — По крайней мере, если и шуршала, то не специально. У меня есть дела важнее, чем просто шуршать... и вообще, это плохо, если ты услышал.

— Почему? Плохо, что я узнал?

— Вовсе нет! Но если ты услышал, то вдруг и он тоже! Вот что плохо!

— Кто?

— Тот, кого я думала сегодня тут встретить.

— То есть... кто?

— Маленький такой... цветочный эльф. Видно, я так громко шуршала, что он услышал и ушел.

— Кто-кто???

— Маленький цветочный эльф. Эльф! Это такой человечек, у которого... давай я тебе лучше сразу покажу рисунок, у меня тут как раз о нем целая история! Поднимайся ко мне!

Элрой неуверенно посмотрел на ствол. Как тут подняться-то?

Заметив его колебания, она не стала больше его мучить и быстро спустилась сама.

— У меня большая практика, — на лице ее появилась довольная улыбка. — Я тут уже довольно давно. Но это не так сложно! Ты тоже научишься, если будешь тренироваться. Главное — знать меру и не забираться слишком уж высоко.

Они уселись под деревом. Она принялась рыться в рюкзаке.

— Так ты тут давно уже?

— Ага. Тут ведь хорошо! А то все улицы-улицы, машины-машины, дома-дома-дома... я как нашла этот уголок, так просто не покидаю его! Весь уже облазила!

В буквальном смысле, отметим мы с вами.

— А я вот сегодня... первый раз. Но вообще-то... думаю, я сюда теперь чаще буду приходить.

— И правильно! Может, мы его вместе засечем — так ведь даже веселее!

— Эльфа-то?

— Кого же еще? Хотя... может, это очередная их выдумка. Они вечно все выдумывают, так что даже непонятно, где правда, а где — смотри какое красивое слово — фантазия! Вот он, нашла наконец!

И Шеррилья протянула ему то самое — яркое и непередаваемо замечательное.

— Что это? — Элрой никак не мог оторвать глаз и от эльфа, и от грибов, и от цветов, в окружении которых эльф находился.

— Как я уже успела сказать — и не раз — это эльф!

— Нет, это все вообще — что это?

— Ааах, конечно! Ты же не знаешь еще... Это комикс! Земной комикс! Да-да, прямо оттуда!

— Где же ты такой нашла? Земной — это что? Это город? А я о нем и не слышал даже! Ты там была?

— Это планета. Далекая. Я там никогда не была, а родители мои — как раз сейчас в экспедиции. На Земле невероятно здорово!

— Но так ведь... ведь так ярко! И у них... это ведь трава, да?

Шеррилья кивнула.

— И она зеленая?!

Шеррилья кивнула еще раз:

— У них вообще все цветное! Все-все-все! Вот такое вот цветное, как тут! У меня даже фломастеры есть — родители привезли — так вот, с ними я теперь сама могу рисовать цветные картинки! Я тут пробовала... плохо получилось. Зато цветно!

— Ты мне потом покажешь? — с надеждой спросил Элрой.

— Обязательно! Могу хоть на следующее занятие принести!

— Ох, как здорово! Кстати, Шеррилья...

— Шерри! — поправила его Шеррилья. — Так лучше! Проще! Зови меня Шерри — и все дела. А ты, если я только правильно запомнила...

— Четвертый, — вяло сказал Элрой. Вспомнилась тут же троица, попрощавшаяся с ним именно так: «Пока, Четвертый!». И стало неприятно.

— Ну, тогда называй меня лучше не Шерри, а Последняя! — Шерри приняла хитрый вид.

— Но ведь ты Шерри!

— А ты Элрой! И вовсе не Четвертый! Хотя бы потому, что ты первый пришел. Я же видела. И сам ты знаешь.

— Но ведь никто, кроме нас...

— Но ты-то знаешь — вот что главное!

— Так нет, тогда уж я второй... ведь ты тут, как я понял, даже раньше?

— Так я не из-за номерков... до номерков мне дела нет никакого! Я думала на рассвете выследить эльфа. И потом, какая вообще разница — первый, второй... это все чушь! Мне, например, никакого дела нет! — решительно мотнула головой Шерри.

Элрой стало спокойнее. Может, так папе и сказать? При чем тут, правда, отношение коллектива и какие-то номерки?

— А все-таки странно, что ты так... опоздала настолько!

— По-моему, я вовремя как раз.

— Но ведь...

— Так что мне там было сидеть столько времени? Я раза два заглядывала в окно — и все одно и то же. Да больше толку будет сидеть на ветке дерева и выслеживать эльфа, чем слушать всю ту белиберду!

— Но ведь надо!

— Надо? Зачем?

— Зачем?... ну... потом, может, понадобится, не знаю... а ты, кстати, кем будешь, когда вырастешь?

— Изобретательницей! — гордо сказала Шерри.

— Правда?! — удивился Элрой. — А я думал... вроде же, в этом году по плану...

— Ты правда сумел запомнить все то, что читала учительница?! — глаза Шерри расширились от восхищения. — Ого! Да я это даже выслушать не могу, а ты вникал и запоминал!

— Ну и вот... — скромно замялся Элрой. — Она же не назвала твоего имени... тебе же, кажется, не положено...

— Какая разница? Я стану изобретательницей, это дело решенное! Я уже вместе с родителями временами пытаюсь изобретать! Кажется, получается кое-что! Не всегда... но получается! Так что я буду изобретательницей!

Она сказала это так уверенно, что Элрой уже не сомневался: так оно и случится.

— А ты?

— А я буду работать в Администрации! — вот и у него есть повод испытать гордость. Конечно, это решили за него по плану, но ведь досталось-то ему, а не кому-то. — Мне очень повезло!

— Рада, что тебе это так приятно! — искренне улыбнулась Шерри.

— Еще бы! Да кто ж не был бы рад работать в Администрации?! Если хочешь, вот потом, когда я добьюсь повышения, скажем, мне доверят совершать контрольную проверку инъекций... хочешь, я попробую найти местечко и для изобретательницы? Изобретать для Администрации — это же честь!

— Ну... — Шерри, кажется, придерживалась иного мнения. — Не знаю даже... что там изобретают?

— Что там изобретают? — неуверенно переспросил Элрой. — Точно не знаю... но штат административных изобретателей точно имеется! И немалый! Я специально

читал об отделах Администрации... по-моему... папа говорил недавно что-то о скрепках.

— Ну... — опять потянула Шерри. И Элрой понял, что ей было просто неловко сказать ему то, что она подумала.

— Ну так... тебе необязательно... идти туда работать... это я предложил просто...

— Мне мой папа рассказывал, что они сидят там целыми днями в больших мрачных кабинетах... целыми днями! — сказала Шерри. — Папа там долго не смог работать, да и я, наверно, не смогу. Я вот хочу... не знаю... но точно не сидеть целыми днями в кабинете... мне тут хорошо! Вот еще на Земле хорошо!

Элрой в этом уже не сомневался.

— У них много... вот, биологов! — Шерри вспомнила нужное слово и осталась довольна. — Если тебе нравится тут — на природе — наверно, тебе бы подошло... ведь нравится?

— Честно признаться, страшно нравится! — искренне подтвердил ее предположение Элрой. — А биологи — это...

Он не договорил, потому что на глаза ему попалось рекламное объявление на оборотной стороне комикса об эльфе, где был изображен сачок, мальчишка и бабочки.

Шерри, проследив за его взглядом, ответила:

— Да, этим тоже, кажется, занимаются... только серьезно, а тут вот — игра какая-то изображена...

— А что это? — спросил Элрой. Картинка его просто-напросто заворожила!

— Это? Точно не знаю, как зовется... им ловят бабочек — как на картинке!

— Зачем?

— Так ведь они красивые!

— Ну конечно... когда они вот такие, как тут, на картинке, очень красивые... у нас ведь... я таких никогда не видел.

Шерри посмотрела на него немного странно.

— Да вот сегодня с утра было несколько! Летали все вокруг! Вокруг цветов, вокруг кустов, вокруг тебя!

— Правда?! — Элрой искренне удивился. — А я не видел! И... и что... такие прямо красивые, вот прямо как тут, на рисунке?

— Сегодня — не такие, поменьше... Но и такие, как тут изображены, тоже встречаются! Даже у нас, — кивнула Шерри. — С бабочками нам как раз повезло. Не все, правда, есть, вот этой, — она ткнула пальчиком в одну из бабочек на картинке, — вот этой у нас нет... но вот эту и эту я, пока тут сидела, видела очень часто!

— Да?... Тогда... тогда я как-нибудь... слушай, надо бы мне попробовать их заметить... может даже... вот если бы я уверился наверняка, что они такие же точно, как тут на рисунке... то, если уж ты станешь изобретательницей, то и я, может... может и впрямь... — ему страшно было сказать вслух: «Ну ее, эту Администрацию. Лучше я попробую собрать всех бабочек! Если только они и в жизни такие прекрасные, как тут!»

Пикнули его часы.

— Ой, — Элрой будто бы очнулся. — Ой! Мне же пора домой! Уроки уже давно... ой!

Еще и номерок четвертый... впрочем, теперь ему уже не было никакого дела до номерка! Ну номерок — и ладно — глупая какая-то цифра...

— А зачем тебе сразу и те, и эти? — полюбопытствовала Шерри.

— Так вдруг одни уйдут вперед? Или отстанут? Тогда будут другие — правильные.

— А как ты узнаешь, какие из... или вдруг одновременно одни будут спешить, а другие опаздывать?

— А у меня... у меня еще есть третьи в кармане, — сказал не очень уверенно Элрой.

Шерри спорить не стала.

— Я тогда принесу в следующий раз фломастеры!

— И, если несложно, побольше комиксов! Пожалуйста! Ну, то есть...

— Само собой! С удовольствием!

— Это тогда через две недели... я вот думаю сюда еще раз или два прийти — за бабочками! Они ведь тут летают, ты говоришь?

— Да, конечно.

— Ну так, может, нам не ждать уроков, а встретиться пораньше? Ты тут часто?

— Часто? Если я не в лаборатории, так тут...

— Ну так... до встречи тогда!

— Ну еще бы!

И они распрощались. Впрочем, вряд ли надолго.

Целая неделя для подвига (рассказ о жизни и проектах Ойкльви)

Понедельник.

Ойкльви уныло расставлял письменные принадлежности на рабочем столе и ожидал с минуты на минуту прихода этого дурака. Дурак всегда врывался бесцеремонно и без всякого стука — даром, что начальник. То ли дело мистер Макинтош — мистер Макинтош был самым вежливым из всех, кого Ойкльви знал, и одним из проявлений этой его безукоризненной вежливости был мягкий предупредительный стук в дверь. У мистера Макинтоша вообще было много замечательных качеств. Ойкльви на самом деле мало что мог о нем сказать, зато только хорошее.

Жаль, обычно все приказы мистера Макинтоша доходили до него через дурака, а не напрямую.

Ойкльви вздохнул и посмотрел еще раз на часы. В этот раз дурак заметно опаздывал. Ойкльви недовольно посопел, откашлялся, икнул и сказал, ни к кому не обращаясь:

— И где только этот дурак пропадает?! Что я скажу мистеру Макинтошу, если он сейчас постучит? «Извините, мистер Макинтош, я еще не начал работать!» Тогда он спросит меня: «Но почему же, мистер Ойкльви? Почему?» И я отвечу... что я отвечу?.. Ах, да, я отвечу: «А потому, мистер Макинтош, что надо мной стоит дурак!» Дурак дураком! Невероятный дурак! Удивительный дурак! Настолько дурак, что за 30 лет не научился до сих пор в двери стучать! Главное ведь что — у меня еще есть работа с прошлой недели. Но разве я могу приниматься за нее сейчас?! Нет, не могу! А почему? А потому что надо мной стоит этот дурак. И если он сейчас вдруг постучит в дверь, я ему скажу: «Здравствуйте, мистер Дурак!» И...

Ойкльви не закончил, потому что его «и» плавно перешло в еще один ик.

Он раздраженно замолчал.

Все его сегодня раздражало. Особенно раздражало. Раздражал дурак, раздражал кабинет, раздражала икота.

Раздражала работа.

Работа уже много лет раздражала его. И даже еще больше, чем начальник-дурак.

А ведь когда-то он ее любил. Сейчас казалось просто невероятным.

Он с детства гордился своей почти уникальной специальностью и еле дождался своего первого ДВВД¹. Карьера его сразу же резко пошла вверх, и это его, по правде говоря, совсем не удивляло. Специалистов по приложениям-2837 нечасто встретишь, а уж талантливых специалистов — тем более.

Вскоре он, будучи молодым перспективным специалистом, получил приглашение работать в столичной Администрации Президента, с нескрываемой радостью принял его и покинул родной Шеттильддж.

Работать в Администрации — большая честь, лучше места не найти во всей галактике. Ему выделили уединенный кабинет в уединенном корпусе, предоставили все условия для работы — и он радостно взялся за дело. Много лет он трудился

---

¹ День Вступления в Должность.

самозабвенно и считался теперь ведущим специалистом в своей области по всей Администрации, а, значит, можно сказать, и на всем Тыньчже. И хотя профессиональная деятельность его не требовала постоянного контактирования с коллегами, а потому большую часть времени он проводил в одиночестве, недостатка в общении он не испытывал: у него были два стажера-ученика и начальник. Он тогда еще почему-то не замечал, какие они все дураки. Дома были жена и дети. Все оказались глупышами, но это он тоже не сразу осознал. Кроме того, был еще он сам. И, как он со временем заметил, сам себе он оказался лучшим собеседником.

Как-то незаметно он пристрастился разговаривать сам с собой — большей частью о всякой чепухе. Стажеры приходили в определенное время, начальник вламывался только с утра, так что у Ойкльви каждый день имелось несколько часов для болтовни — работе его она все равно не мешала.

Все было лучше некуда. Работа ладилась, дни безмятежно текли.

А потом вдруг появился он. Мальчишка.

Сначала Ойкльви испытал недоумение — кто такой. Недоверие. Удивление.

И восхищение.

Если бы не мальчишка, Ойкльви бы, наверно, никогда не счел нужным задуматься о том, чем занимаются его коллеги. Ойкльви редко интересовался чем-либо, выходящим за рамки его профессиональных обязанностей.

Но мальчишка каким-то удивительным образом, сам того не желая и не осознавая, ворвался в мир Ойкльви и пробудил в нем любопытство. Ему стало очень любопытно — чем этот мальчишка будет заниматься и почему пришел так рано в Администрацию.

Ойкльви даже постарался не пропустить первое официальное выступление мальчишки перед ведущими сотрудниками. Мальчишка тогда тараторил о чем-то, совершенно далеком от Ойкльви, но тараторил так ладно, что Ойкльви совсем заслушался. В конце выступления мальчишка улыбнулся и получил заслуженные аплодисменты.

Ойкльви хотел лично пожать ему руку, но мальчишку обступила такая толпа, что ему не удалось пробраться.

В тот день, наверно, все и перевернулось.

Ойкльви вернулся к себе в кабинет в приподнятом настроении.

— Способный мальчишка! — сказал он столу. — Как ловко он говорил!..

Интересно, что бы он сказал о моих приложениях?.. Он встал бы вот так, перед ним был бы микрофон, он бы начал, наверно, с определения. Что есть аппликация-2837? И что означает шифр? Начинать стоит с конца. Семерка — это... — Ойкльви поглядел на стол. — Впрочем, кому бы он стал это говорить? Специалистов так мало! И лучшие двое — они у меня... а остальные не стали бы слушать... зачем им знать, как заполняются эти... бумажки.

Ойкльви презрительно глянул на несколько своих приложений.

Он вдруг подумал о мальчишке. О чем он там говорил? О чем-то поважнее! Уж наверно, раз потом его обступило столько людей. О чем-то, что касается многих. И через месяц он будет говорить о чем-нибудь еще — наверно, совсем новом, но не менее важном. А Ойкльви так и будет возиться все с теми же приложениями-2837.

— Это странно, — пробормотал тогда Ойкльви стулу. — Ну, посмотрим...

Через несколько месяцев мальчишке официально доверили в первый раз уже совершенно самостоятельно курировать собственный проект.

Ойкльви понадобилось как-то пойти в центральный корпус. Там они снова встретились — за прошедшие месяцы мальчишка стал куда как расфуфыреннее и увереннее в себе. Говорил уверенным тоном, а собеседники ему кивали. Их было много. И они выполняли его приказы. Ведь он курировал проект.

И так легко ему это давалось, так естественно отдавал он им приказы!

— Вот, — сказал Ойкльви, вернувшись к себе в кабинете. — Вот так так. Вот так жизнь!

И больше он в тот день, вопреки обыкновению, ничего не говорил.

Вот так жизнь у него! Сколько проектов! Сколько всего! Какой кабинет — не на отшибе, как у него, Ойкльви, а в центральном корпусе! Сколько людей вокруг него! Сколько людей у него в подчинении! Сколько людей готовы его слушать! Скольким людям он нужен! Скольким людям помогут его проекты!

Но главное — сколько людей его знают и у скольких его имя на слуху! Макинтош! Так его звали.

Со временем Ойкльви тоже стал так его называть. И вслух и даже про себя. Он преисполнился к нему почтения.

— Все к нему уже привыкли, — бормотал он в собственном кабинете, возясь со своими бесконечными приложениями. — Да, привыкли... и никого больше не удивляют его успехи... он все предлагает проекты — а они воспринимают теперь как должное... Да... и он один за всех отдувается. Честно? Ну да, нечестно. Нечестно, что один... вот я... ну да, я... а вот интересно, сложно ему?.. Я бы не отказался попробовать... Пожалуй... это надо обдумать.

Обдумывал Ойкльви почти неделю.

— Ну да, — крикнул он в один из понедельников, вынимая из конверта приложения. — Если уж он смог, так что мне мешает попробовать?

Приложения попадали на пол — Ойкльви пришел в шок от собственной революционной идеи.

Ну конечно!

Составить собственный проект! Все как по нотам: составить проект — доложить о проекте — курировать проект — подготовить отчет — получить новую должность и никогда больше не видеть глупые приложения, обрекающие на одиночество! Почему, в конце концов, Ойкльви должен до конца жизни сидеть вот тут и упираться в потолок? Всегда есть возможность вырасти! И с чего это он решил, что приложения — работа для него?! Ойкльви стал припоминать случаи из детства и юности и везде находить какие-то предзнаменования к тому, что призвание его — работать с людьми. Не безликими бумагами с шифрами, а людьми. Делать их жизни лучше. Что может быть прекраснее?!

— Когда мистер Макинтош доберется до моего уровня, мы с ним составим прекрасную команду! Я буду идейным вдохновителем, а он — исполнителем. Моих проектов. Моих! — повторял он, подписывая и упаковывая приложения.

С тех пор прошло много лет. Мистер Макинтош успел догнать Ойкльви и перегнать — и даже на несколько уровней.

Его должны были вот-вот назначить вторым заместителем Президента.

Что касается Ойкльви, то за эти годы он так и остался ведущим экспертом по приложениям. Только в ящике его стола скопилась целая стопка проектов. Проекты были замечательные. Чтобы их написать, Ойкльви пришлось изрядно попотеть. Так как он совершенно не представлял, что делают в других отделах и с чем там работают, ему пришлось чаще выходить из своего кабинета, приглядываться, прислушиваться и, наконец, читать книги в библиотеке. Последнее оказалось самым эффективным. После прочтения каждой новой книги на Ойкльви снисходило озарение — и он в тот же вечер единым махом создавал новый проект.

Когда их накопилось не меньше десяти, он решил, что пришло время действовать.

В тот день к нему, как обычно, ворвался начальник — тогда он был еще просто начальником, а не дураком.

Ойкльви не без трепета решил доложить ему о собственных проектах.

Начальник ничего не понял.

— Это как-то связано с приложениями? — спросил он наконец.

— Н-нет, — промямлил Ойкльви. — Никак, сэр... оно... о другом.

— Тогда зачем вы мне все это сейчас пробубнили?

— Вы... поймите... это... расскажите о них... мистеру Макинтошу расскажите...

Он сразу поймет, что это...

— Мистер Макинтош передал сегодня утром, что ему потребуется отчет с формулами по 8-19. И еще 3-16. Как видите, немало работы. У вас не так много времени, приступайте лучше сразу.

— Хорошо, с этим я справлюсь.

— Вот и замечательно. Удачного дня!

— Так вы передадите мистеру Макинтошу?..

— Что?

— Так мои... — Ойкльви замялся. — Ничего.

Начальник захлопнул дверь.

— Дурак! — рявкнул Ойкльви таблице 8-19 сразу же после его ухода. — Форменный дурак! Ничего не понимает! Ну что он понимает? Ничего он ему не передаст! Хочешь сделать — сделай сам. Сам и передам! У меня прекрасные проекты! Один лишь по отделу прогнозирования чего стоит. Сам мистер Макинтош вряд ли сможет найти способ увеличить производительность на 7%! А я смог! Чудный проект! Все они! Надо только их правильно представить! Этот дурак так представит, что мистер Макинтош точно не возьмется за них. Лучше уж я сам. Сам-то я представлю — у него слюнки потекут, оторвет с руками-ногами!

Ойкльви торжествующе зыркнул на приложения.

Еще несколько недель он репетировал в кабинете представление собственных проектов. Раз как-то он решил попробовать представить их семье. Он вдохновенно рассказывал им не менее получаса, по истечении которых они наградили его аплодисментами.

— Ты просто молодец! Ты так подробно все прописал! Великолепно!

— Благодарю, — скромно пискнул Ойкльви. — Я старался. Мой начальник, ну, Шепплдриндж, дурак, ничего не понял, хотя тут, кажется, все совершенно прозрачно. Сам он вовек ничего подобного не напишет!

— Конечно! Ведь это не он, а ты лучший составитель приложений в мире!

— Но... при чем же тут?.. Вы меня внимательно слушали?.. — растерялся Ойкльви. — О чем я рассказывал?

— Об приложениях, — хором заявили они.

— Ну... ну да, ну да... ведь я же всегда говорю о них и только о них. Спасибо, что поддерживаете, даже когда ничего не понимаете.

— Ты же знаешь...

— Да, я знаю, составление приложения — целая наука, и неспециалисты ничего не поймут... спасибо, что дослушали.

«Глупые! — подумал он про себя, но без всякой злости. — До чего же глупые! Как маленькие дети!»

Это открытие расстроило его даже больше, чем превращение начальника в дурака.

Были еще два стажера. Ойкльви почти каждый день наблюдал, как они увлеченно возятся с приложениями, и убеждался, что с этими даже говорить бесполезно. Эти, наоборот, понимали только то, что касалось приложений, — и ничего больше.

— Ладно, — говорил помногу раз Ойкльви, когда оставался один. — Если кто меня и поймет, так это будет мистер Макинтош. Лучше лишний раз подождать — у меня хватит терпения. Я подожду... но свой шанс не прозеваю.

С появлением мистера Макинтоша в высших кругах у Ойкльви становилось все меньше свободного времени и все больше работы, так что он уже не занимался своими проектами так, как раньше.

— Это хорошо, наводит порядок. Вот, и у меня пропали простои...

Временами (очень редко, но все же) он даже заглядывал к Ойкльви: иногда похвалить за проделанную работу, иногда спросить, все ли в порядке и требуется ли помощь (дурак вот никогда помощи не предлагал... да и что он понимал?). Ойкльви всегда раздирало любопытство в такие моменты проверить, сможет ли он действительно чем-нибудь ему помочь или просто красуется. Но у него никогда не хватало наглости проверить.

— Конечно сможет! — твердил он потом по временам. — Почему б и нет? У него наверно были курсы — по формам 19 и 3 и по разлиновке... может даже по построению кривых Айкльянса... Да, они распространены теперь весьма...

Ойкльви всегда имел несколько проектов под крышкой стола. Но никогда не заговаривал о них в присутствии мистера Макинтоша. Иногда ему казалось, что мистер Макинтош бросает на ящики в некотором роде хищные взгляды, как будто хочет посмотреть сквозь них, что там, но, конечно, так только казалось.

— Почему он никогда не спросит, что тут лежит? — спрашивал Ойкльви, недоуменно тыкая пальцем в крышку. — Ведь ничего проще быть не может! Ведь это просто, да? Это же очень просто, спросить: «Мистер Ойкльви, не покажете ли вы мне, что там у вас под крышкой стола?» Почему бы ему так не спросить?

Был еще вариант «Почему бы мне самому не предложить?», но его Ойкльви обдумывал заметно реже. Ему не нравилось думать над этим вариантом. Это был закрытый вариант и тому была причина.

Ойкльви вычитал где-то, что проекты подчиненные должны показывать в первую очередь своим непосредственным начальникам. Правила не предусматривали варианта «начальник-дурак» и не говорили, что же делать тогда — и это было их главным недостатком.

— И почему тут только стоит этот дурак? — тоскливо затягивал Ойкльви. — Вот не было бы дурака, так я бы тут уже не сидел! Это все дурак виноват! Без дурака я мог бы показать свои проекты мистеру Макинтошу! Такие замечательные проекты! Так ведь нет! Сидит дурак! Сидит и в ус не дует!

Вот и в этот раз дурак все портил. Ойкльви не хотел доделывать работу с прошлой недели, пока не заявится дурак.

В дверь к нему вдруг постучали. Ойкльви вытянулся в струнку и елеиным голосом пригласил стучащегося.

— Добрый день, мистер Ойкльви! Я вас не отвлекаю? У вас же, кажется, еще осталась незаконченная работа с прошлой недели?

— Да-да... нет-нет... что вы, что вы!.. Я... я просто... жду появления мистера Шеппльдринджа!

— К сожалению, сегодня вам придется начать работу без него. В связи с непредвиденными обстоятельствами мистер Шеппльдриндж не сможет выйти на работу в ближайшую неделю. Поэтому временно его обязанности возложены на меня. Можете обращаться по всем вопросам непосредственно ко мне.

— Ооооооо, — многозначительно протянул Ойкльви и спохватился. — ооооооо.

Второе «ооооооо» звучало очень сокрушенно.

Мистер Макинтош терпеливо дождался, когда он кончит, и затараторил дальше:

— Не стоит так переживать! С мистером Шеппльдринжем все в порядке, аварийная посадка на XDFH-90, его корабль уже... Впрочем, вернемся к вашей работе. У вас еще осталась часть незаполненных аппликаций с прошлой недели, так?

— Да, — кивнул Ойкльви, сохраняя сокрушенную мину на лице.

— Очень хорошо, постарайтесь закончить их до вторника.

— Да, — кивнул Ойкльви.

— Тогда я вынужден буду сейчас вас покинуть. Завтра я принесу вам новое задание.

— Да, — кивнул Ойкльви.

Мистер Макинтош уже готов был выскочить из кабинета.

— Значит, если у меня возникнут вопросы, обращаться можно прямо к вам?

— Да. Надеюсь, вы знаете, где мой кабинет, — бесцветно заметил мистер

Макинтош.

— Да-да... конечно, сэр...

Мистер Макинтош предпринял вторую попытку выскочить из кабинета.

— По... по... по любым вопросам?

— Какие сочтете нужными. Впрочем, надеюсь, их не возникнет.

— И до конца недели? — судорожно спросил Ойкльви, пока он еще не выскочил.

— Возможно, корабль сумеют починить раньше... не берусь обещать.

— Как жаль! — покачал головой Ойкльви. — Как жаль!

Мистер Макинтош кивнул ему сочувственно и наконец выскочил.

Вторник.

Во вторник мистер Макинтош явился с целой стопкой листов.

Он минут 15 разъяснял, что требуется от Ойкльви с этой стопкой листов сотворить.

— Тут много работы. Я думаю, на два дня вам точно хватит.

— Даааа... — протянул Ойкльви, оценивая стопку. — А я... я...

— Я не сомневаюсь в том, что вы справитесь! Но лучше вам приниматься за нее прямо сейчас, без промедления, и поменьше отвлекаться, чтобы все успеть. Надеюсь, мне удалось объяснить вам со всей ясностью, какие данные требуется получить и как их оформить? Или у вас остались какие-нибудь вопросы?

— Да-да, сэр... то есть нет-нет, сэр... я хочу сказать... у меня нет вопросов.

— Вот и замечательно. Желаю приятного рабочего дня! — лучезарно улыбнулся мистер Макинтош, и Ойкльви удивился, почему он до сих пор еще в кабинете и не выскочил.

Мистер Макинтош подумал о чем-то еще две секунды и добавил напоследок:

— Тогда завтра я не стану к вам заглядывать. Подготовьте все к четвергу!

Среда.

Ойкльви захлопнул дверь. Он был в кабинете мистера Макинтоша.

— Здравствуйте, — пробормотал он, дрожа как осиновый листок, хотя это было совершенно излишне. Мистер Макинтош, как и всегда, взирал на него с приветливой вежливостью.

— Добрый день!

— Добрый... — промямлил Ойкльви и застыл.

Мистер Макинтош выждал какое-то время, но Ойкльви упорно молчал.

— Вы пришли по какому-то вопросу? — он сам наконец начал разговор.

— Я?... дааа... да, по вопросу...

— Что-то осталось неясным в вашем задании? Какие-то проблемы?

— Нет! Нет-нет-нет! — принялся с особым рвением уверять Ойкльви. — Нет-нет, сэр, нет-нет-нет! Нет...

Ойкльви хотел еще добавить, что мистер Макинтош всегда очень хорошо формулирует задания, но потом счел, что это будет звучать несколько подхалимски, а потому лишь лаконично некнул еще раз.

Мистер Макинтош слегка качнул головой:

— Рад слышать. Тогда в чем же дело, мистер Ойкльви?

— Я выполнил всю работу еще вчера, сэр...

— В самом деле? — мистер Макинтош слегка скривил бровь. — Позвольте взглянуть?

— Да-да-да, сэр! Я взял с собой... вот, — он протянул листы начальнику и решил, что стоит дать ему время ознакомиться с ними.

Мистер Макинтош перетасовал бумаги и остался доволен.

— Замечательная работа, мистер Ойкльви! Я впечатлен! Вы справились с ней даже быстрее, чем требовалось! Что и говорить — вы мастер своего дела и работать с вами — одно удовольствие!

«Да, мы прекрасно сработаемся, — подумал Ойкльви про себя не без удовлетворения. — Вот человек, который оценит мои истинные таланты по достоинству».

— Благодарю, сэр. У меня... да... есть что... еще кое-что...

— Вы имеете в виду графики Льенчжа? — спокойно спросил мистер Макинтош.

— Льенчжа?! — с ужасом переспросил Ойкльви. О графиках Льенчжа он в спешной работе вчерашнего дня совершенно забыл!

— Кажется, у вас их нет, — все так же спокойно заметил мистер Макинтош. — Ничего страшного. К завтрашнему дню вы как раз успеете их подготовить. Будет очень хорошо, если вы разобьете их по отделам. Вот, — он немного пошуршал и достал откуда-то из глубины стола толстенный справочник. — Список отделов и сотрудников, группы В и С обновлены. С ним вам будет легче выполнить задание. Посмотрите, ознакомьтесь... к четвергу мне нужны, как я и говорил, отделы группы А. Группы В и С подготовьте, пожалуйста, к следующему понедельнику.

— Да... сэр... прекрасно!

— Успехов вам, мистер Ойкльви! Вы знаете, мне необходимы эти графики! Лучше вас никто не справится!

— Спасибо, я вас не подведу.

Ойкльви захлопнул дверь и с глупой улыбкой на лице и тяжелым справочником в руках доволочился до собственного кабинета.

— Опять вы! — злобно рявкнул он приложениям, лежащим на столе, как только захлопнул дверь. — Откуда вас так много только берется?! Откуда их так много?! — он ткнул пальцем в справочник. — Почему всего так много? Когда мне дадут заняться настоящими делами?! Когда мне дадут выступить с собственным проектом? Никогда не дают слова вставить! Все вы! — он еще раз злобно покосился в сторону приложений и наконец взялся за графики.

Четверг.

В четверг мистер Макинтош прилетел в кабинет в самом начале дня, нагрудился готовыми графиками, рассыпался в благодарностях и так же стремительно улетел.

Ойкльви посмотрел на дверь, на крышку стола и на справочник, где его еще ожидали группы В и С.

— Есть еще пятница, — сказал Ойкльви сам себе. — А четверг — день неудачный. Мой ДВВД случился в четверг. Не люблю четверги.

Пятница.

В пятницу Ойкльви тщетно ожидал появления мистера Макинтоша. Он не прилетал.

Поэтому пришлось приползти к нему в кабинет самому.

Стол мистера Макинтоша в этот раз был особо завален бумагами, а сам копошащийся в них мистер Макинтош являл собой образец усердия, старания и отрешенности от всех прочих мирских забот, так что Ойкльви сразу же пожалел, что заглянул.

Он неловко крякнул.

Мистер Макинтош слегка поднял голову и вежливо улыбнулся:

— Добрый день, мистер Ойкльви! Прошу меня извинить, но, к сожалению, сейчас я не могу вас принять... однако у меня для вас радостная новость: мистер Шепплдринчж приезжает уже во второй половине дня. Он выслушает вас со всем подобающим вниманием, которое я в данный момент, как это ни печально, не могу вам предоставить.

Губы Ойкльви растянулись в масляной улыбке, но сказать ему ничего не удалось.

Он хотел уже было выйти, но вместо этого продолжал все так же стоять, как ни в чем не бывало, с папкой в руке. Мистер Макинтош опять наклонил голову к бумагам и, казалось, забыл о его присутствии в собственном кабинете.

«Вот и все! — подумал он. — Снова приедет дурак, и все станет как раньше. И мистер Макинтош так и не узнает... он вон ведь сейчас готовится к совещанию, не иначе... будет слушать разные проекты там, всякую ерунду, написанную глупцами, которым лишь бы что написать, и не узнает ничего о моих, а ведь ему бы они понравились... он ведь очень толковый, мистер Макинтош. Он бы их сразу оценил... И кто во всем этом будет виноват? Дурак, который появился раньше времени! Это все дурак! Если бы он приехал не сегодня, а в понедельник, уж наверно мистер Макинтош выслушал бы меня сейчас. А то вот опять дурак этот... да, дурак!»

Эти совещания с проектами для него — самая обычная штука. А Ойкльви хотя бы раз выступить перед всеми! Хотя бы понять, каково это! Почему на свете столько дураков?!

Что-то смутно подсказывало Ойкльви, что дело не только в дураке... дурака не было почти неделю, а он так и не сказал ничего...

Он растерянно помялся еще некоторое время, перестал смотреть на папку с проектами и обратил свое внимание на мистера Макинтоша, все так же невозмутимо отмечавшего что-то в документах.

«До чего жуткие у него уши! — подумалось ему вдруг. — Торчат в обе стороны, а ему хоть бы что. Ничего не боится, никого не боится, ни о чем не переживает и говорит всегда, что душе угодно. С такими-то ушами!»

Эта мысль очень ободрила Ойкльви, и он вдруг, сам того не ожидая, совершил самый настоящий прекрасный подвиг.

— Я принес вам проект, сэр. Точнее, несколько. Несколько проектов, сэр, — решительно проговорил он и поспешно добавил. — Это не касается приложений, сэр, вовсе не о них!

Мистер Макинтош опять поднял голову и блеснул стеклами.

— Прекрасно, мистер Ойкльви! Рад слышать, что у вас находится время и на проекты! Это весьма похвально!

Только почему-то он не попросил Ойкльви позволить на них взглянуть. Ойкльви это обстоятельство немного удивило.

— А... взглянуть... вы... не хотели бы... сэр?

— К сожалению, не сейчас. Через несколько минут я вынужден отбыть. На совещание. Если бы вы сказали о них пораньше... Покажите их мистеру Шепплдринчжу для начала, — безукоризненно вежливо посоветовал мистер Макинтош. — Не желаете печенья? — безразлично спросил он и снова склонился к документам.

Ойкльви стоял совершенно ошеломленный.

Как это было понимать?

Что за безобразие?!

Он, Ойкльви, свою часть их будущей партнерской программы выполнил: составил проекты и доложил об их существовании. А мистер Макинтош, судя по всему, вовсе не спешил выполнять свою.

Ойкльви почувствовал себя жестоко обманутым. Впрочем, уходить так просто он не собирался. Он безмолвно застыл в ожидании какого-нибудь ответного действия со стороны мистера Макинтоша.

Мистер Макинтош, тем не менее, никак на него не реагировал.

Ойкльви все не мог отвести взгляда от его противных ушей.

Ему вдруг показалось, что все это время мистер Макинтош только и делал, что дразнил его.

«Все он знает, — промелькнуло у Ойкльви. — Все он знает, самодовольный индюк. Это он только насмехается надо мной. Знает прекрасно, что я вот уже несколько лет как перечитываю собственные проекты, знает, что вчера вечером я за полночь репетировал свою речь по представлению моего лучшего... знает, какой дурак этот Шепплдринчж... все он знает. Это он притворяется только! Ушастый! Это он специально заваливает меня работой, этими ненавистными аппликациями, это он просто боится, что я его смещу... конечно, уж наверно, из меня вышел бы превосходный куратор проектов! Еще лучше, чем он! Тем более у меня нет таких отвратительных ушей! Еще наглости хватает улыбаться мне каждый день и печенье предлагать!»

Мистер Макинтош закончил чтение и стал складывать документы в портфель.

— Прошу прощения, мистер Ойкльви, но я уже ухожу. Не могли бы вы покинуть кабинет? — спокойно спросил он.

«Да нет, — подавленно подумал Ойкльви, не двигаясь. — Ничего он не знает. Привык, наверно, что предлагают ему всегда ерунду, вот и не интересуется».

Он вдруг осознал, что для мистера Макинтоша он — лишь один из многих тысяч. Многих тысяч всех тех, из того толстого справочника. Это он, Ойкльви,

внимательно следил за его карьерой, продвижением по служебной лестнице и желал ему успеха, а мистер Макинтош о нем никогда и не задумывался, пожалуй. Наверно, он и имя-то его случайно помнит... может, проверяет на всякий случай перед посещением его кабинета... кто знает? И ему совершенно все равно, решительно все равно, о чем сейчас думает Ойкльви. Таких, как он, у него, наверно, в достатке. И всем он улыбается совершенно одинаково. И всем он предлагает это печенье, а вовсе не одному Ойкльви из издевательства. Всем он предлагает обращаться к непосредственным начальникам, а не только Ойкльви. И до всех до них ему нет решительно никакого дела... и до Ойкльви и его прозябания в компании двух стажеров в том числе.

Мистер Макинтош перестал уже улыбаться и теперь довольно свирепо гремел ключами. Ойкльви все равно не желал выходить. Пожалуй, если только удастся сейчас доказать ему, убедить познакомиться с проектами поближе...

— Вы не желаете узнать поподробнее?.. Об этих проектах, сэр?.. Вам бы понравилось! Уверен, сэр! Не пожалейте своего времени! — Ойкльви еще чуть-чуть подумал и совершил второй подвиг в жизни: — Доверьте мне выступить с ними... там...

— Где? — не понял мистер Макинтош.

— На совещании... сэр... мне... там... на этом совещании.

— Это никак невозможно, — покачал головой мистер Макинтош.

— Почему?

— Я не могу пропускать на совещание проекты, с которыми не ознакомился лично... или хотя бы кто-либо из моих сотрудников, имеющих на то полномочия... Одним словом, покажите их мистеру Шепплдринчжу для начала. Он приезжает...

— Да! Да! — перебил Ойкльви. Он был сейчас в ударе. — Да, он приезжает, это я знаю... но он ничего не понимает в проектах! Почему бы вам... да, вам... сэр... доверьтесь мне, сэр! Я представлю его на совещании... да...

— Это невозможно, — холодно отрезал мистер Макинтош.

— Я все подготовил... сэр... да... вчера я... да... я много лет... долго готовился, сэр. Вы только взгляните — сами поймете. Только взгляните! Уделите им две минуты — две минуты вполне достаточно, чтобы понять — это чудесные проекты... да... и я буду благодарен вам до конца жизни!

Мистер Макинтош поглядел на свои часы.

— У вас две минуты, — строго сказал он.

Ойкльви радостно крикнул, раскрыл папку и вывалил на мистера Макинтоша все свои листы.

— Вот, сэр!.. Так... так я вам их представлю? Что вас больше интересует?.. А?.. Да... много всего... вот это — да, вот, вы держите его в руках... это мой лучший... посвящен отделу прогнозирования, — Ойкльви еще раз крикнул, вспомнил, с чего начиналась его речь, и приступил к представлению проекта: — Не секрет, что отдел прогнозирования занимается...

— Благодарю, мне это хорошо известно, — вежливо заметил мистер Макинтош. — Позвольте мне ознакомиться с ними сейчас самому.

Ойкльви всегда нравилась его вежливость, но сейчас она вдруг стала ему противна.

Мистер Макинтош пробежался по нескольким проектам с рекордной скоростью. Через две минуты он с королевской точностью вручил их все Ойкльви обратно.

— Так... вы... что вы думаете, сэр? — с надеждой спросил Ойкльви.

— К сожалению, я не могу их принять. Я бы порекомендовал вам вернуться сейчас к своей работе и довести графики до ума к приходу мистера Шеппльдринджа.

Ойкльви выглядел совершенно разбитым.

— Ни один?

Мистер Макинтош кивнул.

«Да он их даже не читал! — с негодованием подумал про себя Ойкльви. — Как он мог хоть что-то вычитать за две минуты?! Притворялся только! Нахал! Как не стыдно! Я его выведу на чистую воду!»

— Но... но... сэр... но...

— Мистер Ойкльви, позвольте напомнить: я очень спешу.

— Но... причины, сэр, причины!

— Причины?... К сожалению, их много. Давайте обсудим это потом.

— Назовите хотя бы одну! Несколько! Назовите, пожалуйста, сэр! Чтобы мне знать, над чем еще поработать...

— Ну хорошо, — мистер Макинтош собрался загибать пальцы. — Главный недостаток ваших проектов — они очень ученические, оторванные от реальности. И вы не умеете мыслить комплексно. Каждый ваш проект посвящен лишь одной проблеме, и вы предлагаете весьма удачные решения в рамках самой проблемы. Но вы совершенно не обращаете внимания на то, что ваши предложения по усовершенствованию одного какого-либо компонента целой системы вносят полный хаос в остальные. Одним словом, ваши проекты хороши для моделей, но совершенно неприменимы в жизни. Это основное, если не пускаться в мелочи. Сразу видно, вам не хватает опыта. А теперь...

— Мне не хватает опыта, — повторил Ойкльви. — Вот если бы вы доверили мне...

— Я вам очень многое доверяю, будьте уверены. Разве у вас мало работы?

— Да-да, вот в том-то и дело! — закачал головой Ойкльви. — У меня слишком мало работы... то есть нет... у меня слишком много работы... нет-нет! Слишком мало работы, если говорить о настоящей работе!

Мистер Макинтош вопросительно вскинул брови.

— Такой работы, как у вас! — пояснил Ойкльви. — С проектами... с людьми... с совещаниями... выступлениями... вот такую работу мне надо. Я уже задыхаюсь от приложений, мистер Макинтош! Позвольте мне только прочесть речь! Или отдел! Доверьте мне отдел!.. Какой-нибудь ваш проект, если вам не нравятся мои!.. Дайте мне участвовать в вашем проекте, я бы со всем управился!

— Разве у вас нет стажеров? — удивился мистер Макинтош.

— Есть... да... есть двое. Ну и что? Мы говорим с ними только об приложениях каждый раз!.. Никто больше не слушает меня, никто больше не интересуется заполнением этих приложений!.. Все вас знают и ценят... я работаю тут больше 30 лет — почему никто не слушает меня? Никто не ценит меня... кроме двух стажеров... а мне хочется вот так, как вы... отдавать им всем приказы и следить за их работой... назначьте меня на место Шеппльдринджа, сэр!

— Это никак невозможно, — покачал головой мистер Макинтош в который раз.

— Он сам совершенно не разбирается в той работе, что делают люди в его отделах! Вы думаете, сэр, он понимает, что за приказания отдает мне? Он ничего не смыслит в аппликациях, как их составляют! Ни в 2837, ни в 4634, ни в каких-то остальных! Тем не менее, он руководит несколькими отделами, и его приглашают на совещание... на такое... как вы отправляетесь... Он ничего не знает, но, тем не менее, руководит! Разве нет?

— Вы его недооцениваете. Главное то, что у него есть нужные качества для управления отделами.

— Мистер Макинтош, он...

— Он коммуникативен, общителен, умеет четко и ясно формулировать и доносить свои требования до окружающих, у него есть лидерские качества, он может поддержать порядок, он напористый...

— Я тоже напористый! — напористо выкрикнул Ойкльви.

— Вы сейчас слишком возбудились, мистер Ойкльви, успокойтесь, пожалуйста!

— И я тоже четко могу... да, сформулировать... требованья-то. Я подготовил хорошую речь... для совещания, — Ойкльви еще раз, как-то даже виновато, если не умоляюще поглядел на мистера Макинтоша. Он чувствовал: сейчас решается его судьба как минимум на ближайшие пять лет.

Мистер Макинтош тяжело вздохнул. И, пожалуй, первый раз в жизни посмотрел на него пристально и внимательно. Ойкльви наконец имел возможность разглядеть его глаза за блестящими стеклами.

Мистер Макинтош затрещал холодно и рассудительно:

— Мистер Ойкльви, подумайте, пожалуйста, над моими словами. Ваше призвание — аппликации-2837. Ваше место идеально соответствует складу вашего характера, все ваши способности и таланты находят лучшее применение именно в работе с аппликациями. Да, вы узкий специалист и специальность ваша очень специфична, однако без нее невозможна эффективная деятельность Администрации. Вдумайтесь! Вы лучший из лучших! Вы очень ценный сотрудник! Что бы мы делали без вас и ваших стажеров! Без ваших аппликаций добрая половина отчетов не имела бы смысла! В том числе и на основе ваших аппликаций наши специалисты разрабатывают новые проекты, именно они помогают им принимать грамотные решения, которые будут эффективны не только на книжных упрощенных моделях, но и в жизни. От вашей работы зависит гораздо больше, чем вам, возможно, кажется. Просто специальность ваша не дает возможность мгновенно увидеть результат... требуется время. Но взгляните на показатели эффективности и прочтите отчеты о положении дел в газетах. Всего этого мы добились в том числе и благодаря вашим аппликациям. Почему вы не гордитесь выбранной специальностью?.. А теперь прошу прощения, вынужден вас оставить.

Ойкльви отошел в сторону и уступил ему дорогу. С этим человеком ему не о чем больше было говорить.

— Знаете, — бросил ему Макинтош, оглянувшись. — Если вам так хочется выступить перед слушателями, я могу устроить профессиональный съезд аппликаторов со всего Тыньча. Подумайте об этом!

Ойкльви промолчал. Он весь клокотал от негодования.

— Меня никогда в жизни так не унижали! — отчаянно крикнул он, оказавшись в собственном кабинете. — Никогда! Никогда не обращались со мной таким хамским

образом! Дурак — и тот не смел так дерзко смеяться надо мной! Да как он только посмел?! Как посмел он сказать мне, что возиться с idiotскими бумажками — это мое призвание до конца жизни?! Я, значит, должен всю жизнь корпеть над бумажками для таких, как он, чтоб они вкушали радости жизни! Этот выпендренник и дальше будет в славе купаться и на совещаниях выступать, а я...я... Да что он понимает, этот ушастый задавала! Да я бы... я бы... не знаю, как бы я жил с такими-то ушами! Он только трещать хорошо умеет, и что?! Мозгов в нем — нисколько! А думает, что самый умный тут. Самый опытный! Самый знающий! Да сколько ему лет-то?! Да он и в 50 не оценит гениальных моих задумок! Нет? Мои проекты — они для думающих людей, а не для ушастых самодовольных кретинов! Мне б только добраться до этого... как его?.. толстяка-то... Бдэчжа! Уж если б смог, я б ему показал! Он бы мигом вышвырнул глазастого на улицу за такое! За то, что дурак, и за то, что проекты мои отверг. Почему на пути моем столько дураков? Ушастый, конечно, добился успехов, но ничего, обошел же я дурака-Шеппльдринча, обойду и его... когда-нибудь и до толстяка доберусь — и вот тогда-то! Тогда-то он поплачет!.. Съезд мне еще предлагать! Чтобы там собрались все эти идиоты-аппликаторы... им нравится с бумажками работать — пусть работают. Я перед такими болванами выступать не желаю! Нормальные люди — жаль, мало их, с каждым годом все больше дураков становится... так вот, нормальные люди...

В этот момент монолог его был дерзко прерван ворвавшимся дураком.

— Добрый день, мистер Шеппльдринчж, — промямлил Ойкльви и распечатал конверт с приложениями. — Я... уже... как раз...

— Работаете? — повелительно спросил Шеппльдринчж.

— Работаю, — кивнул Ойкльви и улыбнулся. — К понедельнику закончу с категорией С, не беспокойтесь.

***

Мистер Макинтош сидел на совещании очень голодный и грустно покачивал головой: «Бедняга! Имеет настоящий талант к делу, которое сам считает ерундой... Как жаль! С ними со всеми никогда не успеваю на ланч».

О красивой улыбке (первое дело Элроя)

— Здравствуй, Элрой! Как поживаешь? — вполне дружелюбно спросил развалившийся в кресле мистер Бдэчж, как только третий младший ассистент из пятого отдела подчиненного ему ведомства (одного из важнейших ведомств департамента прогнозирования, если вы желаете большей конкретики) ступил в кабинет.

Третий младший ассистент несколько растерялся. Он не ожидал, что его встретят подобным вопросом, демонстрирующим интерес к его делам (надо же!), сопровождающимся к тому же улыбкой на лице. Как-то уж очень неправдоподобно.

Никак это не вязалось с событиями последних двух месяцев... Элрой смутился — что же ответить и с чего лучше начать — а потому нахмурил брови даже сильнее, чем обычно.

— Мистер Бдэчж, я... я... я рад, что вы спросили. В общем и целом я всем доволен, — проговорил он серьезным, по возможности ровным голосом.

Анна GeekyReverie Рассказы к “Научи меня мечтать!”

«Доволен, но!..» — так и крутилось в голове все то время, что он говорил. На самом деле, говорил он почти на автомате — а думал именно об этом «но»... и он захватил побольше воздуха, чтобы наконец высказать свое «но». На него требовалось много воздуха.

Ведь на самом деле это было большое, просто гигантское «но» и именно из-за этого «но» он и пришел.

«Но я ожидал другого!» — как же хотелось выкрикнуть эти слова Бдэчжу прямо в лицо! Посмотреть на него укоризненно и попросить хоть каких-нибудь объяснений. Элрой очень досадовал на себя за это капризное, детское желание. Только дети так и могут.

Сначала все было замечательно. До ДВВД. Элрой очень скучал по тем временам. Прошло всего два месяца с тех пор, а казалось, что лет пять или даже больше. И еще казалось, что такого, как раньше, уже не случится.

Теперь только Элрой осознал, что тогда не ценил в должной степени все то, что ему выпадало, и воспринимал это как что-то само собой разумеющееся. Не дорожил тем временем! Не дорожил так, как следовало! А ведь у него в те дни было много дел и забот! Много всего, о чем можно было подумать и чем можно было себя занять! Какая насыщенная была тогда жизнь! Не то что теперь!

Мистер Бдэчж брал его с собой на самые разнообразные переговоры, советы и заседания. На некоторых присутствовал сам второй заместитель! И даже на заседаниях высочайшего уровня (теперь уже казалось невероятным) Элрою обязательно давали возможность выступить. Он пользовался их вниманием. К его словам прислушивались! Сколько раз тогда мистер Бдэчж хвалил его!

А он не замечал ничего этого, не дорожил их вниманием, умудрялся еще и уставать. Он никому тогда не жаловался, только себе. Но все равно. Он жаловался. Теперь Элрой укорял себя за то, что в те вечера вместо того, чтобы радоваться интересно проведенным дням, он жаловался на полнейший разброд в голове от всего того, что обдумывал за день. Ну да, тогда он еще не успел привыкнуть к очкам так, как теперь. Но все-таки можно было и без жалоб обойтись. Было кое-что поважнее, что могло бы его тогда радовать и на что ему стоило обратить внимание...

Тогда он был действительно нужен. Это было совершенно определено и потому можно было чувствовать себя замечательно, а не жаловаться...

И ведь он так и решил тогда — что всегда он будет им нужен. Как наивно! Все-таки очень наивно!

Сезон переговоров, само собой, завершился. К этому времени как раз оформили все его документы. Наступил самый первый, долгожданный ДВВД! Элрой действительно ждал его так, как никогда и ничего еще не ждал раньше! Он весь исходил от нетерпения! Ему не терпелось занять собственный кабинет, где он мог бы с важным видом принимать своих коллег и оказывать им всяческую помощь и поддержку. А рядом с дверью висела бы табличка с его именем. И — ах, точно, да-да! — и под ним, конечно, приемные часы! Как можно забывать о приемных часах? Интересно, сколько отделений будет в столе... куда положить любимую ручку? А какое у него будет кресло? А какой будет шкаф? Может, ему позволят самому выбрать?.. И да, надо еще подумать, что повесить на стены... Скорее бы, скорее!

Обо всем этом он думал в редкие выходные между проводившимися тогда еще встречами и совещаниями.

А после ДВВД...

В тот день Элрой вернулся домой третьим младшим ассистентом. Вообще-то все имевшиеся в том отделе места третьих ассистентов уже были заняты, как то и предполагал составленный еще давно на это время план. Незапланированно появившемуся Элрою предложили место «третьего младшего ассистента» (ссылаясь на то, что это звучит солиднее, чем «четвертый ассистент»). Элрой, вспомнив обидное школьное прозвище, решил, что предложение это и впрямь не лишено смысла.

Места для Элроя в комнате отдела (она была общей) тоже толком не нашлось. Его стол кое-как втиснули в самый угол, и чтобы пробраться к стулу (который поставили за стол, не стоять же ему на проходе!) Элрою приходилось становиться на четвереньки и подлезать под стол. Это обстоятельство приносило ему очень сильные неудобства. Подлезть, конечно, не составляло особого труда, тем более роста он был пока еще небольшого (относительно остальных работников), но сам характер подобного проникновения за рабочее место сильно ранил его достоинство. Негоже служащему Администрации ползать по несколько раз в день на четвереньках!

А коллеги по работе!

Сколько бестактных вопросов они успели задать в первый же день!

— А лет тебе сколько? А почему ты такой недовольный? А как ты тут так рано оказался? Ты закончил школу?

Разве взрослые люди задают подобные вопросы друг другу? На совещаниях в лучшие времена все обращались к мистеру Макинтошу на «вы» и никому не приходило в голову спрашивать у него, сколько ему лет.

Возраст — не показатель. По высказываниям, по манерам, по выражению лица ведь прекрасно видно, когда человек достиг должной степени зрелости. И если бы они внимательней взглянули на его лицо... А что там они говорили? Это Элрой-то недовольный?

Вы совершенно не умеете читать выражения лица, господа! Если мистеру Макинтошу пока еще 10 лет, это не повод считать его ребенком, который и может разве что глупо улыбаться. Тем более за рабочим местом. Это не недовольство, господа, это серьезность, беспристрастность и сосредоточенность! Имейте в виду!

Элрой ощущал, как от подобных мыслей у него начинали гореть щеки, и только сильнее сжимал кулаки от досады. Он краснеет, прямо как ребенок, и его задевает тот факт, что его не считают достаточно взрослым! Если бы он действительно был достаточно взрослым, его бы это не волновало!

От этого он еще сильнее хмурил брови и прикрывал глаза, демонстрируя полнейшее безразличие ко всему миру. И продолжал краснеть — но это уже помимо собственной воли.

Вообще, он чувствовал себя тут лишним.

В комнате, где располагалось его рабочее место, было довольно шумно и людно. Несколько третьих ассистентов, несколько вторых, несколько первых — и несколько специалистов, которые сидели за перегородкой и появлялись лишь изредка.

Все ассистенты не так давно выпустились из школы и были ненамного старше Элроя. Именно они проявили к нему больше всего интереса (и задали больше всего бестактных вопросов). Специалисты и забегавшие по временам сотрудники других отделов, очевидно, более опытные и умудренные жизнью люди, понимали, какие вопросы стоит задавать, а какие лучше оставить при себе. До Элроя им, в общем-то,

особого дела не было. Возможно, некоторые из них даже не заметили его появления — ему не приходилось с ними контактировать.

До его стола в темном углу доходила лишь самая черновая бумажная работа, которую ему подкидывали остальные ассистенты. Раз или два (в самый первый день), он предлагал сбегать, когда требовалось, в соседние отделы, но они лишь качали головами и просили его не переутруждаться.

«Переутруждаться?! Я им что, младенец?!.. С другой стороны, это не так уж и плохо, — Элрою все-таки удалось быстро пресечь надвигавшуюся вспышку возмущения (так что никто из них не заметил), когда ему в очередной раз отказали. — По крайней мере, я могу дольше сидеть за столом, а, значит, мне придется меньше раз становиться на четвереньки... Для начала следует спокойно разобраться в обстановке... Пожалуй, это и мило с их стороны, что они так заботятся обо мне...»

Обстановку Элрой изучил за несколько дней — это было несложно, потому что свою работу он выполнял обычно за два с половиной часа, а все остальное время можно было потратить на размышления и получение знаний. Стоит отметить: особых знаний и умений тут и не требовалось.

По сути дела все эти нахохленные ассистенты выполняли с важным видом работу, немногим интереснее той, что доставалась Элрою. Кое-где они даже совершали маленькие технологические просчеты. Работа большинства могла бы выполняться быстрее. Просто им никто об этом, похоже, не удосужился сказать. Они были низшим звеном в иерархической структуре, и у руководства, судя по всему, не было достаточного желания разбираться в их деятельности и тем более предлагать какие-то операции по ее совершенствованию. Они и так успевали сдать работу в срок — и будет с них. Какая разница, сколько сил они на нее затратили? Главное — она есть.

Но Элрой, в отличие от высшего руководства, находился тут же, с ними, в этой комнате. И не мог так просто это оставить.

Уличив подходящий момент, когда комната была почти пустой, он быстро преодолел преграду в виде стола, отряхнулся (тот, к кому он направлялся, ничего этого, к радости Элроя, не заметил: он стоял к Элрою спиной) и прошел через всю комнату.

— Кхм! — ненавязчиво кашлянул Элрой, обозначив свое присутствие, и человек обернулся.

— А! Это вы, — заметил он без особого интереса. — Помочь вам как-нибудь?

— Нет-нет, спасибо! Я уже справился со своей работой. Я... я...

— Ну вы и молодец! — без особого восторга заметил ассистент.

— Благодарю. А вы, я вижу... вижу, у вас тут...

Человек недоуменно поднял брови:

— У меня тут, в отличие от вас, еще очень много работы. Вы меня извините, если...

— Позвольте взглянуть! Я... я мог бы помочь!

— Помочь? — переспросил ассистент с таким видом, будто Элрой предложил ему только что поджечь здание Администрации. — Вы мне это предлагаете?

— Именно так... понимаете... я... как-то мне уже доводилось разбираться с аналогичной работой. И я... я... — Элрой собрался и решительно закончил, — я уже

составил для себя определенную схему действий. Очень удобная. Позволяет сохранить больше ресурсов. Я желал бы поделиться ею с вами.

Ассистент перерабатывал эту информацию в течение нескольких секунд, а затем, к радости Элроя, улыбнулся и придвинул несколько бумаг в его сторону.

— Ну что ж, валяйте! Что там вы предлагаете сделать? Я весь внимание!

Элрой очень обстоятельно, во всех деталях разъяснил все то, что хотел. Каждый свой тезис он подкреплял для пущей убедительности доказательствами. Говорить по делу ему никогда не составляло труда — он же знал, что говорил. Сложнее всегда было начать. Ассистент все это время внимательно его слушал.

— Как видите, в общей сложности выходит, что на этом этапе можно сэкономить до 26,2% времени. Это же очень много! Вот поэтому я не мог не поделиться с вами... надеюсь, информация оказалась вам полезна.

— Да-да! — воодушевленно заметил разумный ассистент. — Я и не думал раньше, что так можно! Гораздо удобнее! Огромное вам спасибо! Вы молодец!

— Я рад! — заметил Элрой, стараясь, что есть силы, сохранить серьезное выражение лица. Он не ребенок, чтобы прыгать до потолка от похвалы коллеги.

«Как удачно получилось! — подумал он удовлетворенно про себя, вновь заняв свое угловое место. Было приятно и хотелось даже улыбаться. Глупо, конечно, но кто узнает? — И гораздо проще, чем я думал! Он так внимательно меня выслушал! Надо будет обязательно поговорить с остальными! Может даже, он сам им расскажет! Ему же понравилось! Первый шаг есть!»

Элрой не без воодушевления провел оставшиеся 40 минут до обеда.

В столовой ассистент занял стол вместе с еще одним коллегой из соседнего отдела. Они были приятелями. Элрой мыл руки перед обедом и усиленно раздумывал, стоит ли подсесть к ним (для укрепления наметившихся дружеских отношений) или все-таки пока не стоит.

— А кто там у вас теперь работает, странный такой? Я недавно заходил — смотрю, место новое появилось... — спросил приятель.

— Это который в углу сидит?

— Он самый. Он вообще кто?

— Да сам не знаю... чего он тут сидит, и без него справлялись прекрасно. Он вроде еще в школу ходить должен, ему лет девять-десять...

— То-то я смотрю, мелкий какой-то.

— Это что! Он в первый же день, как пришел, надумал по всем нашим отделам бегать. Ну, мы ему, конечно, людей пугать не дали. Засадили за стол, вручили степлер с папками — пусть думает, что выполняет важную работу. Так и сидит теперь, щелкает... хоть бы раз улыбнулся что ли, узнал, как у нас дела!.. Нет, сидит себе угрюмо, щелкает. Хоть так... хорошо уже, что со степлером на нас не бросается, я ж опасался сначала... не, он смирным оказался! Сами-то мы к нему за эти дни уже привыкли, а ведь... Ага! Понял! Понял, за что его из школы исключили! Это чтоб остальных детей не пугал!

— И с каких это пор маленьких чудовищ стали сплавлять в Администрацию?

— У Бдэжжа спроси, это он его, вроде, где-то откопал... А вот ты подумай, какой я герой! Почти 20 минут сегодня выслушивал это, как ты хорошо сказал, маленькое чудовище.

— Правда?! И о чем вы болтали?

— Да не поверишь! Сунул нос в мою работу! Гнал-гнал все, что я неправильно делаю, а он знает, как лучше.

— А он правда знает? Что-нибудь дельное предложил?

— А я слушал? Я только головой в такт кивал, чтоб он, чего доброго, потом мне при случае не напакостил как-нибудь. От него ж не знаешь, что ожидать... И потом, я б наверно расхохотался, если б слушал. Чего он мне предложить-то может? Он всю неделю сидит со степлером и папками годичной давности! Откуда он что знает?

— Ты так говоришь, мне его жаль даже.

— Да он разве догадывается? Он о себе вполне даже высокого мнения! Видишь, на второй неделе уже советы дает... и уродцем себя, конечно, не считает... Да и потом, я так его расхвалил в конце, уж поверь, любой бы на его месте ушел довольным. Этот правда... не знаю, как всегда хмурым убрался, но он же не умеет по-другому. Впрочем... а, вон он, легок на помине! Идет! Спорить готов, он к нам сейчас подсядет. Говорю тебе, я его порядочно расхвалил! Ты только это, веди себя с ним повежливей! Мне с ним еще в одном кабинете сидеть!.. надо же! Мимо прошел! Ну и слава Богу!

«Мне тут совсем не место! — все чаще и чаще думал Элрой, щелкая степлером. — Я способен на большее, гораздо, гораздо большее! Они просто не понимают... почему мистер Бдэчж поместил меня сюда? Я же знаю, без меня ему не обойтись! Он-то понимает, на что я способен. Он видел, когда я выступал... он вспомнит скоро обо мне, обязательно вспомнит... разве ж такой, как Бдэчж, даст мне так просто сидеть тут и прощелкивать свой потенциал? Это он пока дал мне время — попривыкнуть, но скоро уже он меня повысит... и уж тогда-то они наверняка будут прислушиваться к моему мнению. Разве будет у них выбор, если я стану их начальником? Они обязаны будут! Это только пока они так говорят...»

Но время шло, а мистер Бдэчж ни разу даже не заглянул в его комнату. Казалось, он действительно просто-напросто забыл о его существовании и, без всяких упреков совести, все с тем же наслаждением попивал свой чай с дюжиной булочек каждый день, даже не вспоминая об Элрое... А когда-то еще говорил ему об успехе и карьере...

«Ну конечно! — озарила Элроя блестящая мысль в конце второй недели его работы. — Какой же я дурак! Чтобы получить повышение, нужен повод! Мне нужно быть инициативнее! Мне нужно... мне нужен мой собственный проект! Разработать и предложить! Не общаться напрямую с ассистентами — все равно они не слушают, и каждый понимает лишь в том, что делает сам, а поговорить сразу с мистером Клейтчсом! Он работает тут не первый и не второй десяток и уж наверно заинтересован в повышении производительности больше, чем они! Тут столько всего можно усовершенствовать!»

Больше месяца Элрой, увлеченный этой идеей, старательно вникал во все дела не только своего отдела, но и смежных с ним, образующих единую систему. Он старательно анализировал всю входящую информацию (временами поток был настолько сильным, что у него начинала болеть голова — и потом еще он долго не мог уснуть ночью, пытаясь освободиться от лишних мыслей). На основе анализа он разработал рекомендации. Затем он сравнивал возможные альтернативы дальнейших действий, пытаясь учесть все результаты и последствия, которые может дать каждая из них.

Наконец, он довольно долго и очень тщательно оформлял свой проект. Усердно рисовал диаграммы, чертил таблицы и нумеровал их. Он прекрасно владел правилами оформления подобных работ, и его проект ни в чем не уступал тем, что готовили ближайшие помощники второго заместителя!

В конце концов, проект был готов!

Перед тем как идти к мистеру Клейтчсу Элрой еще раз пролистал страницы и полюбовался на проделанную работу.

«Это совершенно чудесный проект, и мистер Клейтчс, конечно, удивится, когда узнает, что я один смог его разработать!»

Мистер Клейтчс действительно удивился. Элрой принялся представлять проект, но уже довольно скоро Клейтчс его прервал, поблагодарил за проделанную работу и пообещал обязательно об этом подумать.

Элрой пробрался на рабочее место в приподнятом настроении. Теперь еще немножко подождать — и Клейтчс, конечно, примется за осуществление проекта. Он же убедительно доказал необходимость проведения предложенных там мер. Клейтчс сразу понял, не стал даже его задерживать! Он, разумеется, прочтет все внимательно еще раз, чтобы скорее начать! Может, уже этим вечером! Или завтра!

Прошел день. Прошло два. Прошла неделя.

Элрой знал, все это время проект пролежал в столе Клейтчса и тот на него даже не взглянул. Хотя и обещал. А ведь проект этот действительно был ему нужен. Не ему даже — а всему отделу!

А во вторник он сдал его в архив вместе с кипой других бумаг. Так и не прочитав и не узнав, что там.

Элрой тяжело воспринял это известие. В тот день он сидел в своем углу совершенно подавленный, впрочем, никто этого не замечал, потому что выражение его лица стабильно свидетельствовало лишь о его взрослости и серьезности.

«Интересно, чем сейчас занимается Шерри?» — подумалось ему вдруг против собственной воли, но он так же стремительно успел прогнать очочный ответ. Зачем ему знать?

«Это решительно неважно! И ни к чему мне знать... лучше вот... когда у Бдэджа приемные часы? Когда к нему лучше подойти?»

Элрой твердо решил поговорить с Бдэжем. Установленные правила не предполагали общение третьих (и третьих младших, скорее всего, тоже) ассистентов с руководителями целых ведомств, но именно этот руководитель был последней надеждой Элроя.

Поэтому он набрался должной степени наглости и, высчитав время поудобнее, подошел к стойке его секретаря.

— Я хотел бы записаться к мистеру Бдэджу на прием, — сосредоточенно пробормотал он, блестя очками.

— Ваши документы, пожалуйста! — невозмутимо попросила девушка, к которой он обратился.

Элрой передал. Она не стала долго разглядывать и протянула обратно со словами:

— К сожалению, мистер Макинтош, это невозможно. Вам следует обратиться к руководителю вашего отдела.

— Спасибо, я... я уже обращался к нему... я... я должен поговорить с мистером Бдэчжем.

— Это невозможно.

— Я разговаривал с ним раньше. Понимаете, мы с ним работали вместе. Около двух месяцев назад. И сейчас... сейчас я подготовил проект. Я уверен, что мистеру Бдэчжу будет... мистер Бдэчж в нем заинтересован, я думаю.

— Мистер Бдэчж сейчас очень занят! График встреч на ближайшее время уже составлен. Мистер Макинтош, вам проще будет обратиться к руководителю вашего отдела!

Элрой знал — у Бдэчжа вполне достаточно времени, чтобы принять его. Если бы он был не третьим младшим ассистентом, его бы конечно записали.

— Мне необходимо поговорить именно с мистером Бдэчжем, — мрачно заметил Элрой.

Девушке, похоже, общение с ним не доставляло особого удовольствия.

— Ну хорошо. Если вы так настаиваете... я ему передам при случае.

— Был бы вам очень признателен.

— Хорошо. До свидания!

— Я был бы еще признательнее, — поднажал Элрой, — если б вы записали название моего проекта.

— Ну... хорошо, мистер Макинтош.

Элрой продиктовал. Она поводила ручкой по бумаге и улыбнулась:

— Постараюсь ему передать, мистер Макинтош! Спасибо и до свидания!

Элрой знал, она ничего не записала. За стойкой было не видно, но он-то знал — она просто изобразила на листке несколько каракулей.

Вежливый отказ. Очередной вежливый отказ.

Элрой лишь сжал кулаки. Так сильно, что ногти впились в ладонь и стало больно. Он так часто сжимал пальцы в кулаки, что в последнее время на ладони даже образовались мозоли.

«Вы ничего, ничего не передадите ему! Уж я-то знаю! Вы все только обещаете — и всего-то! Кому из вас какое дело! Почему вы мне так прямо и не скажете?!» — думал Элрой и боялся, что сейчас именно это и выкрикнет.

— Я вам очень признателен. Благодарю! — выдавил он холодно.

Он все стоял и не уходил. Что делать теперь? Поговорить с Бдэчжем было необходимо. Но как? Подкараулить в коридоре? Вариант совсем отчаянный, тем более Бдэчж предпочитает пользоваться проходом для вышестоящих, закрытым для остальных вроде Элроя.

«Вот когда я займу подобную должность, я ни за что так не поступлю, — подумалось Элрою, хотя и не очень к месту. — Ко мне сможет обратиться любой стажер и ассистент, я всех приму! И вообще, никаких секретарей я себе заводить не буду... а мистер Бдэчж уже в коридоре, тем не менее!»

Последнюю мысль принесли, конечно, очки.

Мистер Бдэчж уже в коридоре! Через минуту он появится тут! Всего минуту еще протянуть!

Девушка, которая, конечно, никуда не делась за это время, продолжала выжидающе смотреть на Элроя, и он почувствовал, что она уже почти дошла до степени кипения.

Он медленно развернулся и направился к двери. Долго крутил дверную ручку.

— От себя, мистер Макинтош! — наконец подсказала девушка.

Он обернулся, чтобы еще раз поблагодарить ее, и тут же умудрился опрокинуть стаканчик с ручками, стоявший на полке сбоку.

Девушка вздохнула.

Элрой рассыпался в извинениях не менее резво, чем ручки по комнате. Конечно, теперь он просто обязан был их собрать.

«Ну наконец!» — подумал он, когда мистер Бдэчж в конце концов открыл дверь.

— Добрый день, Лоис! — сурово (впрочем, как обычно) бросил Бдэчж с порога.

— Добрый день, сэр!

— А это еще что?! — осведомился Бдэчж, совершив пару шагов и ощутив, как что-то там хрястнуло под его весом. Вниз он, тем не менее, не желал глянуть. Все равно он бы вряд ли увидел что-нибудь еще, кроме собственного живота.

— Это... это ручки, мистер Бдэчж, — подсказали снизу и откуда-то сзади.

— Ручки? Ну так уберите! И сами бы вы тоже! Без вас проблем хватает! — разумно заметил Бдэчж. Он сделал еще несколько шагов и взялся за ручку кабинета.

— Мистер Бдэчж! — отчаянно выкрикнул Элрой, потеряв на пару секунд свою взрослую невозмутимость. Чувствовал он себя очень глупо — со всеми этими ручками в руках.

Мистер Бдэчж наконец обернулся.

— Добрый день, мистер Бдэчж, — сдавленно пробормотал Элрой.

Бдэчж ничего не успел ответить, потому что встряла девушка:

— Мистер Бдэчж, это как раз виновник беспорядка. Третий младший ассистент то ли четвертого, то ли пятого отдела. Я сейчас напишу на него жалобу, сэр! Не беспокойтесь!

Элрой закусил губу и отвел взгляд в сторону.

— Вот оно как, Лоис! Да я так сразу и понял... Не надо тебе ничего писать, собери лучше оставшиеся ручки. Мы с ним старые приятели. Правда, Элрой? — Бдэчж неожиданно приветливо улыбнулся Элрою. — Хорошо работается? Зачем пришел?

— Я... я с проектом для вас, сэр.

— Проект? Прекрасно! Лоис, запишешь? Когда там будет свободное время?

Лоис нашла ему время через полторы недели, хотя вообще-то могла бы и пораньше.

Эти дни до приема тянулись для Элроя бесконечно. Тяжелые, тягучие, мрачные дни. Он сидел в своем углу и не знал, о чем думать... временами он прислушивался к разговорам коллег, но они не говорили ни о чем, что бы он уже не знал, потому что мысли Элроя были быстрее их слов.

А мистер Бдэчж? Почему он не принял его сразу, как увидел? Ведь он тогда направился в кабинет, чтобы там разгадывать кроссворды... неужели они важнее проекта Элроя? А действительно ли он обрадуется его приходу или пригласил его тоже чисто из вежливости?

А нужен ли вообще этот проект? Может, надо оставить все как есть? Зачем действительно что-то менять, когда никто вокруг этого не хочет?

А зачем он тут тогда? Кому есть дело? Почему всем все равно?

Как надоело задавать себе эти вопросы! Как уже надоело!

Чем бы только себя увлечь! Что полезного можно сделать? Все, что он делает, и тут тоже никому не нужно...

«Это смешно! — горько думал Элрой. — Иметь такие замечательные очки, составить такой замечательный проект — и продолжать сидеть в темном углу... что бы сказала Шерри, если б узнала, как я провожу тут время! Я никогда не смогу ей ничем помочь, если буду продолжать вот так вот сидеть и щелкать степлером... Все это очень-очень смешно, ужасно смешно! Ужасно!»

Он ощущал, что снова попал в тупик, и не знал, куда двигаться дальше.

Почему-то он возлагал большие ожидания на эту предстоящую встречу с Бдэчжем. Он бы и сам не смог сказать — почему. Просто она была единственной надеждой, что у него осталась.

Мистер Бдэчж был единственным, кто знал секрет его очков. Возможно, поэтому Элрой вызывал в нем больше интереса, чем в остальных. А, быть может, он и впрямь к нему привязался за то время, когда они вместе посещали совещания. По крайней мере, в отличие от большинства, он не отнесся к нему тогда, в приемной, как к маленькому мрачному чудовищу. Может быть, он действительно увидел в Элрое взрослого и ответственного сотрудника, которому есть что сказать?

Он захотел видеть его у себя. Он дал ему возможность прийти.

А вот сейчас он спросил, как у него дела. Элрой заколебался и не знал, стоит ли говорить ему о своем «но».

Он истосковался уже по этому простому вопросу. Никто не желал знать, как он поживает! Родители находились в командировке, ассистенты его не замечали...

Легко было сказать, нахмутив брови: «В общем и целом я всем доволен». Элрой так и сделал. Сказать свое «но» было гораздо сложнее.

Элрой ненавидел это наивное детское «но»! Как хорошо было бы без него! Как хорошо было бы, если бы он и правда был всем доволен.

Или уж хотя бы сказать это «но» можно было продолжая хмурить брови, тем самым сохраняя свою взрослость! Однако сказать «но» означало бы лишиться себя защиты, и на этот шаг Элрой никак не мог решиться.

— Это очень хорошо, что доволен, — улыбнулся ему Бдэчж. — Это просто чудесно, и я за тебя очень рад.

Элрой так и не успел сказать «но» и теперь вовремя понял, что оно Бдэчжу было совершенно ненужно. Так же точно, как и остальным.

Это тоже был лишь вежливый вопрос.

— Благодарю, сэр, надеюсь, у вас тоже все хорошо.

— Конечно, Элрой. У меня все замечательно. Единственное, мне не нравится, что ты такой хмурый. Много раз я тебе говорил, что люди, которые всем довольны, обычно улыбаются...

— Я принес вам проект, сэр, — все с той же серьезной миной сменил тему Элрой.

— Ах да, проект! Показывай!

Элрой деловито вынул проект из папки и передал Бдэчжу. Некоторое время Бдэчж молча читал вступление, потом так же молча рассмотрел несколько графиков и, наконец, внимательно изучил заключение.

— Ну что ж, Элрой, — промолвил он серьезно, вручая стопку листов обратно, — это действительно очень хороший проект. Ты проделал колоссальную работу, я

впечатлен! Повысить производительность почти в 5 раз! Кто бы мог подумать, что это возможно!

Элрой почувствовал, что щеки у него горят. Впервые его работу оценили.

— Что же делать дальше? — спросил Бдэчж.

— Дальше? — переспросил Элрой. Он ожидал от Бдэчжа немного другого.

— Ну конечно! Как нам воплотить его в жизнь? Ты обращался к... кто там у вас?..

К мистеру Клейтчсу?

— Да, сэр.

— И что же?

— Он... он сдал его в архив.

— Очень плохо. Ты знаешь, почему так получилось?

— Ну... — Элрой неопределенно пожал плечами. Если бы! Если бы он мог это знать. Он много чего знал, но не это.

— Ты представил его ему как следует?

— Разумеется, сэр. Но он, правда... он... он не дослушал меня...

— Почему?

— Ему было некогда, сэр.

— А о чем ты ему успел рассказать?

— О методологии и об инструментах.

— А о результатах?

— Я не успел, сэр. Он обещал сам посмотреть.

— И сдал в архив... понятно. Так что же нам делать дальше?

— Сэр... я думал... вы дадите им указания. Вас-то они послушаются! Вы же руководитель!

— То есть ты предлагаешь мне вести свой проект, так?

Элрою стало немного неловко, потому что в вопросе читалось некое подобие упрека.

— Ну... в общем-то... да, сэр, именно это я вам и предлагаю. Я составил проект, вы воплотите его в жизнь, производительность возрастет, мы с вами получим повышение... и я тогда — я много других проектов смогу предложить — если они будут востребованы и у вас будет достаточно полномочий руководить ими, это... это будет на пользу всем, сэр! На пользу всей Администрации... и вам тоже.

— Да, конечно, это хороший проект... — лениво начал растягивать слова Бдэчж. — Но, к сожалению, у меня пока нет возможности им заниматься. Ты же понимаешь, я руководитель ведомства. У меня помимо вашего отдела много других забот...

Элрой одарил Бдэчжа укоризненным взглядом. Бдэчж не заметил такого подарка.

— Так вы отказываетесь, сэр?.. А я... я думал...

— Нет, я не отказываюсь, Элрой. Что ты! Разве можно отказываться от стоящих проектов?

— Но как же тогда, сэр? Вы переносите его по времени?

— Пожалуй и так.

— До каких же пор?

— Пока... пока у меня, Элрой, не найдется помощник. Помощник, который окажется в состоянии руководить этим проектом и привлекать к работе людей.

Элрой никогда раньше не думал ни о каком помощнике.

— И знаешь что, Элрой? Ты сейчас очень загружен на работе?

— Я?.. По правде говоря, нет, сэр...

— Это очень хорошо. Я дам тебе особое задание. Может быть, у тебя получится найти для меня этого помощника? Он был бы мне очень кстати! Мне нужно, чтобы ты составил для начала список качеств, которыми мой будущий помощник должен обладать. Подумай, кем он должен быть, чтобы вести проект?

— Лидером, — ответ дался Элрою без особых усилий.

— Прекрасно, он должен быть лидером. Вот и запиши мне все ключевые качества, какими этот лидер должен обладать.

— Я мог бы перечислить их вам прямо сейчас, — заметил Элрой. — Активность, коммуникабельность, самообладание...

— Спокойно! Спокойно! — прервал его Бдэчж. — Не люблю попугаев! Не надо мне тут повторять все, что записано в книжках! Я хочу, чтобы ты для начала сам осмыслил все то, что там говорится. Ну да, тебе придется изучить материал достаточно глубоко. В итоге мне надо, чтобы ты четко представлял, какое качество что из себя представляет, как проявляется на практике и почему оно лидеру необходимо... Сам список — это первый шаг. Что касается второго — мне надо, чтобы ты этого человека нашел.

— Нашел? Где?

— Это уж тебе лучше знать... Да не бойся ты, не так это сложно, как кажется! Если, конечно, ты подойдешь к составлению списка ответственно. Если ты четко уяснишь, кто тебе требуется и почему он должен быть именно таким, ты его довольно скоро найдешь.

— И что... что потом мне делать?

— Уговори его заняться собственным проектом!

— А если он откажется?

— Найди такого, который не откажется!

— Но... — у Элроя все никак в голове не укладывалось. — Но сэр... у него же может не быть достаточных полномочий, чтобы вести этот проект...

— Важнее, чтобы у него было желание. Поверь, Элрой, лидер дорогу найдет.

— И если я такого человека найду... и он воплотит этот проект успешно...

— Ты тоже получишь повышение! — Бдэчж правильно его понял. — И дальше сможешь предлагать все новые проекты.

— Но все-таки я не совсем уверен, сэр... список-то я составлю, сэр, но сам человек...

— Присмотрись к окружающим, Элрой. Среди них обязательно кто-нибудь, да найдется. В конце концов, возьми такого, который более-менее соответствует требуемым критериям, и попробуй развить в нем нужные тебе качества.

— Но сэр... я ведь...

— На что тебе список и все твои знания? Разберешься! — отмахнулся Бдэчж, и Элрой понял, что пришло время уходить.

***

Чем больше Элрой думал, тем больше ему нравилась эта идея.

«Помощник! Помощник для Бдэчжа... нет, скорее даже для меня, для моего проекта... нет, это уж слишком — мой собственный помощник... вот так: он и я — мы помощники Бдэчжа и работаем вместе в команде над одним проектом. Мы партнеры.

Равноправные. Он веселый, излучает энергию, умеет договариваться с окружающими и нравиться им, а я... а я, может, и сижу в углу (но это еще совсем на чуть-чуть!), зато определяю общий курс. Определять курс можно и из угла, так даже удобнее... Пусть уж вся слава ему, я и не то, чтобы очень хочу... мне зато спокойнее будет... Вместе мы успешно руководим проектом, а потом мистер Бдэж обоим повышает. И мы принимаемся за новую работу. И потом еще. И еще. Я бы тут многое поменял... Может получится превосходная команда на долгие годы! У него те качества, которых нет у меня, а у меня — то, чего, быть может, лишен он... Чудесно! Просто замечательно!»

Подобные мысли очень вдохновляли на создание качественного списка. У Элроя он появился довольно скоро.

Теперь предстояло самое сложное — найти нужного человека.

Важнее всего, как решил Элрой, найти такого, который нравился бы окружающим и имел на них влияние — одним словом, владел бы всем спектром коммуникативных навыков. Потому что, как уяснил для себя Элрой после небольшого анализа, именно этих навыков ему не хватало в первую очередь.

На самом деле таких любимчиков общества в его окружении было не так уж мало.

Конечно, неплохо было бы, чтобы внутренние качества этих коммуникабельных личностей были не менее прекрасны, чем внешние, но это было уже вторично.

«В конце концов, мы будем работать вместе. Если окажется, что он недостаточно ответственен, что ж, я буду ему примером...»

Поразмыслив еще какое-то время, Элрой выделил двух кандидатов, с которыми желал бы иметь дело в первую очередь.

Первый слушать не стал, увы.

А вот второй весьма живо отреагировал на предложение поработать в команде, что привело Элроя в восторг. Они договорились обсудить подробный план действий на следующий день, но тем же вечером болтун поведал своей жене о нежданно-негаданно привалившем счастье и о том, как он подобным счастьем считает нужным воспользоваться. Болтун и впрямь оказался весьма активной персоной, а кроме того, персоной довольно свободной, в амбициозные планы которой не входило терпеть рядом с собой кого-то, вроде того дурачка из темного угла. Одним словом, болтун выказал желание присвоить проект полностью себе.

Подобные новости привели Элроя в состояние кипучей досады. Болтун по определению вызывал к себе доверие, и качество это, которое сначала казалось Элрою таким ценным, сейчас стало ему противно.

Его почти одурачили! Совсем как неразумного ребенка! Нельзя быть таким доверчивым! Нельзя!

В глубокой досаде Элрой, помимо собственной воли, извлек при помощи очков несколько нелицеприятных фактов из биографии болтуна. Конечно, если бы он узнал все это раньше, он бы ни за что не испытывал той симпатии, что была у него до этого... но ведь... неовко было лезть в прошлую жизнь человека, Элрой понадеялся, что и на слово его можно положиться.

Однако... он усвоил свой урок: необходимо действовать крайне осторожно!

Хорошо все-таки, он так и не успел рассказать ему детали...

Элрой, увлекшийся на какое-то время идеей Бдэжа, вновь засомневался.

Для начала он перечитал свой список еще раз и кое-что в нем подправил. Обращать внимание только на харизматичность оказалось в высшей степени ошибочно.

Харизматичность была на виду. А остальные качества возможных кандидатов на роль помощника он стал узнавать большей частью от очков. Теперь он старался не пропускать подобные факты. Поступки и высказывания человека свидетельствовали о многом. Эпрою не нравилось оценивать людей таким образом, и в первые дни он весь извелся. А затем стал привыкать.

«Это только для работы... я все равно ничего не запоминаю, я не хочу, я не сплетник!» — уверял он себя.

Много часов провел он, сидя за своим столом, хмуро и в то же время на редкость сосредоточенно глядя на входящих и выходящих из комнаты людей. Никто не замечал этого взгляда, потому что никто уже не смотрел в его сторону, к нему привыкли. И потом, за линзами очков, дающими неровные блики где-то в тени отдаленного угла, нельзя было ничего разглядеть наверняка. Он никогда не участвовал в общих беседах, но, тем не менее, взгляд его всегда был пристально направлен именно на участников разговора. Если бы они узнали, наверно, им стало бы не по себе.

Он надолго затаился, совершенно умолк и лишь мрачно, изо дня в день внимательно слушал все, о чем они говорят.

— Приезжайте к нам в гости в эту субботу! Будем рады вас видеть!²

— Ох, я бы с удовольствием, но, к сожалению, я уже купил билеты на матч! Как раз в эту субботу!³

— Ох, как жаль! Ну, что же делать, что же делать... приятно вам провести время на матче!⁴

— Спасибо, спасибо! И вам тоже приятных выходных!

— Где вы купили такой чудесный портфель?

— У Шейриджжа, буквально на днях.⁵ Как увидел, мигом понял, что просто обязан приобрести! Рад, что вам нравится!

— Я работаю над отчетом все утро! Никак не движется! Настоящий завал!⁶

— Ну вы и работяга, я-то вижу! Побольше бы таких, как вы, нам сюда! А вам, строго говоря, следует больше отдыхать! Не желаете сделать небольшой перерыв, может быть, по чашечке кофе?

— Нет-нет, не могу, к сожалению! Работа не терпит!

— Я же говорю: работяга! Всем нам пример!

---

² За пять часов до этого, сказано супруге за завтраком: «Придется и его пригласить! Ты только потерпи! Через неделю нам баланс сводить, а он принимает... понимаешь, к чему я клоню?»

³ Никаких билетов у него нет.

⁴ Через пять минут после этого разговора, себе под нос: «Как удачно отделался!»

⁵ Портфель куплен друзьями родственников около года назад по скидке 25%. Затем перешел в качестве подарка от друзей к самим родственникам. Родственники подарили около месяца назад настоящему владельцу. Настоящий владелец вынужден был взять с собой сегодня, чтобы отнести на почту. Вчера он взвесил портфель и узнал, сколько будет стоить отправка такого скорой бандеролью родственникам (по другой линии). Скоро у племянника второй ДВвД, будет ему хорошим подарком.

⁶ Ок. 60% утреннего времени – кофе, 20% — чтение газет, 17% — общение с коллегами (жалобы на завал), 3% — работа.

Элрой все больше раздражался этим глупым заданием Бдэчжа — найти ему помощника, полного одних только положительных лидерских качеств.

«Это просто невозможно! — думал про себя Элрой день за днем. — Таких нет! Почти нет!»

Задание — а особенно ощущение собственного бессилия, которое оно оставляло у Элроя, — стало вконец его изматывать.

— Оно просто абсурдно! Как я могу найти этого самого лидера, который должен будет вдохновлять всех на работу, не вдохновив для начала его самого! Если б я это умел, я бы не искал его сейчас! Тут нет никакого смысла! Абсолютно! Да больше вероятности, я сам им стану, чем кого-нибудь найду! — сердито бросил Элрой, неуклюже плюхнувшись на диван вечером очередного бесполезно проведенного на работе дня. Сегодня, что Элроя особенно печалило, он получил вежливый отказ от одного человека, который вполне мог бы стать его напарником, если бы только...

...если бы только он выслушал меня внимательнее! Почему, ну почему так?! Эйльдждж, он же казался вполне инициативным! Я думал... Почему они все брезгуют моим обществом? Я все еще кажусь им ребенком?! Мне уже одиннадцать! Уже одиннадцать, а я все кажусь им ребенком, не достойным доверия... Но я же... я...»

Элрой не закончил. Он стремительно, несмотря на усталость, поднялся, подошел к зеркалу и остановился, внимательно разглядывая того, кто предстал перед ним.

«Я очень повзрослел за этот год! — уверил он себя. — Вроде даже, в плечах разошелся... и от них я ничем, совсем ничем не отличаюсь! Я такой же сотрудник Администрации, как они, я там работаю! Серьезный и перспективный юноша, это видно сразу! Я такой и есть, как тут, в зеркале... Что можно прочесть на моем лице? Ум, беспристрастность, компетентность, знания... строгость... серьезность... усердие и трудолюбие... самообладание тоже... пронизательность...»

Элрой все стоял и не отводил взгляда от собственного отражения.

Ему вдруг стало очень неуютно, почти страшно от такого соседства.

Внезапное осознание того, кто же на самом деле стоит перед ним, больно резануло где-то внутри.

Там в зеркале — чудовище. Самое настоящее. Маленького роста, но от этого не менее чудовищное.

«Я — чудовище, — констатировал реальность Элрой. — Они правильно говорили... маленькое чудовище... это я, я... я — то самое чудовище, что вижу сейчас перед собой. Там не кто-то, это я там...»

Элрой стоял все так же не шелохнувшись и продолжал все дальше изучать из-под насупленных бровей внимательным взглядом черты чудовища. Нельзя сказать, чтобы он чувствовал что-то особенное, занимаясь этим изучением, может быть, только лишь изумление, терявшееся в пустоте.

«Это действительно я... я вот такой... я же такой на самом деле... чудовище».

Он продолжал стоять, свыкаясь с этой мыслью. Раньше он никогда не думал, что вырастет чудовищем. И странно было видеть, странно было понимать. Его никто не спросил, хочет ли он быть чудовищем... Он просто стал им, и все. Заметил почему-то только сейчас, хотя давно уже всем было очевидно.

Что делать, если вдруг оказалось, что ты — чудовище? Элрой не знал. Наверно, ничего. Он просто продолжал угрюмо смотреть на чудовищного себя.

«Они все правы... маленькое чудовище, уродец из-за угла, зубастое страшилище... — Элрой принялся перечислять все брошенные ими прозвища и комментарии, прозвучавшие за его спиной. Раньше он старался пропускать их мимо ушей, но сейчас внимательно вдумывался в каждое. Ведь в них был смысл. Он не испытывал больше обиды. Потому что это была правда, он наконец это понял. — И это действительно так... Это так...»

Чудовище в зеркале, по совместительству очень сердитый мальчик, вдруг вздрогнуло и превратилось в очень озадаченного мальчика. Сам мальчик этого даже не заметил, он сейчас был обращен к собственным мыслям.

«У него красивая улыбка!»

Элрой повторил про себя еще раз. И еще.

Именно это вдруг промелькнуло в череде однообразных высказываний!

Оно принадлежало мистеру Бдэчжу. Он недавно поинтересовался у Лоис, не желал ли мистер Макинтош повторной записи. А потом попросил ее, на случай, если он все-таки придет, не отказывать ему. И пометить это себе где-нибудь, на что Лоис его уверила, что такого, как мистер Макинтош, забыть и не узнать невозможно.

«Не представляю, сэр, чем он заслужил ваше расположение и почему только вы его пускаете к себе. Я бы от такого держалась подальше... но прошу прощения, сэр! Это всего лишь мое мнение! Я понимаю, это не мое дело, с языка слетело, сэр, я...»

«Ничего-ничего, Лоис, — как-то на редкость добродушно ответил Бдэчж. — Ты, наверно, была в плохом настроении. Или он. Его просто не узнать без его улыбки! У него красивая улыбка, Лоис. Я знаю, о чем говорю. Ты просто не видела. Ничего, он еще придет, и у тебя будет шанс ею полюбоваться».

Элрой растерянно прокрутил весь диалог в голове еще раз.

Затем он опять обратил свой взгляд к зеркалу. Брови снова были решительно сдвинуты, но он даже не заметил, что в какой-то момент известие заставило его изогнуть их домиком. Он же тогда не смотрел в зеркало. А сейчас...

Сейчас перед ним стояло все то же чудовище, что и раньше. Что с ним могло произойти за то время, что он не смотрел?

«Мистер Бдэчж, должно быть, пошутил! — в угрюмом изумлении заметил Элрой. Он никак не мог увязать два противоположных факта в голове. — Какая еще улыбка? Как она может быть красивой, если у меня ее вообще нет?! Я сам не знаю, не помню, как выглядит моя улыбка, откуда ему-то знать? Когда он успел ее увидеть?.. Ее же нет! Ее давно уже нет! Есть только это — и в этом весь я. Есть чудовище, и это я. Я именно такой и есть. Я не улыбаюсь, я даже не помню, когда мне в последний раз хотелось... мистер Бдэчж, вероятно, перепутал меня с кем-то... или просто пошутил! А я... а я никогда больше не буду улыбаться. Мне нельзя улыбаться! Я уже взрослый! Я серьезный! Детям только можно! А я... я вырос. И больше не улыбаюсь... нет, нет, это только дети!»

Элрой прервал собственные мысли и вздохнул.

«Нет, не только дети улыбаются... взрослые тоже. Мистер Бдэчж улыбался мне тогда, Эйльдэжс улыбался сегодня... все эти коммуникабельные господа, они улыбаются... и, может быть, мне тоже... тоже попробовать? Я чудовище, это так, но может быть, если я улыбнусь и притворюсь, что я такой же, как они, может, тогда никто не заметит, какой я на самом деле?»

Элрой вздохнул еще раз. Как хорошо, что он был дома один. Если он сейчас попробует, ведь никто не заметит? Никто.

Он напрягся и попытался улыбнуться. Губы натянулись в какую-то непонятную, полومانную дугу. Он постарался опустить нижнюю губу и обнажил ряд зубов.

Что он увидел? Ухмыляющееся чудовище.

Постояв несколько секунд с подобным оскалом, он принял свое обычное свирепое выражение.

«Ужасно! Просто кошмарно! — резюмировал Элрой. — Это даже на улыбку не похоже! Что они скажут, если я приду завтра с таким выражением? Они будут смеяться еще больше... и всего-то.

Мистер Бдэчж не прав! Моя улыбка — в ней нет ничего, ни капельки чего-нибудь красивого! Лучше мне не улыбаться вовсе. Я чудовище! Если ты чудовище, никакая улыбка тут не поможет, и это просто смешно...»

Элрой постоял еще.

«Дурак! Все-таки я дурак! А мистер Бдэчж, конечно, прав! Я... ну как можно быть таким дураком?! Я же знаю, знаю, и при этом не обращаю никакого внимания... вот поэтому, поэтому все так плохо. Я просто не желаю принимать то, что мне не нравится! Но так нельзя! Я должен, обязан играть по их правилам... Я обязан улыбаться! Им нужна вежливость, вежливое обращение. И пусть я чудовище, если я буду вежливо улыбаться, никто же ведь не заметит! А если и заметит, разве он скажет мне открыто, что это так, что я чудовище? Нет, он мне подыграет. Они... мы, не они! Мы все подыгрываем друг другу. Вежливо подыгрываем друг другу. Так удобнее, так приятнее, так легче! Вежливая улыбка, когда улыбаешься человеку лишь потому, что положено, а не потому, что правда хочется ему улыбнуться, вежливый отказ, когда говорят одно, а думают другое... Никому не интересна эта правда! Это я только знаю — и то не все, только часть... это я только обращаю на нее внимание! А всем на нее все равно! Она не нужна никому! Просто не нужна — вот и все. И даже если они будут видеть, что на самом деле я чудовище, они не обратят внимания! Они подыграют!

А что такое правда вообще? Если мы все приняли эту игру, она сама станет правдой. Что мне говорят, то и стоит считать правдой. Какое мне дело, что они думают на самом деле, если говорят все равно другое? Что я говорю — то они и будут считать правдой. Если я скажу им: «Я активный, я коммуникабельный, я жизнерадостный, я красивый, я лидер!» и притворюсь, что я такой... и буду действовать, как если бы я действительно был коммуникабельным и красивым, — то так оно и будет. Они поверят, я сам поверю... может, тогда это и станет самой настоящей правдой, если все поверят? Они не узнают, что я чудовище на самом деле. Они... они увидят только улыбку. Улыбка будет мне лучшей защитой. Они не посмеют сказать что-нибудь против улыбки. Они... они же ее хотят видеть! А людям надо давать то, что они хотят, то, что им нужно, только так!

Им нужна моя улыбка... я заблуждался, когда говорил, что улыбаются только дети. Неправда! Улыбаются все! Но искренне — только дети. Дети беззащитны со своей улыбкой, но они не понимают. Долго этого не понимают и счастливы в своем неведении. Испытывают эти ненужные никому чувства, которые совсем не похожи на простую, поверхностную вежливость, они там где-то у них, внутри... Куда они пропадают потом? От всего в конце концов остается одна только вежливость... И почему, почему только я, такой дурак, никак не избавлюсь от этих чувств, как

остальные? Я никак до конца... они не нужны. Ни им, ни мне. Просто надо это понять наконец... Мне говорили «Улыбайся!» и я не думал даже — а еще считал себя взрослым! — что можно по-другому, не так, как дети... Я не хочу так улыбаться, как они, я не могу. Но моя улыбка, моя нынешняя улыбка, которую от меня просят, — совсем другое. Никто и не ждет, чтобы мне хотелось. Никто не ждет улыбки от всего сердца. Это просто форма нашей с ними игры. Им не важно, хочу я или нет, и если я не подчинюсь правилам, меня всего лишь исключают из игры. Я почему-то думал, мое нынешнее выражение свидетельствует о сосредоточенности и серьезности, а они воспринимают его по-другому... теперь я понял, что им надо. Действительно понял. И я сделаю, как им надо. Я буду улыбаться. Пусть им будет приятно».

Элрой постоял еще какое-то время. Ему не хотелось улыбаться. Он понимал, что нужно, но... но не хотелось.

«Вот прекрасно! Мне не хочется! Ну и что? Это необходимо... почему мне грустно? почему, если мир так устроен? К чему тогда грустить?.. Людям надо давать то, что им нужно. Мистеру Клейтцсу тогда не нужно было рассказывать о том, сколько сил я затратил на проект и как я старался. Зачем ему? Это только мне хотелось, для себя... Лучше б я рассказал о результатах, к которым пришел. Он это хотел услышать — и надо было думать о нем в первую очередь».

Миру не нужны бабочки.

Точно так же миру не нужно мрачное чудовище, спрятавшееся в угол... не нужно оно родителям, Администрации... и Шерри тоже.

Но миру нужны мои проекты. Моим проектам нужен лидер.

Я им стану.

А для начала надо улыбнуться. И мне мешает... всего одно мне мешает и надо скорее избавиться! Я смогу, я же понял... ну вот, еще и это...»

Элрой протер щеку ладонью.

«Как хорошо, никто не видит... я... дурак я... надо просто принять это, как есть... почему мне грустно? Что в этом грустного?..»

Помню, как пытался подержать огонь в руке. Как мне тогда хотелось! Я обжегся и было больно. Большинству детей хватает одного раза — и больше они не станут лезть к огню. Я... я понадеялся, что во второй раз повезет. Опять обжегся. Опять было больно. И все-таки... зачем-то я потянул руки к огню и в третий раз. Помню, очень переживал, что не получилось в первые два, так верил: уж на третий-то... я опять обжегся и понял, наконец, что, как бы мне ни хотелось, это всегда будет невозможно. Так устроен мир: люди не могут держать огонь в руках... Надо просто перестать желать невозможного. Зачем вообще сожалеть о таких вещах, которые не могут быть? Почему я не расстраиваюсь, что на облаках нельзя полежать, как рисуют там, в их комиксах? Почему я не расстраиваюсь, что не могу прыгнуть выше собственной головы? Это абсурдно. Это глупо. Расстраиваться из-за того, что по определению не может произойти, что я не в силах изменить... А огонь в руках... Разве сейчас мне жаль? Нет. Мне совершенно все равно. Я вспомнил об этом случае просто как о факте из прошлого, ничего не испытывая при этом. Детское желание, оно пропало бесследно с тех пор как я осознал его невозможность. А ведь когда-то я действительно переживал... и плакал, прямо как сейчас, даже сильнее... это было совершенно напрасно. Слезы ничего не могли изменить.

И сейчас... сейчас то же самое. Людям всегда хочется видеть вокруг себя жизнерадостные, улыбочивые лица и никто не любит мрачных бук... Людям всегда приятнее услышать на вопрос «Как дела?» простой и понятный ответ, вроде: «Все хорошо». Людям не захочется видеть твои сомнения и метания, им нужен только четкий и решительный ответ. Каждый раз, когда я ожидаю чего-то другого, их участия, сочувствия, интереса, я протягиваю руки в огонь. Снова и снова. Никто мне не поможет, никто не захочет работать с тем чудовищем, что есть сейчас. Значит, надо меняться.

А я плачу, как ребенок. Почему? Неужели я хочу остаться чудовищем? Неужели я что-нибудь потеряю, если начну вежливо улыбаться, как им того хочется? Только... всего лишь чувства, искренность, а зачем они? Они и не нужны... я радоваться должен — без них будет проще. Скоро я даже задумываться о подобном не буду! И не буду больше сжимать пальцы в кулаки, и мне никогда не захочется плакать. И жить будет проще. Почему, ну почему я плачу теперь?

Кому какая разница, хочется мне улыбаться или нет? Кому какая разница, что я чувствую на самом деле? Никому. И мне тоже. Оно всем только мешает. Им мешает. Мне мешает... что вообще значит это «на самом деле»? Скоро, совсем скоро я научусь чувствовать другое — надо просто сказать для начала, а потом... потом оно действительно станет таким. Правдой. Надо только поверить... закрыть глаза на остальное. Эта правда, что есть сейчас, — она никому не нужна и только мешает...

Я никогда не возьму огонь в ладонь, а мистер Бдэчж никогда не захочет получить в качестве ответа на вопрос «Как поживаешь?» большое «но». Значит, мне надо всего-навсего избавиться от этого «но». И я знаю теперь, как это сделать! Если только я буду улыбаться, если я приму правила их игры и поверю в нее настолько, что она станет для меня самой настоящей жизнью, как она стала для них, оно, это «но», исчезнет. Мне и не жалко совсем, я так хочу от него избавиться! Так хочу и сам не знаю, почему плачу... мне тяжело сейчас, мне больно, я опять обжегся! Больше такого уже не повторится никогда, теперь я знаю, что делать... так о чем я жалею? Все это не стоит слез, потому что по-другому не может быть».

Элрой протер щеки еще раз и кое-как улыбнулся. Оказалось, это даже немножечко проще, чем он думал.

Ему полегчало.

***

Этой ночью он не видел снов. Проснувшись, он счел это хорошим знаком.

Сегодня ему вообще было лучше, чем вчера. Он чувствовал себя посвежевшим, обновленным. Быть может, немножечко пустым.

Вчерашняя тоска бесследно пропала, наверно, ушла вместе со слезами, и Элрой не мог пока еще разобрать, что же пришло ей на смену.

Он подошел к зеркалу и поприветствовал нового себя улыбкой. Он еще помнил, что вчера выдавил ее еле-еле, и ему это показалось странным. Сегодня она держалась на нем довольно сносно, и, что замечательно, ему практически не приходилось прилагать усилий, чтобы поддерживать ее. Пустота внутри ничего не весила, улыбка держалась на поверхности, ничем не отягощенная.

«Я сегодня очень жизнерадостный! — заметил про себя Элрой. — Еще бы! Наконец, я выбрался из тупика! Впереди — сложный путь, но я нашел дорогу.

Правильную дорогу. Я наконец вышел на нее, ничто меня больше не держит и можно начинать свой путь. Вот почему мне теперь так легко улыбаться! Я выбрался сам, я проведу остальных!»

Так начался его путь к самосовершенствованию.

В первые дни Элрой не решался еще улыбаться на работе. Днем он много размышлял, набираясь все новых знаний и примеров из жизни успешных людей, что давало ему возможность совершенствоваться и непрестанно дополнять свой список, а вечером становился у зеркала и репетировал. Он досконально создал в своей голове образ того, кто ему требовался, уяснил для себя все его качества. Временами, правда, на него вдруг нападали страшные сомнения: порой ему казалось, что ничего не получится, что он так и не нашел своего пути и стоит сейчас на краю обрыва, готовый вот-вот упасть в бездну, временами казалось, что все, что он делает, все, что говорит, — это все посторонний человек, вовсе не он, что все вокруг неправда, все слишком невероятно, чтобы быть правдой.

Но он находил в себе силы каждый раз делать новый шаг, понимая, что это — всего лишь временные препятствия на его пути. Препятствия, которые можно будет успешно преодолеть. Если только приложить достаточно усилий. Никто ведь не обещал, что дорога будет простой.

Главное, что помогало ему справляться со всеми сомнениями, — это высокая цель, которую он наконец для себя нашел. Она давала силы на борьбу с собой, собственными страхами и неуверенностью, она светила выше всех преград на его пути, без нее его существование потеряло бы всякий смысл.

— Все в моих руках. Не надо ожидать от окружающих слишком многого, тогда не придется ни о чем сожалеть. Все зависит только от меня самого. Как я сам захочу, так и будет. Я сумею пробиться, я сумею воплотить собственный проект в жизнь. Я сам это смогу! Он им нужен. Он нужен Администрации. Он нужен, чтобы сделать их жизнь лучше. Да, я тут именно для этого — чтобы помогать им, чтобы принести пользу сначала Администрации, а затем — всему обществу! Я добьюсь повышения, оно мне просто необходимо, чтобы заниматься новыми проектами. Именно мне достались очки — сколько возможностей! Сколько ответственности! От меня зависит, от меня одного, сумею ли я правильно распорядиться этим даром! Не надо полагаться на остальных и ждать от них помощи и участия. Я сам сумею! Я снова улыбаюсь, хотя думал, что не смогу. Я улыбаюсь! И это только начало!

Так для чего я тут? Чтобы приносить пользу, чтобы помогать. Администрации нужны такие люди! А их так мало... люди, готовые помогать! Люди, готовые обратить свое внимание не на собственные эгоистические чувства и желания, а на окружающих и полностью посвятить себя их проблемам, их желаниям! Люди, которые не станут обременять остальных, а дадут другим именно то, что от них ожидают, и ничего не потребуют взамен! Люди, готовые вдохновить остальных и дать надежду, когда ни у кого другого ее уже не будет! Люди, которые никогда не оставят в беде, всегда поддержат чужие начинания и укажут путь дальше! Энтузиасты, которые верят в собственные силы, верят, что мир можно сделать еще лучше, чем сейчас! Верят до последнего! Что бы ни говорили другие, как бы тяжело ни было, они никогда не изменят собственным принципам, никогда не опустят руки! Они будут продолжать улыбаться, потому что остальным нужна от них только улыбка! И я верю в собственные силы и потому говорю: я стану для них таким человеком! Я укажу им путь,

поведу за собой, помогу поверить в себя, найду интересные задания и работу, которая поможет им раскрыть собственный потенциал! Я буду тем человеком, который даст им понять и почувствовать, как они нужны обществу, человеком, который направит в правильное русло их энергию и поможет им стать по-настоящему полезными! Человеком, который разбудит в них инициативу и никогда не даст им разочароваться! Я всегда буду рядом, всегда буду в курсе вещей, которые их волнуют, и они всегда будут уверены: им помогут! Их не бросят! Не оставят одних! Не оставят, как оставили меня... мне нужен был такой человек, а он так и не появился... Значит, я сам им стану. Я справлюсь.

Он много времени проводил перед зеркалом, работая над жестами и походкой. Много улыбался. И становился уверенней. Пока никто этого не видел, но сам он знал, что уже совсем скоро... Да, действительно, именно так и будет: уже совсем скоро ему станет недостаточно этих вечерних уединенных часов и он покажет настоящего себя остальным. Он готов будет бросить вызов тому жуткому чудовищу в углу, он готов развиваться дальше — и для этого ему необходимо общение с другими людьми, необходима активная социальная деятельность. Так и только так он станет ближе к своему идеалу.

В один из выходных дней он потратил практически все деньги, которые уже успел заработать, на обновление гардероба. Его зарплата была небольшой, но так как до этого он не знал, на что ее тратить, ее накопилось достаточное количество. Потратив почти все деньги, Элрой получил, тем не менее, небывалое удовлетворение. Как так вышло, что раньше ему и в голову не приходило, что это так приятно? Он приобрел помимо всего прочего красивую коричневую шляпу, хотя раньше вообще не обращал на шляпы внимания и почему-то считал, что они ему совсем ни к чему — совершенно бесполезная штука на голове. Какое заблуждение!

Теперь он знал, на что ему стоит тратить заработанные деньги — на свете столько всяких вещей! — и эта определенность, нахождение смысла доставляли ему самую настоящую радость.

Вечером он довольно крутился у зеркала, разглядывая то, что получилось.

— Вот так гораздо лучше! — заметил он. — Определенно! Не то, что раньше! Те ужасные брюки! Они всегда висели на мне, как мешок! И чего я раньше тянул?! Чувствую себя совершенно другим человеком. Чудесно! Им тоже, будем надеяться, завтра понравится...

***

Всю дорогу на работу Элрой провел в приподнятом настроении. Он приветливо глядел на людей в монорельсе и даже слегка улыбался прохожим, выходя с вокзала.

В нем жило желание приветственно поднимать свою шляпу всем и каждому, кто попадался на пути, но это было бы уже слишком.

Все было просто и хорошо. Немножечко по-особенному, но ведь сегодня был действительно особенный день.

«Сегодня идеальный день для того, чтобы начать все по-новому. Минут через пять буду там. Мне не терпится открыть дверь и поприветствовать их всех. Не так, как всегда получалось, по-другому... Мир улыбается мне, а я улыбнусь миру! Я уже ему улыбаюсь!»

Он легко вошел в свой корпус, легко поднялся по первой лестнице, легко свернул направо, поднялся по второй, все с той же легкостью преодолел еще несколько коридоров, выбрался на еще одну — последнюю на его пути — лестницу и свернул на свой этаж.

Коридор был длинным.

Казалось, кто-то умудрился разлить по всей его длине клей, и если сначала Элрой этого не замечал, то чем дальше — тем тяжелее ему становилось поднимать ноги и совершать последующие шаги.

Он кое-как добрался до нужной двери и теперь собирался взяться за ручку. В последний момент у него задрожали коленки, а уже протянутая к двери рука вдруг изменила направление и схватилась за шляпу.

Он все понял.

И хотел только одного — провалиться сквозь землю, как сказали бы земные люди. Да куда угодно, лишь бы никто его сейчас не видел. Все казалось настолько ужасным, что... даже у земных людей не хватило бы воображения сочинить такой кошмар.

Для него он был реальностью.

«О Боже, Боже! — Элрой судорожно смял шляпу и попытался запихнуть ее в карман, она не влезла, конечно, и так и осталась у него в руке. — Скорее, скорее, пока никто ее не заметил! Что же это я только делаю?! О Боже! Кошмар! Как далеко я зашел! Они сейчас... я тут... Как быть?! Неужели это все правда?! Я тут стою... О Боже! Кого я обманываю?! Разрядился как шут! Ничего не получится! Никто не поверит! Они умрут со смеху! Как я мог! Чудовищно!!! Я никогда, никогда больше не приду в таком виде! Не приду! Никогда!.. Но я уже... что мне делать сейчас? Что же делать?! Они увидят... они никогда не забудут! Никогда! Они так и будут смеяться! Завтра я приду, как всегда, а они все равно будут смеяться! Как я буду тут дальше потом?! Если только они сегодня увидят! Одного раза достаточно! Чудовище! Чудовищу ничего не поможет, так зачем я... лишний раз только... и как я только?!.. Что же мне делать, я уже тут! О Боже!»

Голова кружилась.

«Прочь! Прочь! Скорее! Прочь отсюда! Скорее, пока никто не увидел! Быстрой! — он бросился назад, стараясь топтать как можно тише, чтобы никто из них не подумал выглянуть. — Я... я не успею уже, но это неважно! Я обязан домой, скорей! Выговор! Строгий выговор! Прогул! Ну и что?! Лучше так!.. Никакого повышения тогда, ничего больше, ну так пусть! Пусть! Только бы никто не заметил! Лучше всю жизнь так, как сейчас, чем если... нет-нет! Нет!.. Я... я... я же обещал себе... как же я так? Как же отец, Шерри, они все?!.. Нет, нет, я не тот человек! Найдут другого! Не я! Я обманщик! Обманывал себя, а правда осталась! Каким был, таким и остался! Все эти дни — сплошная глупость, чем я занимался! О Боже! Ну вот! Они идут! Сюда! Скорей!» — Элрой вовремя шмыгнул в тот коридор, где пока еще никого не было. Путь удлинился, но он надеялся, что успеет пробежать по этим лишним коридорам быстрее, чем кто-нибудь выйдет и туда.

«Они все! Все те, на улице, меня тоже видели! Что они думали про себя?! А я им улыбался, а они думали... Ужас! Больше так никогда! Уже скоро! Скоро буду дома!.. Выговор?! Пускай! Я... домой, мне надо домой, и больше ничего!»

Элрой свернул на лестницу и остановился на середине пролета.

«Что я делаю?.. Действительно, что я делаю?..— он перевел дух. — Я как в помешательстве... я... я... никогда не прощу себе, если в самый последний момент убегу, чтобы спрятаться... я... я не имею права. Я обязан туда вернуться. Прямо сейчас. Ничего же страшного на самом деле! Это мне только кажется, что страшно, так только кажется... Что на меня нашло? Я должен... обязан. Я... я же ведь... я же мистер Макинтош! Нет, мистер Макинтош, он — я! — так никогда не сделаю! Никогда! Никогда не изменит своему слову! Он улыбнется и бесстрашно двинется вперед! Я не боюсь, потому что я — это он. А он не боится. Вот и все».

Мистер Макинтош пригладил непослушные даже после лака волосы, попытался выпрямить несколько потрепанную шляпу, нахлобучил ее так, чтобы хохолок не было видно, расправил плечи, расслабил мышцы лица и улыбнулся.

Он бесстрашно преодолел несколько пролетов и вновь оказался в том клейком коридоре. На мистера Макинтоша клей в этот раз действовал меньше.

Потянувшись к ручке, он на секунду остановился. На лице его отразилось подобие сомнения. Другой рукой он попробовал снять шляпу. Потом передумал. Еще пара секунд. И еще... протереть еще разок очки. Что там с дужками? Почему-то стали сильнее давить на уши. Элрой снял очки и стал рассматривать дужки.

«Скоро... скоро уже... еще пара секунд. Пара секунд всего».

Он глубоко вздохнул. Ощущение как перед прыжком с вышки бассейна. Сейчас наденет очки и тут же войдет. Сейчас.

Элрой еще поразглядывал для порядка перегородку между стеклами.

Наконец надел очки. И понял, что к нему издалека уже несколько секунд как приближался один из ассистентов в его отделе. Он так старательно разглядывал дужки и считал секунды, что не слышал.

«Надо же! А я и не успел узнать! Ну вот, так даже лучше... первые секунды, самые страшные, они уже прошли, а я даже не заметил... Теперь уже не страшно. Он меня увидел. Все теперь».

— Мистер Макинтош, вы? Доброе утро! — поприветствовал ассистент, подойдя ближе.

— Доброе, мистер Лойнши! — широко улыбнулся мистер Макинтош и придержал ему дверь.

***

Начать по-настоящему — не у зеркала дома, а с живыми людьми — было самым сложным. Он начал — и убедился скоро, что в этом нет ничего страшного. Ничего такого, что так его пугало.

Когда он вошел в комнату, никто не засмеялся. Это было главным.

Значит, дальше все станет проще.

По правде сказать, ему с его улыбкой и уделили-то секунды две-три внимания, кивнули как обычно и вернулись к своим делам.

Это для него улыбнуться им составляло целое событие, а для них — мимолетный эпизод из жизни, на который и внимания-то обращать не стоит. Мало ли людей на свете улыбается, когда говорит «Доброе утро!». Все так делают.

«Им все равно ведь на самом деле! Им всегда все равно... — заметил про себя Элрой с облегчением и одновременно привкусом горечи откуда-то издалека. — Я же

знал — так и будет, чего испугался?.. Мне же лучше, что им все равно. Мне тоже... почти...»

Элрой очутился за рабочим местом и невозмутимо, с легкой улыбкой принялся разбирать папки, которые ему уже успели положить на стол. Больше к нему сегодня никто не обращался.

Так прошел его первый день.

Следующие проходили примерно так же. Периодически к нему подходили ассистенты с просьбами что-нибудь выполнить. Он встречал каждого с улыбкой и с улыбкой принимал их предложения, несмотря на то, что предлагали ему, как и всегда, только скучную, нудную работу. Первые разы ему приходилось еще себя заставлять, но чем дальше, тем проще становилось и тем больше удовлетворения ему приносило улыбанье им.

Его почему-то (это было странно, но приятно) совершенно перестало беспокоить то, что они говорят о нем и его улыбке за спиной. Когда они подходили к нему, они улыбались. Он улыбался им. Улыбка делала свое дело.

Привкус горечи от того, что никто и не обратил особого внимания на перемены, произошедшие в нем, никто не похвалил его за работу, которую он проделал, превзойдя себя, постепенно пропал. Наконец-то.

«Вот теперь я действительно избавился от всей этой глупости, не только на словах, — равнодушно констатировал перемены в себе Элрой. — Так и надо. Это чудовище — мне даже не страшно о нем сейчас думать! Не больно вспоминать о нем! Не больно больше говорить это слово. Мне все равно. Оно пропало. И не вернется никогда. Не понимаю, право слово, почему я не улыбался раньше?»

По вечерам, когда он приходил домой, подобие той далекой горечи возвращалось иногда. Теперь оно напоминало скорее смутное ощущение чего-то упущенного, как если бы он пытался вспомнить чье-нибудь имя и не мог.

«Мне сейчас... не знаю, раньше мне почему-то было грустно по вечерам, и казалось, что так всегда будет... как это странно, что так можно было когда-то... теперь мне кажется наоборот, что больше уже не случится такого... и это действительно так. Это хорошо».

Со временем он стал выражать интерес к их делам и заботам.

Сначала ассистенты разговаривали с ним не очень охотно, но... нельзя же было не ответить на его улыбку?! Приходилось!

— Как поживаете? — приветливо спросил он, принимая очередное задание. — Я слышал, вы собираетесь принять участие в конкурсе, который будут проводить у Крройтчжа?

— О да, мистер Макинтош, собираюсь.

— Успехов вам! Надеюсь, вы победите!

— О, спасибо! Мило с вашей стороны, что вы так заботитесь!

— Если в моих силах оказать вам какую-либо помощь, я к вашим услугам!

— Буду иметь в виду! А сами-то вы как? В последнее время вы изменились.

— Правда? Вы так считаете?

— Определенно. Вы стали как будто веселее.

— Веселее? Возможно...

— Что-то хорошее произошло?

— Ничего, кроме того, что я пришел сегодня в Администрацию. Радуюсь каждому дню, проведенному тут. Вот и ваше задание — тоже повод. Это очень интересно, помогать людям, набираться опыта... невозможно не улыбаться.

— Так вам тут нравится?

— Само собой разумеется. Я был бы только рад, если бы у меня было больше работы!

— Правда? Я бы с вами не согласился. У меня, например, совсем не находится свободного времени, чтобы как следует поразмыслить над тем самым конкурсом, о котором я вам сказал.

— Я мог бы вам помочь!

— Вряд ли...

— Ну что вы! Если только вы позволите... давайте я сам разберусь с теми данными, за которыми вы ко мне пришли, для третьего отдела. Мне не составит труда!

— Вы справитесь? — немного растерянно спросил ассистент. Он не ожидал подобного поворота событий. Мистер Макинтош спокойно и уверенно улыбался ему, являя собой самую доброжелательность.

— Можете не сомневаться! Отправляйтесь со спокойной душой, подумайте над конкурсом!

— Большое спасибо, мистер Макинтош! Невероятно любезно с вашей стороны!

«Вряд ли он так обрадовался, что передал эту работу мне, — думал Элрой по дороге к третьему отделу. — Но ведь... у него же действительно будет больше времени подумать над этим конкурсом! И ему помощь, и мне хорошо! Ведь так?.. Нет, я не отбирал у него работу, он сам мне ее поручил... он даже поблагодарил меня... все, что я делаю, что желаю добиться — это продвижение, — это все для их же блага!»

Постепенно он стал принимать участие и в общих разговорах. Сначала они не обращали на него особого внимания, но и не сторонились, так как не хватало достаточных оснований для подобных мер. Он всегда светился энергией и говорил только то, что было приятно слышать. Если первое и раздражало некоторых, то второе неизменно сглаживало это ощущение. Со временем выяснилось, что он мог разговаривать о чем угодно. Он довольно неплохо брал управление беседой на себя, но никто этого не замечал, потому что ему удавалось выбирать те темы, что были им наиболее интересны. Они увлекались ими настолько, чтобы не думать о том, что это все подстроено им. Иногда он ощущал слабые упреки совести откуда-то издалека: «Мне же нет никакого дела до всего, о чем мы сейчас говорим! Я все это уже знаю, мне все равно, что думают они... я вот сейчас заинтересованно киваю им, поддакиваю, а ведь даже не слушаю, в своих мыслях... но, с другой стороны, они же этого не видят. Это главное! Они думают, мне интересно, и им приятно поэтому... все эти поддакивания — я же не для собственной выгоды... а, может, мне и правда интересно, раз я с ними говорю об этом... какая разница? Они получают то, что хотят, и замечательно! Когда они спрашивают о моих делах, они тоже не слушают, что я отвечаю... не стоит мне вообще об этом задумываться».

Со временем сфера его влияния в собственном отделе (и даже в соседних, где он тоже успел завести знакомства) расширилась. Ему стало удаваться получать те задания, что он хотел. Он научился очень аккуратно добиваться своего, так, что никто не мог бы предъявить к нему претензий. Более того, большинство даже не замечало, что временами начинало танцевать под его дуду. Нет, скорее улыбку. Очень удачно он

ею пользовался. Если раньше никто не ожидал от него ничего особенного и считал своим долгом в случае какой-нибудь неудачи сравнить собственное положение с его (для поднятия собственной самооценки), то теперь самые подозрительные ловили себя на смутной мысли: «Типчик-то довольно скользкий и не так прост, как казался!», но никогда не говорили вслух.

Когда нескольких ассистентов перевели в другой отдел, мистер Макинтош, ставший по этому случаю просто третьим ассистентом, отказался покинуть свое неудобное место в углу.

«Не считает необходимым, так и сказал. Чудак! Небось думает, его тоже скоро значительно повысят, раз лыбиться научился,» — шушукались остальные ассистенты.

Поэтому освободившиеся столы достались зеленым новичкам, только-только получившим школьный аттестат.

«Я привык уже подлезать под стол, — заметил про себя Элрой, глядя на их взволнованные лица и улыбаясь приветливо из своего угла. — У них не получится так хорошо, как у меня. Вон, они и ростом выше...»

Впервые за долгое время он ощутил внутри не подобие горечи, как обычно бывало, а настоящее тепло.

***

Впрочем, мистер Макинтош действительно рассчитывал на скорое повышение. Он получил от своего нынешнего положения все, что мог, и чувствовал в себе достаточно сил совершить стремительный рывок.

Он не забыл о собственном проекте, лишь придержал его на время... а теперь счел нужным напомнить о нем мистеру Клейтчсу.

— Проект? Проект... Ваш проект? — переспросил Клейтчс, явно не имея представления, о каком проекте идет речь.

— Проект по повышению производительности отдела в пять раз, — мягко напомнил мистер Макинтош.

— Повышение производительности... о да, о да! Припоминаю... вы его усовершенствовали, как я просил? Покажите, пожалуйста, что у вас получилось!

Мистер Макинтош протянул папку с проектом.

— Я посмотрю, мистер Макинтош, обязательно посмотрю! Благодарю вас, вы свободны... что-то еще, мистер Макинтош?

— Да, мистер Клейтчс. Я был бы очень признателен, если бы вы позволили мне прямо сейчас начать и вести этот проект.

— Вам?! Не поймите меня неправильно, но... я не понимаю: каким образом, мистер Макинтош?

— Если бы вы только позволили мне поработать с новичками! Вы же знаете, к нам на прошлой неделе поступило четыре третьих ассистента. Пока они еще только присматриваются, осваивают требуемые навыки... в том проекте, что вы сейчас получили, предложена совершенно новая схема действий. Переучивать опытных сотрудников было бы действительно неразумно, хотя, если проект оправдает возложенные ожидания... Извините, мистер Клейтчс, я отвлекся. Все, что я хотел сказать: мы могли бы попробовать предложенную схему на новичках. Они будут действовать под моим руководством. Я обучу их приемам, описанным в проекте. Мы с

ними, наша команда, мы закончим ведомости для сдачи на полторы недели раньше объявленного срока!

— Мистер Макинтош, — Клейтчс вздохнул, — не представляю, о чем вы говорите. Это невозможно! Новички, четыре новичка закончат раньше целого отдела!

— Четыре новичка вместе со мной, — деликатно подправил мистер Макинтош.

— Вместе с вами! А вы тут уже, можно подумать, специалист! Нет, мистер Макинтош! Нет! Вы пришли слишком поздно! Не время! Сейчас не время! Можно подумать, вы не знаете, какой у нас напряженный период! Самый напряженный в году! Надо было вам раньше об этом думать! Почему вы не пришли раньше?! Чтобы доверить вам дело подобной важности, мне как минимум следовало бы внимательно ознакомиться с тем, что вы написали! Не поймите меня неправильно, я всегда рад проектам подчиненных, но не в аврал!

«У вас было 175 дней и 18 часов для этого, вы сами сдали его в архив, — негодуяще подумал Элрой, сохраняя благожелательное выражение на лице. — Вы бы в любое время сдали его в архив, так этот месяц вас хотя бы подстегнет!»

— Вот поэтому я пришел именно сейчас, мистер Клейтчс! Мой проект будет как нельзя кстати! Вы сами скоро в этом убедитесь! Я все просчитал, я знаю, о чем говорю! Я не прошу задействовать специалистов, всего лишь четыре неопытных ассистента! Пожалуйста, дайте мне шанс! Я вас не подведу! Я обещаю!

Мистер Клейтчс холодно покачал головой.

— Невозможно, мистер Макинтош, невозможно. Не поймите меня неправильно, я вам, конечно, доверяю, но... это слишком рискованно. Я не имею права так рисковать. А если у вас не получится?.. Нам нужны эти ассистенты, мистер Макинтош.

— Мистер Клейтчс, я прошу вас подумать еще раз. Ознакомьтесь, пожалуйста, с проектом в ближайшие дни! Быть может, вы поменяете свое решение. Доказательства, представленные там, они бесспорны!

— Нет-нет, мистер Макинтош, — покачал головой мистер Клейтчс, снисходительно улыбаясь. — Не поймите меня неправильно, я внимательно отношусь к доказательствам и конструктивной критике, но ничто не заставит меня поменять собственное решение. Только если сами вы принесете мне эти ведомости в руки, может, тогда я и выдам вам ассистентов... — мистер Клейтчс хохотнул и уставился на мистера Макинтоша. — Пожалуйста, не поймите меня неправильно, надеюсь, вас не задела моя шутка.

Мистер Макинтош улыбнулся, впрочем, глядя вовсе не на Клейтчса, а куда-то вдаль.

— Я ценю вашу инициативность, — заметил Клейтчс через пару секунд. — Ей самое место на работе, отправляйтесь и успехов вам!

— Я готов, мистер Клейтчс, — уверенно кивнул мистер Макинтош.

— Вот и замечательно. Работа вас уже заждалась, так хорошо, что вы готовы!

— Вы меня не совсем правильно поняли, мистер Клейтчс. Я готов представить вам ведомости. Через месяц. За три с половиной дня до объявленного срока. Я сам, один, их приготовлю, без всяких ассистентов.

Мистер Клейтчс перестал даже улыбаться.

— Вы меня неправильно поняли! Мистер Макинтош! О чем вы только говорите?!

— Я собственноручно подготовлю для вас ведомости за три с половиной дня до объявленного срока, — спокойно повторил мистер Макинтош.

— Это безумие! Да вы сами не понимаете, о чем говорите! Вы! Один! За весь отдел! И даже раньше на три с половиной дня! Прекратите уже! Не надо раздражать начальство лишней раз, это вы понимаете?! Не надо говорить всякие глупости! Извините, конечно, но это уже все границы перешло.

— Я не думаю шутить, мистер Клейтчс. Я говорю абсолютно серьезно. Я это сделаю.

— Мистер Макинтош! Это невозможно! — страдальчески воззвал Клейтчс. — Ну посудите сами! Даже если у вас будет доступ ко всей требуемой информации, а вам придется попотеть, чтобы собрать ее одному, вы все равно физически не успеете ее обработать! Да о чем я говорю! Все это время вы работали на одном и том же участке, вы всего лишь третий ассистент! Не поймите меня неправильно, но то, о чем вы говорите, не под силу ни одному нашему специалисту! Мне не стыдно это признавать, потому что так и есть! Говорю вам как за себя, так и за остальных! А я знаю, о чем говорю, я работаю тут уже больше 30 лет и прежде, чем стать ведущим специалистом, я порядочно покрутился — и в нашем отделе, и в соседних... это невозможно, мистер Макинтош, то, о чем вы говорите, и я прошу вас скорее заняться своей работой и не тратить мое время и мои нервы.

— Мистер Клейтчс, если я попробую, вы же ничего не потеряете. Вы ничем не рискуете. Мое появление тут вообще не было предусмотрено планом, предполагалось, что отдел справится с работой и без моей помощи...

— Да, мы справимся, — согласился Клейтчс. — Ваш отход от дел осложнит нам работу, но мы справимся. И без вас, — он посмотрел на мистера Макинтоша враждебно, но через мгновение на лице его изобразилось сочувствие. — Мы не рискуем, рискуете вы. Подумайте, чем вам это грозит в случае неудачи! Если у вас ничего не получится — а у вас, разумеется, ничего не получится, — вам грозит увольнение. Вас уволят, не сомневайтесь! Я сам вынужден буду вас уволить! Не ждите от меня поблажек! Что вы будете в таком случае делать?! Куда направитесь?! Не поймите меня неправильно, вы приятный молодой человек, но ни одна организация не примет вас на работу за вашу красивую улыбку! Как только они узнают о вашем увольнении из Администрации — а лучше места для работы не найти, мистер Макинтош! — они вне всяких сомнений, дадут вам отказ. Вы себя погубите! Чего вам не сидится?! Трудитесь усердно над чем прикажут и не баламутите воду!

— Мистер Клейтчс, я... я очень признателен вам за ваше участие... и беспокойство о моей судьбе, но считаю его безосновательным. Я принесу заполненные ведомости, как и обещал. Никакого увольнения не случится.

— Идите! Идите! — раздраженно махнул рукой Клейтчс. — Дело ваше, я вас предупредил. Поступайте, как знаете.

Мистер Макинтош учтиво поблагодарил его и вышел наконец.

***

«Мистер Клейтчс ошибается! — думал про себя Элрой. — Конечно, если бы я использовал в работе методы, принятые сейчас, я бы ничего не успел! Конечно, если бы у меня не было очков, я бы — и даже с собственной методикой — ничего не успел! Но у меня гораздо больше возможностей, чем он думает. Мне не надо тратить столько времени, сколько приходится им, на сбор информации! Это значительно облегчает задачу. С ассистентами было бы совсем просто, но что же делать... зато мне не

придется тратить время на обучение помощников и можно сразу приступить к работе в полную силу».

Он приступил.

Мистер Клейтчс запретил остальным хоть как-нибудь его беспокоить, поэтому все имеющееся время он был предоставлен самому себе.

Месяц был тяжелейшим. Он старался удержать в сознании все то, о чем думало несколько десятков человек. Иногда у него начинала кружиться голова, порой он еле добирался до дома. Вечерами он не мог думать уже ни о чем. Быть может, он и впрямь переоценил собственные возможности. Тем не менее, наступал новый день, и он упорно принимался за продолжение работы. Ставки были слишком высоки.

Он сделал, как обещал.

Ведомости были готовы даже за шесть дней до объявленного срока, а не за три с половиной, как он тогда предположил.

К тому времени он уже еле держался на ногах.

Следующий день он позволил себе не думать о них ни в каком виде. Он сидел в углу совершенно изможденный, сохраняя ненавязчивую улыбку на лице.

«Мы тут изводимся, — возмущались сотрудники между собой, — а он сидит и лыбится. Целый месяц. Наслаждается. Почему его до сих пор не уволили? Он ничего не делает!»

«Это победа, — думал Элрой опустошенно. — Я победил. Я рад. Я очень рад. Я справился. Доказал себе и всем, что могу. Завтра они увидят. Я победил. Это как... как в тех примитивных земных кораблях, когда они взлетают в космос. Тяжело, тяжело, еще тяжелее — а потом все! Потом уже все. На орбите будет легче, это выйти сложно... Я победил».

Первую половину следующего дня он посвятил контрольной проверке, после которой уверенно направился к Клейтчсу с ведомостями в руках.

— А, это вы, — Клейтчс без всякого интереса поднял и тут же опустил голову, — все так же бодрый и веселый. Явились узнать, когда вас наконец-то уволят? Потерпите, еще немного осталось. Я вами обязательно займусь, не беспокойтесь. Обязательно.

— Я принес ведомости, как обещал, — заметил мистер Макинтош.

— Не помню, что вы там обещали, извините, — с пренебрежением бросил Клейтчс. — Не поймите меня неправильно, вы, наверно, уже не в курсе, чем мы все сейчас занимаемся, а работы, к вашему сведению, у нас много, и всех вас не упомнишь... Вы говорите, принесли ведомости, прекрасно. Кладите их мне на стол. И отправляйтесь, давайте, веселиться дальше... ведомости! Вы принесли?!

Клейтчс оторопело взглянул на мистера Макинтоша, потом на ведомости на столе, потом опять на мистера Макинтоша и опять на ведомости.

— Не поймите меня не правильно... — промямлил он не очень уверенно. — Но... я не понимаю, мистер Макинтош! Вы обещали... да-да! Припоминаю! Вы тогда обещали подготовить их собственноручно за сколько-то там дней... и потому я освободил вас от остальной работы, вот почему... Да, было такое дело, но я думал, вы несерьезно...

— Я сделал, как обещал, мистер Клейтчс.

— И... и вы сдержали обещание, так получается? Это не прошлогодние ведомости, не позапрошлые, не заполненные кое-как...

Мистер Макинтош поморщился.

— Ох, простите, вы меня неправильно поняли! Но... но это просто невозможно! В любом случае, это невозможно. Невозможно! Вот так я вам и скажу.

— Тем не менее, они у вас на столе, — мягко улыбнулся мистер Макинтош.

— Да, вы правы, — не мог не согласиться Клейтчс. Он пробежался по страницам беглым взглядом, желая в этом удостовериться. Страницы были реальными.

Мистер Клейтчс перестал листать ведомости и уставился на титульный лист. Лицемерье листа продолжалось довольно продолжительное время. Наконец он вздохнул и перевел взгляд на мистера Макинтоша.

— Да, вы же тут еще, — растерянно заметил Клейтчс. — Извините, я о вас забыл. Надеюсь, вы не обижаетесь.

— Ничего страшного, мистер Клейтчс.

— Так значит, ведомости уже готовы... они тут, у меня на столе... замечательно, мистер Макинтош, замечательно... чудесно... и... что вы предлагаете делать с ними дальше?

— Я предлагаю вам принять их от меня, мистер Клейтчс.

— Да, это вполне логично... А дальше что? Не поймите меня неправильно, мистер Макинтош, но такого раньше не случалось. Я озадачен. Весьма озадачен, я вам скажу... Вот вы сами что мне предлагаете с ними сделать дальше?

— Вам стоило бы передать их мистеру Бдэчжу, мистер Клейтчс. Я слышал, сегодня будет проходить совещание...

— Мне передать ему ваши ведомости? Подготовленные вами за три с половиной дня до объявленного срока... Мистеру Бдэчжу передать? Да?

— Именно так.

Мистер Клейтчс хохотнул:

— Ну уж нет, мистер Макинтош. Вы, видно, плохо знаете мистера Бдэджа... его характер. Не поймите меня неправильно, у него прекрасный характер, но, тем не менее, не желал бы я ему докучать лишний раз. Это довольно опасное занятие, должен сказать.

— Я уверен, он не сочтет сдачу готовых ведомостей раньше срока за попытку докучать ему.

— Это если они выполнены правильно! Вот тогда да! Но... где гарантия, мистер Макинтош? Все это настолько невероятно! Наш отдел подготовит ведомости только через несколько дней! Вот тогда их можно будет сравнить. А до тех пор... где гарантия? Все это слишком рискованно... Не поймите меня неправильно, вы очаровательный юноша, но я не желаю ради ваших амбициозных желаний рисковать собственным положением и терять мистера Бдэджа лишний раз.

— Коли так, я сам передам ему ведомости, мистер Клейтчс.

— Не будьте наивны, вас к нему не допустят. Не поймите меня неправильно, но... таковы уж правила.

— Мне удалось добиться его расположения, мистер Клейтчс. Я был уже у него на приеме однажды...

— Ах вот оно как, мистер Макинтош, вот оно как... да, точно, припоминаю, это же он ратовал за вас тогда... да-да! Значит, вы уже хорошо с ним знакомы... ну что ж, мне ли вас предупреждать, коли так... идите! Никто вас не держит! Зачем вы обращаетесь ко мне в таком случае?

Мистер Макинтош вздохнул. За эту пару секунд показалось, что ему не очень хочется делиться своими намерениями:

— Я... мистер Клейтчс... я уверен в этих ведомостях. Вы же понимаете, что означает сдача правильно заполненных ведомостей раньше срока? Если вы поставите свою подпись, вы наверняка получите повышение вместе со мной.

— Допустим, это так... но вам-то что с этого будет? Не поймите меня неправильно, но если вы сами сейчас сдадите свои ведомости без моей подписи, вы все равно получите повышение. Я только не получу, но вам-то какое дело?

— Возможно, мне нет никакого дела... — холодно согласился мистер Макинтош и продолжил так же холодно, — разве что выразить вам таким образом благодарность за проявленное ко мне участие...

— Нашли за что благодарить! — раздраженно бросил Клейтчс. — Много вы видели участия с моей стороны?! Разве ж я вам как-нибудь помог?!

— Вы оградили меня от выполнения прямых служебных обязанностей. Я бы ни за что не успел, если бы мне приходилось выполнять и их тоже. Вы позволили мне на время не выполнять их и не подписали при этом приказ об увольнении...

— Ах, не обольщайтесь! Я бы обязательно его подписал, если бы у меня было больше времени и меньше других, куда как более важных дел...

— Кроме того, вы пытались меня предостеречь тогда. Вы волновались о моей судьбе. Ваши предостережения были вполне обоснованны.

— И, как видите, совершенно напрасны. Вы справились. Очень вам помогли мои участливые предостережения? — мистер Клейтчс ехидно улыбнулся и покачал головой. — Ах, участие, участие... кому оно нужно?... никто никогда не благодарит за него, да и не бывает его... Во мне, например, ровно столько же участия, сколько в вас — измождения и усталости. То есть абсолютно нисколько, потому что, как я уже успел заметить, на вид вы все так же бодры и веселы. Если бы я был хоть сколько-нибудь участливым человеком, я бы наверно сказал себе: «Посмотри на этого юношу! Он один сумел выполнить задание раньше целого нашего отдела! Тебе ли, Джозеф, не знать, сколько всего требуется, чтобы выполнить эту работу! Сколько тут требуется сил и терпения! И информации, которую надо удерживать в голове, чтобы ничего не забыть! И усердия, чтобы все это обработать как следует и оформить как следует! Посмотри на него! Он улыбается тебе, но, зная все это, ты можешь догадаться, что он улыбается тебе из последних сил! Так поблагодари его и скажи, что даешь ему полторы недели отпуска!» Разве вы слышали от меня эти слова — о полутора неделях? О нет! Я ничего такого не говорил! И никакого отпуска у вас не будет. Только два выходных с жалкой половинкой. Идите! Идите! Давайте, отправляйтесь домой прямо сейчас, все равно от вас никакого толку! Приходите, когда отдел подготовит ведомости — мы их сравним. Только вот прежде чем уйти сегодня, не забудьте занести копию своих мистеру Бдэчжу.

Клейтчс протянул ему его ведомости обратно.

— Благодарю, мистер Клейтчс, но... значит, вы не будете их подписывать?

— Нет, не буду. Кто вас знает, а если вы все-таки ошиблись?... — мистер Клейтчс помолчал. — И даже если не ошиблись... отправляйтесь сразу к мистеру Бдэчжу... вот уж участливый человек, говорю вам как человек, участия лишенный. Он своего никогда не упустит. Не поймите меня неправильно, он, конечно, прекрасный руководитель, но выжмет из вас все соки. Если только вы действительно подготовили ведомости без ошибок, вы невероятно талантливы... а коли так — он найдет применение вашему

таланту — до последней капли. Он умеет получать от всего максимальную пользу... Быть может, он вам рассказывал: мы с ним начинали в одном отделе — в этом. Когда я сюда поступил, он был вторым ассистентом. Теперь я ведущий специалист в отделе, а он — руководитель целого ведомства, где отделов, подобных моему, — десятки. И я вас спрошу, в чем тут дело?.. А, можете не отвечать... если у меня и был шанс, я его упустил еще в тот день, когда сдал ваш проект в архив. И теперь, когда вы выполнили свою работу, я не желаю гнаться за упущенным и прилепляться к вашему успеху... считаю, что это, если вы меня понимаете, ниже моего достоинства. Давайте, идите уже!

***

В СМИ этот случай не получил широкой огласки (которую, заметим, вполне заслуживал), возможно, в первую очередь из-за нежелания мистера Бдэджа. Все, что было, — лишь крошечная газетная статейка в одном из изданий, где самым очаровательным образом умудрились написать имя мистера Макинтоша с ошибкой. Мистер Макинтош тем не менее не испытывал ни капли сожаления по этому поводу. Быть может, знал, что у него еще будет возможность не раз увидеть собственное имя в газетах и считал это лишь вопросом времени.

Да и какое это имеет значение?

Право слово, такие мелочи!

Главным было то, что он наконец получил значительное повышение, за которым вырисовывались новые, очень заманчивые перспективы карьерного роста. И мистер Макинтош был в полной боевой готовности!

Настроение у него было, что и говорить, прекраснее некуда (впрочем, когда оно бывало другим?). Два с половиной дня (большего он и не просил) помогли, как казалось, почти полностью восстановить силы, да к тому же было еще полторы недели, в течение которых оформлялись его документы. За это время кто угодно умается от безделья и возжаждет упорного труда!

Сегодня он смог наконец занять новый — собственный на сей раз, хоть и небольшой — кабинет. Стол был очень удобным, со множеством ящичков, впрочем, одному из них не помешали бы две перегородки, которые мистер Макинтош за это же утро и устроил. Прошло всего полдня, а он успел выполнить еще много всего! Разложил свои папки по полкам (шкаф был небольшой, но вместительный). Набросал в блокнот идеи по части украшения стен. Отдал распоряжение изготовить табличку с часами приема. Отправил родителям открытку, где сообщал о собственном повышении. Совершил обзор прессы за утренним кофе. Провел совещание, где присутствовали ведущие специалисты нескольких отделов, перешедших теперь под его управление. В число этих специалистов входил и мистер Клейтчс, который покорно принял все его указания со словами: «Да, сэр. Будет сделано, сэр». На сей раз можно было не сомневаться, что так оно и будет. У «будет сделано, сэр» есть только одно понимание.

Работа предстояла большая, Элрой это знал. Необходимо было повсеместно внедрить в имеющиеся отделы те методы, что использовал он сам при подготовке ведомостей. Конечно, хотя теперь у него и были помощники-исполнители (те самые ведущие специалисты — руководители отделов), действия которых ему следовало только координировать, Элрой считал своим долгом не пускать дела на самотек и

поставить под контроль (настолько, насколько это возможно с его очками) действия каждого работника в каждом его отделе. Главное, что ему самому следовало освоить в идеале (а пока он только приближался к нему) — это умение выбирать только ту информацию, которая могла бы оказаться действительно полезной. И, разумеется, он не собирался проводить все дни напролет в собственном кабинете, наблюдая за их успехами со стороны, периодически он будет заглядывать то в один отдел, то в другой. Конечно, не ради праздного любопытства и желания поболтать, а чтобы в полной мере реализовывать свои обязанности руководителя и помогать подчиненным выполнять свои. Раньше ему еще не выдавалось возможности выступить в роли настоящего руководителя, не приходилось управлять действиями других людей. Новое дело, новый опыт, новые трудности. Впрочем, Элрой смотрел в будущее оптимистично. «Я справлюсь, конечно! — думал он, с улыбкой разглядывая нарядный узор на новом галстуке, купленном по случаю повышения. — Я сумел справиться с собственными страхами, сумел раскрыть свои способности, сумею и им в этом помочь. Главное тут — вера в собственные силы! И в их, конечно, тоже! Поверил в себя, верю в них!»

Сейчас он собирался доложить мистеру Бдэчжу о проведенном совещании и официально состоявшемся начале работ по воплощению проекта. Пару минут, потребовавшихся, чтобы дойти от собственного кабинета до кабинета Бдэчжа, Элрой провел в размышлениях о предстоящей встрече с вторым заместителем. Широкая общественность осталась практически в полном неведении о его недавнем достижении, но в Администрации слухи сумели дойти до высшего управления⁷. Господин второй заместитель Президента был весьма впечатлен пришедшими к нему новостями и пожелал пообщаться лично с тем самым мистером Макинтошем, что справился с работой быстрее целого отдела. Сам мистер Макинтош не мог думать об этом без гордости. Это была гордость победителя, которой не стоило стыдиться, и он знал, что заслужил — действительно заслужил! — это внимание собственными усилиями.

«Если он будет настроен благожелательно, возможно, я даже смогу попросить его об оказании мне одной небольшой услуги... Чтобы мы назначили Шерри стипендию. Это будет достаточным основанием для ее вступления в Ассоциацию изобретателей, даже и без диплома изобретателя... конечно, разве откажут они ей, если ее будет финансировать сама Администрация? И без диплома примут, подумаешь диплом... и она все-таки станет изобретательницей — настоящей, самой настоящей, как все другие, с дипломами. Вот, наконец, и я окажусь ей полезен, хотя бы и в этом... ведь стипендия, одна стипендия на изобретения — что она значит для нашей Администрации? Нам ничего не стоит начать выделять ее для Шерри...»

Мистер Макинтош уверенным шагом прошел мимо Лоис (ему больше не требовалось записываться у нее заранее, чтобы посетить Бдэчжа), щедро одарил ее своей красивой улыбкой, тактично постучал в дверь, подождал пару секунд и заглянул внутрь.

— Да-да, Элрой, ты? — добродушно поприветствовал Бдэчж. — Давай, проходи уже! И рассказывай, как тебе на новом месте. Мне очень интересно будет послушать. Нравится?

---

⁷ Быть может, тоже благодаря стараниям Бдэчжа. Против осведомленности начальства он ничего не имел.

— Вне всякого сомнения, мистер Бдэж. Все просто замечательно и я всем доволен, — ответил мистер Макинтош с улыбкой.
Это была самая настоящая правда.

Лучший друг

(о реакции Шерри на уход Элроя из Клуба)

Улица пуста. Ничего удивительного. Утро еще раннее. Скоро должен начаться профилактический дождь. Облака уже совсем коричневые. Улица пуста.

Обычное дождливое воскресенье, одним словом.⁸

И улица пуста, если судить по тому кусочку, что виден из окна.

Шерри вздохнула и опять уткнулась лбом в стекло, не отводя взгляда от безлюдной улицы и словно ожидая чьего-то появления там.

Так оно и было.

Она недоуменно теребила то одну косичку, то вторую, то обе сразу. Она ждала.

— Вот ты где! — мягко окликнул ее мистер Дчжонс, просунув голову в чердачный люк. — Давай спускайся! Мы выходим!

— Уже? — Шерри в очередной раз дернула косичку.

Отец кивнул.

⁸ Воскресенье – объективно самый удобный день для профилактических дождей: на работу никто не спешит, смотреть телевизор или читать рекламный проспект уютнее под шум дождя... тыньчиане бережливы: солнце нужнее в рабочие дни.

— Так ведь еще рань такая! — возразила Шерри.

— Ничего не рань! Мы и так уже опаздываем!

Шерри неохотно поплелась за отцом.

— Опаздываем, да! — не очень довольнo повтoрил мистер Дчжонс и вдруг вспомнил. — Знаешь, а я ведь все знаю! Ты умудрилась уже дважды опоздать в школу в этом году! Плохо!.. Знаешь, что говорят земные люди? Точность — вежливость королей, — тут мистер Дчжонс неуверенно оглянулся на лицо дочери. — Знаешь, кто такой король?

Шерри перестала теребить косичку и рассеянно уставилась в ответ.

— Что?

— Ты что, меня совсем не слушаешь? Ты знаешь, кто такой король?

— Король — отец принцессы, — безразлично ответила Шерри. Она уже натягивала свой непромокаемый плащ.

— Вы готовы? — бодро спросила миссис Дчжонс, ожидавшая на крыльце. — Ну что, выходим?

Мистер Дчжонс поднял свой рюкзак и уже начал спускаться к газону.

— Нет, не готовы! — запротестовала вдруг Шерри. — Вы разве не видите? Элрой еще не пришел!

Родители переглянулись.

— Так он тоже едет?

Шерри потупила взгляд.

— Я думала, он придет.

— Он никогда раньше не опаздывал, — с сомнением заметила миссис Дчжонс. — Ты уверена, что он собирался? Может, родители его не пустили? Помнишь, как он ни с того ни с сего простудился тогда, бедняжка, а ведь сегодня весь день будет дождь? Или, вполне может быть, он боится дождевых червей не меньше, чем гусениц?

— Он давно уже не боится гусениц! — уверила Шерри. — Я же говорила...

— Ты не думала позвонить ему по видеофону? — предложил мистер Дчжонс.

Шерри смутилась еще больше.

— Ох уж эти предрассудки! — с досадой выдохнул мистер Дчжонс. Это была большая для него тема. — Ты об этом даже не подумала, правда? И зря! Видеофоны — чудесные устройства, бояться которых просто смешно! На Земле, например, тоже уже появляются первые переносные телефоны! Вот увидите, через несколько лет такие у каждого будут! Увидите! И все они будут пользоваться ими активнее нас всех, и...

— И это все наверняка будет так, — мягко согласилась миссис Дчжонс, — но последний поезд уходит через 20 минут, и если Шерри хочет ему позвонить, то дай ей наконец возможность это сделать.

Мистер Дчжонс покорно кивнул, но Шерри не спешила к видеофону.

— Не знаю, па... — помялась она. — Наверно, он все-таки решил не приходить сегодня.

— Вы что же, вчера договориться не могли? — недоуменно спросила миссис Дчжонс.

— Мы... нет... вчера... плохо получилось, — Шерри закусилa губу. — Но я надеялась, правда, очень надеялась, что он придет... он так расстроился вчера... из-за меня...

— Уж так и из-за тебя? — шутливо переспросил мистер Дчжонс. И мигом понял по затрясшимся губам дочери, что выбрал неправильную тактику. Похоже, все действительно было серьезно. — Ну-ну-ну, — похлопал он ее по плечу. — Вы поссорились, да? — плечо Шерри как-то особенно резко вздрогнуло. — Ничего страшного. С кем не бывает? Рано или поздно все ссорятся... А потом мирятся. И снова дружат.

Они были уже на улице.

— И у тебя так было? — неуверенно спросила Шерри.

— Конечно! И не раз.

— И у мамы?

— Да у большинства людей на свете, Шерри! Ссоры — неприятные, но вполне нормальные явления, — философски заметил отец. — Помнишь ту историю с земным сыром? Мы с мамой не разговаривали тогда несколько дней... Или вот в твоих комиксах — что, никогда не ссорились герои?

— Не знаю... Мне кажется, так, как мы, никто ни с кем никогда не ссорился, — мрачно проговорила Шерри. — Ну, так сильно...

— Так всегда кажется, — утешил ее отец. — И, тем не менее, всегда можно найти путь к примирению. Было бы желание дружить!

Шерри горячо кивнула:

— Я же совсем не обижаюсь на него! Честное слово! Я правда виновата была, мы оба... он же никогда не сказал бы мне... ну... что он сказал, если б только... па, а вдруг он не пришел, потому что думает, что я на него обиделась? Ну, что не хочу его видеть? Но я же хочу! Может, мне сейчас сбегать к нему? Тут по дороге. Я бы успела...

— Мне кажется, если он не пришел, то лучше его пока не трогать, — серьезно покачал головой мистер Дчжонс. — Это его решение. Дай ему побыть одному!

— Но... — Шерри опять понурилась. — Как же он тогда узнает, что я... Ааааа... — глубокомысленно вдруг протянула она и замолчала на несколько минут.

— Па! — дернула она его вдруг беспокойно. — Но даже вот сейчас... мы же с ним друзья, да? Просто мы пока не разговариваем. Но это ненадолго. Он мой друг все равно, правда?

— Определенно, — согласился мистер Дчжонс, — если только ты считаешь его другом, а ты, конечно, так считаешь.

Шерри кивнула.

— Отдохните друг от друга, — поддакнула миссис Дчжонс. — Ладно бы мы на месяц или год уезжали... Однодневная экспедиция. Завтра в школе снова увидите.

— И помиримся? — с надеждой спросила Шерри.

— Это зависит от вас. Почему нет?

— Мне кажется, я перед ним очень виновата, — Шерри в очередной раз вздохнула. Конечно, ей хотелось услышать в качестве ответа только уверенное «Разумеется помиритесь!». Обычно неопределенность ее не пугала, но только не в этот раз.

— Элрой — хороший мальчик, — заметила миссис Дчжонс. — Я думаю, он тебя скоро простит. Ты же его уже простила?

— Конечно! — Шерри приободрилась. Простить Элроя оказалось не так уж сложно, и он, наверно, тоже с радостью ее простит. — Он хороший и он мой друг!.. Но все-таки вчера я... ужасно. Мне очень стыдно.

— Не знаю, что ты там натворила такого, но впредь думай о последствиях, — назидательно молвил мистер Дчжонс. — И, кстати, о последствиях школьных опозданий, моя принцесса...

***

— Элрой Макинтош. Отсутствует по уважительной причине, — безразлично пробубнила учительница, не отрываясь от списка учеников, чтобы скорее назвать следующую фамилию.

Шерри вся похолодела. А на что она надеялась? Что Элрой со своей пунктуальностью и двумя часами на запястье просто опоздал и сейчас стоит за дверью, не зная, как попасть в класс? Он слишком обязательный, чтобы опаздывать или прогуливать.

Подтвердилось. Сегодня он отсутствует по уважительной причине.

Она, помимо собственной воли, все не могла оторвать взгляд от соседней, пустой, парты и умоляла время идти быстрее. Скорее бы только кончился этот ненавистный урок!

Она терялась в догадках. Какая может быть уважительная причина? На ум ничего не приходило, кроме болезни.⁹

«Вдруг он заболел! — с ужасом повторяла она про себя снова и снова. — Так сильно расстроился, что заболел... Я тут сижу как ни в чем не бывало, вчера копала червяков как ни в чем не бывало, а он все это время провел дома, один, больной, расстроенный, он, наверно, очень переживает... а вдруг у него разболелась голова из-за очков?! Это же ужасно! Мне надо к нему, срочно! Сколько там еще осталось? Полчаса? Скорее бы уже!»

По окончании занятий она пулей вылетела из класса и через четырнадцать с половиной минут стояла вся красная и совершенно запыхавшаяся у калитки его дома. Нужно было немного отдышаться. Если Элрой действительно заболел, то дверь откроет миссис Макинтош, работающая по нечетным дням на дому. Миссис Макинтош производила впечатление довольно занятой и строгой женщины, а потому, чтобы не раздражать ее лишним раз, Шерри хотела хоть немного упорядочить собственные мысли после быстрого бега.

Наконец она позвонила в дверь.

На пороге довольно скоро появилась миссис Макинтош с широкой улыбкой на лице. Кажется, она была в хорошем настроении, и даже вид все еще красной Шерри, стоявшей прямо перед ней, ненамного его испортил.

— Добрый день, Шерри, — сдержанно поприветствовала миссис Макинтош. — Ты к Элр...

— Здравствуйте! Да! Как он?! — нетерпеливо выпалила Шерри.

Миссис Макинтош нахмурилась. До чего шебутная девчонка!

— Как он себя чувствует? — повторила Шерри сдержаннее.

---

⁹ На Тыньже очень развита медицина. Но многие лекарственные препараты можно принимать только по достижении определенного возраста (в основном 15 лет). Например, детям, в отличие от взрослых, запрещено принимать те противопростудные таблетки, которые вылечивают моментально, и приходится довольствоваться обычным аспирином.

— С утра он чувствовал себя прекрасно, — ледяным тоном ответила миссис Макинтош, но даже такой холодный ответ заставил Шерри облегченно вздохнуть. Миссис Макинтош нахмурилась еще сильнее. — А почему ты спрашиваешь?

— Его не было сегодня в школе... по уважительной причине... и я испугалась, что он мог заболеть... как хорошо, он в порядке!.. Он куда-то уехал? Он придет в среду?

— Сомневаюсь, — все так же холодно проговорила миссис Макинтош.

Шерри понурилась.

— А когда он вернется?

— Сегодня вечером, — просто ответила миссис Макинтош, но тут же спохватилась. — Но очень поздно. Он очень устанет. Тебе лучше прийти к нему в другой раз. Я ему передам, что ты приходила, спасибо!

Она хотела уже захлопнуть дверь, но Шерри явно не собиралась уходить.

— Где же он сейчас?

Миссис Макинтош, конечно, могла сделать вид, что не расслышала последний вопрос и преспокойно все-таки закрыть дверь, тем более Шерри определенно не входила в число ее любимых собеседников, но действительность была слишком заманчивой, чтобы промолчать.

— В Администрации Президента! — гордо проворковала миссис Макинтош и с превосходством взглянула на Шерри. — Сейчас он с мистером Бдэжжем на совещании, где обсуждаются проблемы и перспективы развития текстильной промышленности.

Шерри непонимающим взглядом уставилась на миссис Макинтош. Такого ответа она, похоже, не ожидала.

— И... что он там делает? — только и смогла она спросить. — Он же никогда не интересовался модой...

— Вносит предложения, конечно, — самодовольно улыбнулась миссис Макинтош, как будто это она сейчас вносила предложения в президентской Администрации, а не Элрой.

— Какие предложения? — все так же непонимающе спросила Шерри.

— По поводу развития текстильной промышленности, само собой.

— Аааа, — все еще озадаченно протянула Шерри.

— Он вчера с самого утра и до позднего вечера готовился к этому выступлению. Жду-не дождусь его возвращения, узнать бы, как там у моего мальчика дела!.. А, впрочем, у него все будет хорошо, я и сейчас уже знаю! Я же всегда говорила и не уставала повторять, какой он талантливый! Даже сам господин второй заместитель Президента это отметил! О да! Мы с Ллойдом уже два дня просто вне себя от радости, а уж сам Элрой-то как счастлив! Наконец его талант раскрылся во всю силу! Все эти его жуки, или что там у него было, даже они не дали его природным дарованиям зачахнуть... конечно, он много времени занимался не тем и мы с отцом волновались, но все это время талант его зрел внутри него, не замеченный им самим, и вот наконец... и теперь все увидят то, что видели раньше только мы с Ллойдом! Какая радость!

Тут миссис Макинтош вспомнила, что Шерри — та самая особа, из-за которой Элрой много времени занимался не тем и прятал свой талант, и ее словоохотливость сошла на нет.

— Он точно не придет в школу до конца этой недели, — холоднее добавила она. — У него так много совещаний, что на школу просто нет времени. Впрочем, он хваткий... вот и мистер Бдэчж утверждает, что Элрой с легкостью нагонит все упущенное, да я в этом и не сомневаюсь. Административные совещания гораздо важнее школы!

— Кто это — мистер Бдэчж?

— Высокопоставленный сотрудник Администрации, — гордо отчеканила миссис Макинтош.

Шерри все еще пыталась свыкнуться со всей поступившей информацией, но получалось у нее с трудом. Казалось, они разговаривают сейчас о постороннем, о ком угодно, но только не об Элрое...

— И Элрой...он... он выглядит счастливым? Он доволен?

— Забавный вопрос! Конечно, разумеется! Разве можно как-то иначе в его ситуации?

Шерри хотела что-то сказать, но в последний момент передумала.

— Я рада, миссис Макинтош!.. За вас... и за него... — промямлила она неуверенно. — А... он теперь ходит в... ну... со стеклами?

— О чем ты?

— Я говорю о стеклах перед глазами. Большие, овальные... они очень бросаются в глаза...

Миссис Макинтош повспоминала пару секунд.

— А, да, поняла, о чем ты... ну да, в них.

— Постоянно?

— А что такого?

— Вы... ну... не спрашивали... ну...

— О них? Пока не до этого было, столько событий, столько радости. Как-нибудь спрошу, — безразлично отговорила миссис Макинтош. — Когда он не будет так занят... я думаю, лучше его пока никому лишний раз не беспокоить.

«Никому» было явно сказано с намеком.

— Хорошо, миссис Макинтош, тогда я пойду... передайте ему, пожалуйста, привет от меня! У меня как раз много свободного времени, и если только у него найдется...

— Да-да, прекрасно! — нетерпеливо отозвалась миссис Макинтош и наконец захлопнула дверь.

***

Шерри кволо следила, как чайники оседают на дно чашки. Периодически она взбалтывала их ложкой снова.

— Элрой совсем перестал к нам заглядывать, — осторожно начала миссис Дчжонс. — Как вы там в школе? Вы помирились?

Шерри грустно пожала плечами.

— У него пока очень много дел. Я его еще не видела. Он даже в школу не успевает приходиться...

— Правда?

— Да, он теперь в Администрации... все время там, на этих их совещаниях... И миссис Макинтош сказала, что его похвалил сам второй заместитель. Говорят, у него талант. А еще миссис Макинтош сказала, что он и сам вне себя от радости.

— Ну так это же просто замечательно! Ты за него не рада?

— Не знаю, — Шерри вздохнула. — Наверно, я сейчас должна была бы радоваться... а я не рада. Мне кажется, он и сам не рад...

— Почему ты так решила?

— Потому что он забросил все свои прежние увлечения! Он не прислал мне ни одной новой фотографии... мы с ним совсем не разговариваем... мне кажется, там, в Администрации скука смертная, как говорят земные.

Миссис Дчжонс задумалась:

— Возможно, для тебя, с твоей точки зрения — да... но вряд ли для него. Если у него есть способности, ему наверняка интересно.

— Ему интересно другое! — не согласилась Шерри. — И у него совсем другие способности! Это все после нашей ссоры...

— Но Шерри! — возразила миссис Дчжонс.

— Что? — раздраженно бросила Шерри. — Он не приходит только потому, что у него не хватает времени теперь. Он бы обязательно пришел, я уверена!.. Он очень хотел бы! Мы же друзья! Я знаю, как он любит земные вещи, и совершенно точно: он обожает ловить бабочек! Неужели все эти совещания показались ему интереснее? Да быть такого не может!

— Ты никогда не сможешь утверждать наверняка.

— Могу! Я хорошо знаю Элроя!

— Люди меняются...

— А Элрой все такой же, — запальчиво перебила Шерри, — я знаю! И надо вернуть его обратно! Этот мистер, который на Б, много себе позволяет!

— И как же ты собираешься это сделать?

Шерри моментально сникла:

— Не знаю, я еще не решила...

— Пойми, Шерри, крошка, люди меняются, — мягко повторила миссис Дчжонс, — иногда постепенно и совсем незаметно, а порой очень сильно, но все эти изменения неизбежны. И тебе необходимо научиться правильно к ним относиться. Тут ты не в силах что-либо изменить. Может быть, ваша ссора лишь подтолкнула Элроя быстрее изменить свои интересы, но рано или поздно это все равно могло бы случиться. Например, когда он вышел бы после школы на работу и убедился, что там ему интереснее... Люди находят новые увлечения, меняют приоритеты — они имеют на это право и надо уважать их выбор. Элрой уже достаточно взрослый, и это его решение, его путь. Никогда нельзя заставлять другого делать то, что ты хочешь. Он сам должен захотеть...

— Элрой хочет! — уперто заявила Шерри. — Просто у него нет времени пока...

— Значит, на данный момент он по какой-либо причине хочет потратить его по-другому. Если он по-настоящему захочет вернуться в Клуб, он обязательно найдет время и на него, — уверила миссис Дчжонс. — А ты наберись терпения...

— Но он неправильно тратит время! Неправильно! — Шерри сложила пальчики в два кулачка и затрясла ими от негодования. — Он что, не видит, как глупо? Глупо просиживать дни на совещаниях в пыльных кабинетах! Глупо! Ты разве так не считаешь?

Миссис Дчжонс кивнула.

— Вот видишь!

— Я считаю, что это глупо, коль скоро у человека нет выбора, — уточнила миссис Джонс и продолжила. — Если человек всю жизнь сидит в кабинете, как ему указали, и даже не догадывается о том, что можно заниматься чем-то еще, когда ему попросту не с чем сравнить свое нынешнее занятие, — тогда глупо. Но Элрой уже имел возможность ловить бабочек и предпочел этому занятию сидение в кабинете. Он попробовал и то, и другое — и сделал добровольный выбор. Ведь вряд ли его кто-то заставил, да он бы и не дал: раньше, например, даже родители не могли отвлечь его от бабочек... Так почему?.. Может, ему просто НРАВИТСЯ сидеть в кабинете? Если человеку по-настоящему нравится его занятие, можно утверждать, что оно глупое?

— Ну не знаю, — нахмурилась Шерри. — Наверно, нельзя... но я не могу поверить, что он променял заседания Клуба на это... так... так это... не похоже на него... меняется... почему...

Шерри не закончила последнюю фразу и разревелась, уткнувшись в руку матери.

— И все равно, — сквозь слезы решительно выговорила она, — все равно... пусть меняются... эти его увлечения... все равно, он мой друг... и я знаю, сам он все такой же, как был. Мой лучший друг. Всегда. И мое отношение никогда не изменится.

***

Время шло.

Все так же тихо.

Шерри совсем перестала опаздывать в школу. Она очень боялась, что Элрой может прийти на занятия именно в день ее опоздания, когда ее не пустят в класс. И она делала все необходимое, чтобы исключить любую вероятность подобной ситуации. Каждый раз при входе в класс у нее от волнения и надежды замирало сердце — вдруг сегодня?.. Но Элрой все не приходил. Она старалась не смотреть на пустую парту и, чтобы хоть как-нибудь скоротать время до урока (а порой и самого урока тоже), доставала комикс и принималась за его изучение.

После занятий она продолжала читать комиксы в школьном подобию сада. Этот «зеленый»¹⁰ уголок был слишком запущен, чтобы называться садом, но Шерри любила его именно таким. Она хорошо изучила его еще несколько лет назад — и все это время он оставался таким же диким, как был. Неизменным, привычным... родным. Именно тут она впервые увидела Элроя, здесь они проводили много времени в последующие три года... Шелест листвы и пение птиц действовали на нее умиротворяюще, а пестренькие венчики цветов, бесстрашно выглядывающие из густой темной травы, всегда поднимали настроение. И все-таки, даже тут ей было теперь одиноко.

Однажды, когда она была на дереве, ей даже показалось сквозь крону, что там внизу, над цветами, как и тогда, давно, склонился Элрой. Но прежде, чем она решилась выкрикнуть его имя, птица (конечно, это был не Элрой), сидевшая внизу, успела улететь.

Особенно грустно было видеть бабочек, которые, как и всегда, беззаботно порхали с цветка на цветок. Чем красивее встречались бабочки, тем больше расстраивалась Шерри.

---

¹⁰ Скорее, зелено-коричневый.

«Жаль, Элрой не видит, — в очередной раз подумалось ей, когда мимо опять пролетела большая роскошная бабочка нового вида, не встречавшегося им раньше. — Как бы он обрадовался!»

В этот момент бабочка перестала порхать в тени кустов, неторопливо села на крупный освещенный солнцем цветок и кокетливо расправила крылышки, предоставляя Шерри возможность оценить их красоту во всем великолепии.

«Вот бы сюда сейчас Элроя с фотоаппаратом! Такой бы снимок устроил! До конца жизни гордился бы! — Шерри глаз не могла отвести... и вдруг громко хлопнула в ладоши, так что бабочка, возмущенная подобной дерзостью, упорхнула. Но Шерри даже не обратила внимания. Она уже пробиралась через кусты к калитке.

«Ну конечно! Я сама ее для него сниму!» — повторяла она про себя снова и снова по дороге домой, все больше воодушевляясь.

Несколько последующих дней бабочка, постоянно дразнившая Шерри до этого, и не думала появляться, но в конце концов Шерри удалось сделать несколько довольно симпатичных снимков.

«Конечно, не так, как получается у Элроя, — принялась оценивать собственную работу Шерри, разложив фотографии дома на столе, — но, по крайней мере, лучше, чем получилось бы у Объективчика¹¹. Надеюсь, Элрой простит мне недочеты, выберет лучший и вклеит к себе в альбом... или даже вдруг все-таки найдет время и сам ее сфотографирует? Пока она тут — нельзя упускать возможность! Интересно, а на Земле такие есть?»

Шерри положила фотографии в конверт, щедро обклеила его всеми образцами имевшихся земных марок, тщательно заклеила, чтобы ни один снимок не выпал, и осторожно просунула в щелочку почтового ящика Макинтошей.

Элрой ничего не ответил.

«Ну ничего, нестрашно, — уверила себя же Шерри, когда ей стало ясно, что надеяться на ответ бесполезно. — Ну и что? Подумаешь, ответ! У него просто слишком много работы и слишком мало времени. Мы друзья, и он знает, что даже если не ответит мне, как отвечает всем этим административным, я не обижусь. Потому что я друг, я понимаю... наверно, лучше его лишний раз действительно пока не отвлекать...»

Был уже конец сентября. И хотя на дворе было почти так же жарко, как и летом, появившийся ветер не уставал напоминать о наступлении осени. Шерри теперь меньше времени проводила в своем уголке. Читать комиксы на улице с таким ветром было очень неудобно, так что она переместилась к себе на чердак, который, наравне с лабораторией, был ее любимым местом в доме. Раньше здесь часто проходили заседания Клуба.

Теперь Шерри подолгу сидела тут в одиночестве, перечитывая протоколы заседаний, записанные аккуратным почерком Элроя, и разглядывая все те вещи, что они успели изучить.

---

¹¹ Так она любовно прозвала одно из прошлых изобретений – работа-фотографа, представлявшего из себя крошечный летающий зонд с объективом, который делал множество фотографий тех объектов, на которые его программировала хозяйка. Чаще всего таким объектом становилась она сама (потому что никто больше, и даже Элрой, в те времена, когда он еще не начал носить очки, желания не изъявлял). Сложно было судить о качестве сделанных им фотографий с художественной точки зрения, зато неизменным достоинством Объективчика было то, что он делал их МНОГО.

Нередко она листала комиксы или книжки с картинками, записывала собственные мысли на основе прочитанного, выписывала интересные английские выражения, а главное — идеи для изобретений, встретившиеся ей на страницах. Правда, теперь эти идеи проходили гораздо более жесткий отбор, чем раньше. Шерри стала осторожнее. Наконец она начала осознавать, какая огромная ответственность связана с ее даром изобретать.

Все чертежи и другие рабочие материалы, касавшиеся очков, она давно уже разорвала на мелкие кусочки, чтобы никто больше не смог создать что-нибудь подобное. Так же точно она поступила с начатым было в июле проектом прибора, который должен был позволить читать мысли других. «Никогда тебя не изобрету!» — твердо сказала Шерри и для пущей уверенности кивнула головой. — Так тебе и надо!»

Теперь она проводила гораздо больше времени с родителями, которые, к великой ее радости, стали бывать дома намного чаще и не собирались никуда уезжать в ближайшее время. Конечно, Шерри жаждала узнать о Земле как можно больше, взять в руки как можно больше вещей оттуда... но в то же время она очень скучала по родителям, когда они уезжали так надолго. Ей нравилось наблюдать за их работой в домашней (что не мешало ей быть достаточно большой и функциональной) лаборатории, выполнять простенькие ассистентские задачи, которые предлагали ей родители, как бы невзначай подавать им решения для казавшихся до этого неразрешимыми проблем и посмеиваться про себя, потому что решения эти казались ей с самого начала более чем очевидными.

«Шерри, в последнее время ты делаешь стремительные успехи! Умничка!» — хвалил дочку мистер Джонс, когда она успешно справлялась с очередным его заданием. Например, поводом для семейного праздника стал первый собранный Шерри без посторонней помощи фотоаппарат. И мистер, и миссис Джонс были слишком рассеянными, чтобы хоть раз заметить ее Объективчика.

Однажды она забылась и зашла в ту часть лаборатории, где ей пока еще официально было запрещено находиться одной.¹²

— Шерри! Ты что тут делаешь?! — ошарашено выкрикнул мистер Джонс, заметив дочь, преспокойно усевшуюся на синтропазаторе модели 7465035 и с интересом наблюдавшую за реакцией, происходившей в окошке.

Шерри ойкнула, но этим, конечно, дело не кончилось. Вечером ей предстоял серьезный разговор.

Мистер и миссис Джонс были страшно недовольны непослушанием дочери.

— Шерри! Тебе уже десять лет и ты что, до сих пор не понимаешь, как там опасно? — серьезно спросил мистер Джонс. Он не кричал, но Шерри чувствовала, что он очень расстроен, и боялась поднять взгляд. — Разве стали бы мы запрещать тебе заходить туда, если б на то не было достаточных оснований? — мистер Джонс помолчал и продолжил. — Вы же уже проходили синтропазаторы в школе? Какова мощность базовой модели?

— 3000 штрейнов, — с трудом выдавила Шерри. — Но па...

— Правильно! 3000 штрейнов — и это всего лишь базовая модель! Вдумайся! Чтобы работать с лабораторным синтропазатором, мало разобраться в работе базовой модели, как вас научили в школе... запомни, Шерри, лабораторный — это совсем иное

---

¹² Впрочем, раньше Шерри уже сидела тут днями и ночами — как только родители улетали на Землю — потому что это была самая интересная и необходимая часть лаборатории...

устройство, разительно отличающееся базового, — тут мистер Дчжонс принялся перечислять множество технических терминов. — Скажи мне, — обратился он к Шерри, — ты слышала раньше хоть один из них?

Шерри неуверенно кивнула. Весь этот разговор действовал на нее угнетающе.

Мистер Дчжонс тяжело вздохнул:

— Вот именно, как можно подходить к синтропазатору одной, если не имеешь ни малейшего понятия об его устройстве?

Шерри слабо дернула косичку:

— Но я же... пап, я...

— Отец прав, — подала голос миссис Дчжонс. — Впрочем, дорогой, ты забыл о фазовом генераторе.

— Разве? Мне показалось, о нем я тоже сказал, — мистер Дчжонс рассеянно почесал затылок. — Ты уверена?

— Вполне.

— И я тоже вполне...

— Папа упомянул о поле Ктчжа, а ведь оно невозможно без фазового генератора, — поспешила разрешить их сомнения Шерри.

— Ну вот видишь, я все-таки не забыл... и потом, о чем мы говорим, если Шерри пока... подожди-ка... Шерри! Я не ослышался? Повтори-ка, что ты сказала!

Через час вся семья Дчжонсов склонилась над чертежом, составленным Шерри, и теперь мистер и миссис Дчжонс обсуждали его потенциал.

— Нет, это невозможно! — горячо выкрикивал мистер Дчжонс и сыпал терминами направо и налево. — Так точно не сработает! Если только усовершенствовать его вот тут...

— Дорогой, но посмотри, — не уступала ему в горячности миссис Дчжонс. — Если создать поле вот тут, как указано в чертеже, то... — тут она начинала сыпать терминами пострашнее мистера Дчжонса.

Шерри молча слушала, догадываясь, чем все закончится.

Еще через два часа они пришли к первоначальной версии ее чертежа.

— Это невероятно! — не уставал повторять мистер Дчжонс. — Где ты его все-таки достала?

— Я сама... или ты спрашиваешь, где я достала бумагу, па?

— Бумагу?! Неважно!.. Неужели правда?! Ты сама?!.. Когда ты успела все это узнать? И где? Неужели даже такое входит теперь в школьную программу для складских менеджеров?!

Лицо Шерри осунулось.

— Ну-ну-ну! — выкрикнул мистер Дчжонс, поняв, как оплошал. — Я не хотел тебя обидеть! Ты сама знаешь! Прости, золотце!

— Я никогда не буду складским менеджером, — твердо сказала Шерри. — Никогда. Это совершенно не мое.

— Кто бы сомневался! — мистер Дчжонс чмокнул ее в щечку. — С такими-то данными, как у тебя! В десять лет самостоятельно...

— Нет, я по книгам, — бойко вставила Шерри, — которые в библиотеке. Их там много, я часто брала...

— ...самостоятельно по книгам разобраться в том, что такое поле Ктчжа... — продолжил мистер Дчжонс. — Да если так и дальше пойдет, когда-нибудь (и, чую,

довольно даже скоро!) я с гордостью буду говорить всем вокруг, что я отец одной из лучших изобретательниц во всей нашей Межгалактической Ассоциации!

— Па-а-а! — протянула Шерри с улыбкой и закрыла глаза от удовольствия — ей очень хотелось в Межгалактическую Ассоциацию Исследователей и Изобретателей. Хотя в то же время все эти похвалы казались ей незаслуженными. Что сложного в поле Ктчжа? Шерри искренне не понимала. Ей всегда казалось, с этим справится и пятилетний карапуз.

— Я до сих пор вспоминаю, как папа объяснял мне, что такое поле Ктчжа в течение полутора лет! — заметила миссис Дчжонс. — Я же рассказывала тебе о дедушке? Он был изобретателем, талантливым! Ты, должно быть, вся в него!

— И в вас тоже! Вы же тоже изобретатели!

— В 10 лет я даже не думала об изобретательстве, — рассмеялась миссис Дчжонс. — А ты, милый?

— Конечно нет! Я тогда думал только о своем банковском деле... Смотри только, принцесса, не возгордись! Чтобы попасть в Ассоциацию Изобретателей, надо будет еще много работать! Но ты не забывай, что членство — не главное...

— Па, ну что ты! Да я не могу не изобретать!

— Золотые слова, — улыбнулся мистер Дчжонс. — Пусть так всегда и будет! А теперь, — он взглянул на часы, — заболтались мы сегодня... отправляйся-ка в кроватку, малышка! Сладких тебе снов!

— И вам тоже! Пусть вам приснится ваша первая земная экспедиция!

«Как же все-таки это все странно... — думала Шерри, лежа в кровати, — мама с папой никогда раньше не замечали... я столько раз им говорила — а они не слышали почему-то... а сегодня вдруг поняли! Наверно, это все потому, что мы редко раньше разговаривали, не так, как теперь. Они много времени дома... Да и без наших заседаний Клуба... — мысли ее вдруг обратились к Элрою. — А ведь ему сейчас, наверно, так же хорошо, как и мне! Ведь все-таки, как бы там ни было с этой его бесконечной работой, всегда здорово, когда родители говорят, что гордятся тобой! Наверно, он теперь каждый день это слышит от мамы и от папы... Надо же! Кажется, я никогда раньше до конца не понимала, как же это приятно! И как это вдвойне должно быть приятно ему — ведь меня мои мама с папой иногда просто так хвалили, а его — я никогда раньше не слышала... Может, поэтому ему так нравится в Администрации?»

— Знаешь, Элрой, — тихо сказала Шерри в темноту, — я рада, что твои родители гордятся тобой! Надеюсь, каждый раз, когда они тебя хвалят, тебе так же радостно, как мне сейчас! Спокойной ночи!

С этих пор Шерри еще активнее ушла в изобретательство — родители разрешили ей проводить эксперименты в любое время в любом секторе лаборатории, какой мог ей потребоваться, и не было больше необходимости скрываться. Теперь Шерри уже сама не смогла бы точно сказать, почему же раньше не рассказывала им о собственных экспериментах. Сейчас это казалось таким естественным.

— Мам, знаешь что? — спросила она однажды. — Я тут подумала... а почему вы никогда не разговаривали с земными людьми? Вот я бы первым делом, если б оказалась на Земле, вступила с ними в коммуникацию¹³... А вам с папой что, не хотелось совсем?

---

¹³ Она любила вставлять в свою речь немного научных терминов.

— Хотелось, конечно. Но это гораздо сложнее, чем кажется. Во-первых, сначала необходимо было лучше изучить их образ жизни и привычки, историю, географию и еще много всего, чтобы при разговоре не попасть впросак... а, во-вторых, мы пока еще не владеем английским или каким-нибудь другим их языком на должном уровне.

— Но мы же его учим...

— Но до разговорного пока далеко...

— Но вы же смогли понять, что они говорят? Вы же составили каким-то образом словари... А как?

— Ты что же, никогда раньше не видела папины переводчики?

— Папины переводчики?

— Я хочу сказать, переводные устройства, изобретенные для нас твоим дедушкой. Если уметь ими пользоваться — им цены нет! Без них мы бы никогда не смогли понять слова земных людей, записать их значения, мы бы вообще не смогли приступить к изучению английского.

Миссис Дчжонс кратко описала работу устройств.

— Ну вот! Нам с Элроем всегда приходилось читать и переводить комиксы собственными силами... ну, по вашим словарям... А вы просто включали эти переводчики, и они вам все переводили, — негодуяюще вздохнула Шерри. — И вы мне даже не рассказывали...

— Ими можно пользоваться только после предварительных тренировок, — покачала головой миссис Дчжонс. — Весьма упорных и продолжительных тренировок, Шерри. И только взрослым. Понимаешь, они забирают очень много сил. Это не так легко, как кажется на первый взгляд.

Шерри надула губы. Какое-то время она обдумывала полученные сведения.

— Значит, они могли переводить для вас только с земного на тыньджианский, так? А обратно, с тыньджианского на земные языки — нет. Поэтому вы не могли поддержать беседу и не разговаривали с ними совсем. Я правильно поняла?

— Да, все так.

— Ну так это очень неудобно! Надо их усовершенствовать.

— Что именно?

— Да все! Во-первых, чтобы ими можно было пользоваться без всяких предварительных тренировок и даже детям! Во-вторых, они не должны забирать силы! Ну и наконец, они должны переводить не только с земного, но и обратно! Чтобы я говорила на тыньджианском, а все земные люди все равно понимали и даже не замечали, что я говорю на родном языке! Вот так они должны работать!

— Легко сказать, — нахмурилась миссис Дчжонс. — но вот сделать...

— Я сделаю! Они нам совершенно необходимы, это же очевидно! Значит, надо будет сделать!

— Ну, это вряд ли выполнимая задача.

— Почему? Если подумать основательно...

— Шерри! Ты что же, не понимаешь? Этот прибор, который ты хочешь изобрести, он должен воздействовать не только на тебя, но и на всех тех, с кем ты говоришь...

— Ну и что?

— Это же практически невозможно... и никто еще...

— Сначала я попробую, а потом уже скажу! Никто с таким еще не сталкивался? Ну и что? Значит, я буду первая. Чем сложнее — тем увлекательнее! Это как головоломка!

— Твой дедушка уже пытался... это изобретение, которое он до конца так и не довел, в итоге совершенно вымотало его, и я боюсь, как бы ты тоже...

— Ну что ты, мам! Я тут прочитала, как земные говорят: игра стоит свеч! Зачем игре свечи я, правда, не поняла, но вот когда-нибудь у земных и спрошу... Чем быстрее я его изобрету, тем больше вероятности, что в Администрации вам выделят деньги на новую экспедицию! Ведь отдачи от нее будет уже гораздо больше! И ко всему прочему мне самой просто очень хочется, чтобы вы наконец поговорили с земными, а потом, когда вернетесь, рассказали мне, каково это.

— И тебя уже не переубедить? — улыбаясь спросила миссис Дчжонс.

— Нет! — Шерри тоже улыбнулась. — И я вот еще что подумала! С таким изобретением меня наверняка примут в Межгалактическую Ассоциацию Исследователей и Изобретателей!

— А мне кажется, они скорее обрадуются какому-нибудь усовершенствованному скоросшивателю.

— Нееееет, мам, скоросшиватель — это скука смертная... Я уже решила, и ты же знаешь...

— Да, знаю, — кивнула миссис Дчжонс. — Если ты решила, так тебя никто не переубедит... Вся в отца. Только я тебя умоляю, не увлекайся чрезмерно!

— В пределах нормы! — хитро улыбнулась Шерри.

— Знаю я твою норму... — покачала головой миссис Дчжонс.¹⁴ — Надеюсь, ты будешь посвящать в свои планы нас с отцом? Ты же знаешь, мы всегда рады помочь!

— Конечно, мам! И для начала мне нужно ознакомиться подробнее с...

— Знаю-знаю! — миссис Дчжонс уже встала. — Сейчас принесу!

Скоро Шерри с увлечением разглядывала модель переводчика, сконструированную еще ее дедушкой.

***

Учительница уже не называла имя Элроя во время переклички, а проект по изобретению переводчика занимал Шерри все сильнее. И, тем не менее, она продолжала часто вспоминать своего друга и иногда даже, возвращаясь домой, делала лишний крюк, чтобы пройти по улице, на которой он жил. Она не решалась опять беспокоить миссис Макинтош расспросами, надеясь, что все в их семье благополучно.

Про себя она решила следующее:

«Проходить по улице — самый ненавязчивый вариант. Элрой наверняка об этом узнаёт и видит, что я его не забываю. И ему, должно быть, приятно. Вот если б я опять написала ему письмо, у него, скорее всего, снова не нашлось бы времени ответить, и он наверняка расстроился бы. Поэтому я просто пройду мимо его дома по улице...»

По возвращении домой она совсем скоро обедала и убегала в лабораторию, где рассказывала родителям о новых идеях для переводчика.

---

¹⁴ По правде сказать, миссис Дчжонс имела о ней лишь отдаленное представление.

Этот проект действительно оказался гораздо сложнее, чем ей показалось на первый взгляд, и каждая новая трудность, которую она вдруг осознала, только сильнее разжигала ее упорство. На данный момент в этом переводчике сосредоточились все ее устремления и надежды.

Тем не менее, Шерри замечала, что время продолжает идти. В середине октября она уже всю считала дни до Дня Заключения Договоров.

Это был один из крупнейших тыньжианских праздников и, надо заметить, один из самых любимых, за которым давно уже закрепилось неофициальное название — День Дружбы. Праздновали его в конце ноября.

На самом деле их было даже два — два официальных выходных в честь праздника, которые тыньжиане традиционно посвящали дружеским визитам, а также общению с родственниками и в кругу семьи.

— Шерри, ты собираешься кого-нибудь приглашать на День Дружбы? — спросила миссис Дчжонс за ужином в один из вечеров, когда до праздника оставалось немногим более двух недель.

— Само собой, мам! Уже пригласила! Ведь за два совсем нерабочих дня он, конечно, найдет время, правда?

— Надеюсь... — неуверенно отозвалась миссис Дчжонс. — Ты же об Элрое? — осторожно добавила она, немного помолчав.

— Конечно!

— Ты отправила ему письмо? — спросил мистер Дчжонс.

Шерри кивнула.

— Так я и знал, что не по видеофону, — разочарованно вздохнул отец. — Ну почему ты его так не любишь?

— Пап! Я не люблю его! — принялась объяснять Шерри. — И в этот раз я о нем первым делом вспомнила... перед тем как написать письмо, я пробовала звонить, но Элрой не отвечал... Вот он его, наверно, не любит. Он никогда не берет... Но только па, когда он к нам придет, пожалуйста, не упрекай его, ладно? В праздник лучше не надо...

— А ты не думала пригласить кого-нибудь еще? — украдкой предложила миссис Дчжонс.

Шерри пожала плечами.

— Золотце, у вас что, ни одного изобретателя в классе? — удивился мистер Дчжонс.

— Нет, почему, целых три... а что?

— Ну как что? Тебе разве не интересно поговорить с ними? Пусть они покажут тебе свои изобретения...

— У них пока нет, — перебила Шерри. — Они не хотят изобретать бесплатно, ждут, когда войдут в Ассоциацию, а это еще через несколько лет...

Мистер Дчжонс нахмурился.

— Ну, расскажи им о своем, им наверняка будет интересно послушать! — предложила миссис Дчжонс.

— О переводчике?.. Не, мам... я уже пыталась... — Шерри замолчала и стала усиленно мять вилок картошку.

— Что? — мистер Дчжонс тоже перестал есть и с удивлением взглянул на дочь. — В чем дело, сахарок?

— Им не понравился мой проект... по-моему, они даже не считают меня настоящей изобретательницей... — Шерри опять замолчала и только продолжала безучастно мять картошку, но через пару секунд приободрилась. — Хотя, может, и считают... Наверно, все-таки считают... Они мне даже совет дали, что изобрести! Но только у нас разные интересы, — теперь она принялась мять горошек.

— Так что они все-таки посоветовали изобрести? — с интересом спросил мистер Дчжонс. — Какой-нибудь летающий карандаш?

— Нет, пап, про карандаш они ничего не сказали... и потом, такой уже, кажется, есть... а они говорили все про какую-то штуку, которая — сейчас процитирую — «избавила бы меня от уродливой зеленошности моих глаз и вернула бы им нормальный цвет», — Шерри оторвала свои большие зеленые глаза от горошка и впиалась ими в отца.

— Ээээ... нууу... — мистер Дчжонс даже растерялся. — Ты им что-нибудь ответила?

— Конечно! Я им сказала, что не вижу смысла в изобретении такой штуки. Ну, объяснила, что на Земле очень много красивых зеленоглазых людей и что я наоборот горжусь, что похожа на них.

— Умница! — похвалил мистер Дчжонс. — На Земле и впрямь много зеленоглазых, но у тебя редкий оттенок, который земные особенно ценят.

— Спасибо, па! И знаешь, что после этого было? Что они мне сказали, после того, как я объяснила?

— Что?

— Они спросили: «А Земля — это что?»... наверно, у них все-таки не очень хорошая память, я же в тот же самый день им говорила, когда рассказывала о переводчике... и до этого еще... и не раз... мне кажется, если они все так быстро забывают, им бы не помешали специальные упражнения для тренировки памяти, внимания... — Шерри глубокомысленно замолчала. — Почему так? Вот у них память плохая, а у Элроя, наоборот, — очень хорошая... Когда он придет, я у него обязательно спрошу, тренирует ли он ее как-нибудь. И потом расскажу ребятам в школе, как надо... а то неинтересно рассказывать им о Земле одно и то же снова и снова... надо это куда-нибудь записать, а то вдруг сама забуду. Так много всего хочу у него спросить!

Чем меньше дней оставалось до Дня Дружбы, тем сильнее возрастало волнение Шерри. Она часто вспоминала о предстоящей встрече в течение дня и долго ворочалась перед сном, думая о том, что совсем скоро наконец увидит своего лучшего друга, припоминая все детали прошлых Дней Дружбы, которые они так чудесно отмечали... а когда совсем не спалось — подолгу гипнотизировала оставшиеся еще незачеркнутыми дни в своем календаре, которых становилось все меньше.

Наконец таких осталось всего три.

Шерри вернулась из школы в хорошем настроении. За обедом она весело рассказывала родителям о недавно прочитанном комиксе, но, как ей показалось, они слушали довольно рассеянно. Впрочем, Шерри была в слишком приподнятом настроении, чтобы серьезно задуматься о причинах их невнимательности. После обеда она, как и обычно, убежала в лабораторию.

Спустя какое-то время ее окликнул мистер Дчжонс.

— Шерри, детка, мы с мамой хотим серьезно с тобой поговорить, — сказал он. — Пойдем в гостиную.

Шерри послушно оторвалась от работы, хотя она была в самом разгаре.

— Ладно, пап, иду.

В гостиной ее ждала миссис Дчжонс с письмом в руках.

— Крошка, нам пришло письмо из Администрации...

— От Элроя? — радостно перебила Шерри.

— Нет. Официальное письмо.

— Сегодня я там был с утра, — пояснил мистер Дчжонс, — и мне передали...

— Элрой?

— Нет, не Элрой. В Администрации много других людей, кроме Элроя, — немного раздраженно заметил мистер Дчжонс. — Оно должно было прийти нам по почте завтра, но я получил прямо там сегодня, хотя разница невелика...

— Так что там? — нетерпеливо спросила Шерри.

— Дочка, они готовы обменять нашу нынешнюю лабораторию на одну из лучших в Тчельпьюрьи!

— То есть как? Почему?

— Не знаю, Шерри, не знаю! Мы с мамой до сих пор поверить не можем! Но это так! Тут написано яснее ясного!.. Ты только взгляни! Чего там только нет!

Шерри с любопытством принялась читать описание лаборатории. Временами она не могла удержаться, чтобы не ахнуть — какое там было оборудование!

— Ну ничего себе! Вы посмотрите, там даже фазовый генератор модели Джи-18 есть! А вот тут — ого! — целых три камеры Дчжейлинса! Фантастика! А вот еще, па, ты видел, твое любимое — видеофонная трубка нового поколения! — Шерри оторвала взгляд от страницы и подвела итог всему прочитанному. — Да это же просто чудесно! Ма, па, лучше и быть не может!

Мистер и миссис Дчжонс улыбались.

— Мы с мамой тоже так считаем.

— А где она находится? Туда далеко ехать? Я б хотела бывать в ней каждый день!

Родители перестали улыбаться, и на их лица опять вернулось то странное выражение, которое она успела отметить еще за обедом.

— Что? Она где-то далеко?

— Малыш, там внизу написан адрес, — вздохнул мистер Дчжонс. — Это в районе Тчельпьюрьи-23.

Несколько секунд Шерри еще соображала, что к чему, затем ее восторженное личико немножко помрачнело.

— Ой, далеко... — она вздохнула. — Но пару раз в неделю точно можно... а уж когда подрасту — так иногда можно и телепортатором...

— Шерри, ты, кажется, не совсем поняла... нам не придется туда ездить, там же будет и квартира...

— То есть? — недоуменно подняла бровку Шерри.

— Они предлагают нам переехать туда жить, — пояснил мистер Дчжонс.

— Переехать? — ошарашено переспросила Шерри. — Как это переехать?!.. Мы же тут! Тут наш дом! — воспротивилась она вдруг и, чтобы придать весу своим словам, добавила. — Фамильный!

— Да, детка, но Тчельпьюрья-23 от нас очень далеко, туда не наездишься... и потом, эта их сделка, она не предполагает варианта с сохранением нынешнего жилья...

— То есть если я останусь тут, мне запретят пользоваться той лабораторией?

— Вероятнее всего, малыш... Нам необходимо принять решение до Дня Дружбы. Если мы откажемся, лаборатория уйдет другим изобретателям...

— Ну и пусть! — раздраженно выдохнула Шерри. — Я никуда не уеду! Вы же даже не рассматриваете такой вариант, правда?

Мистер и миссис Дчжонс переглянулись:

— Шерри, вообще-то... мы с мамой уже обсуждали... такой шанс...

Шерри открыла рот от удивления и не знала, что сказать.

— Пожалуйста, подумай хорошенько, крошка! — вздохнула миссис Дчжонс. — Мы боялись, что ты именно так это и воспримешь... Но ни в одном деле не стоит сразу так категорично заявлять... Для начала просто подумай, успокойся, взвесь основательно все за и против... там же очень качественное оборудование! Подумай, оно бы очень пригодилось для создания переводчика...

— Подумаешь! Я справлюсь и с нашим!.. просто больше времени потребуется — но мы же не спешим? Так что нет, тут и взвешивать нечего!

— Но Шерри... — вступил мистер Дчжонс.

— Что Шерри?! — Шерри так разозлилась, что даже топнула ножкой по полу. — Вы что, думаете я променяю Элроя на какую-то крутую, напичканную техникой лабораторию?! Да никогда!

— Шерри...

— Тут дом моих предков, тут живет мой друг, тут школьный сад... никуда я не уеду!

— Малышка, послушай! — мистер Дчжонс усадил Шерри на диван рядом с собой. — Прошу тебя, успокойся!.. Я не хотел тебе говорить, но, похоже, придется... У нас складывается тяжелая денежная ситуация ввиду отсутствия финансирования извне... наших собственных средств остается все меньше... я уже начал бояться, как бы не пришлось запретить тебе проводить эксперименты в нашей нынешней лаборатории... понимаешь, я столько дней ездил в Администрацию, надеясь получить от них финансирование на наши разработки, но они никак не реагировали, так что я уже совсем отчаялся... ничего не получалось, и мы с мамой собирались сразу же после Дня Дружбы снова начать работать по нашим прямым специальностям...

— Вы бы перестали проводить эксперименты? — изумилась Шерри. — Ты бы снова пошел в банк?

Мистер Дчжонс кивнул.

— Но теперь меня принимают лишь на самую низкооплачиваемую должность, ты же понимаешь... вряд ли бы такая зарплата действительно помогла... и вдруг такой подарок судьбы! Большая квартира с шикарной лабораторией, все расходы по деятельности которой в ближайшие два года берет на себя государство! Да ты сама уже убедилась, насколько она хороша!.. Солнышко, мы любим этот дом не меньше тебя, я сам провел тут все детство, но иногда приходится что-то менять... тем более, мы знаем уже наверняка, что нас ожидает дом, ничуть не хуже прежнего, а лаборатория — ты сама видела... Это официальное предложение от Администрации, и, вне всякого сомнения, ему можно доверять...

— Но па, я не могу уехать, — умоляюще прошептала Шерри. — Ладно дом, но ведь тут Элрой...

— Шерри! Мы же едем не на край света! Это один город, все та же Тчельпьюрья! Если ты соскучишься...

— Но мы не сможем видетсья так, как раньше...

— Малышка, послушай, — мистер Дчжонс глубоко вздохнул, как будто собираясь с силами. — Вы давно уже не видитесь с ним так, как раньше... даже если мы останемся тут, это ничего не изменит...

— Неправда! — Шерри опять начала раздражаться и краснеть. — Неправда! Мы с ним друзья! Он давно не приходил в гости — да! — но это еще ничего не значит! Мы все равно друзья! Когда он придет на День Дружбы, ты увидишь! Да он сам тебе все скажет! Я знаю, весь этот сезон глупых их административных переговоров кончается почти сразу после Дня Дружбы! И он опять вернется в школу! Он вернется — и мы снова будем устраивать заседания Клуба, и смотреть марафон рекламы, и ходить в походы! Как раньше! Немножко еще осталось подождать! Всего чуть-чуть! И он вернется! Я так долго ждала — вы понимаете?! — и когда почти уже дождалась, вы вдруг говорите мне уезжать! Так нельзя!

Родители слушали с виноватым видом и даже не пытались ее перебить.

— А в Администрации они конечно снова начнут нас финансировать! Даже если мы не согласимся на эту глупую сделку! Я постараюсь собрать переводчик как можно скорее, мы его запатентуем — и с ним нам точно выделят деньги! И не придется никуда уезжать! Вы что, не верите, что я его соберу?!

— Верим, — твердо сказал мистер Дчжонс. Миссис Дчжонс кивнула.

— Значит, мы остаемся? — с надеждой спросила Шерри.

Мистер Дчжонс в очередной раз вздохнул.

— Шерри, скажи пожалуйста, Элрой тебе уже ответил? Он точно придет на День Дружбы?

— Он придет... — не очень уверенно выдавила Шерри, — придет... но не ответил пока...

Мистер Дчжонс открыл было рот, но Шерри его опередила, поняв все по выражению его лица:

— Ты не веришь, папа! Нет, ты не веришь! И ты мама! Вы ничего не поняли! И не хотите понимать! Так вот, я вам докажу! Я прямо сейчас пойду к Элрою и поговорю с ним! И... и вот увидите!

Шерри, вся красная, негодующе развернулась и, не слушая родителей, выбежала из дома.

***

«Продается» — так было написано на табличке, появившейся у них во дворе. Шерри перечитала несколько раз, не веря собственным глазам. Когда она успела появиться?!

— Добрый вечер, миссис Макинтош! Неужели это правда?! — Шерри стремительно приближалась к матери Элроя, усердно сервировавшей стол на веранде и потому не заметившей ее сразу.

Миссис Макинтош вздрогнула.

— Здравствуй, ты о чем? — холодно спросила она, продолжая как ни в чем не бывало складывать, раскладывать и снова складывать салфетку. Ей хотелось сложить ее идеально. Она даже не взглянула на Шерри.

— Об объявлении!

Миссис Макинтош, не говоря ни слова, невозмутимо взялась за следующую салфетку.

— Вы продаете дом?! Вы уезжаете?! И Элрой?!

— Ну а как ты думаешь... — безразлично проговорила миссис Макинтош.

— Вы уезжаете... — снова повторила Шерри, и было непонятно, обращалась ли она к миссис Макинтош или сказала скорее для себя.

Миссис Макинтош начинала потихоньку раздражаться.

— Да, уезжаем! Иначе ты бы не увидела это объявление во дворе!.. Зря Ллойд его вывесил, Элрой должно быть не просто так просил, и весьма упорно, подождать до завтра... он как будто знал... — миссис Макинтош не договорила и с негодованием посмотрела на красную лохматую девчонку, которая, похоже, ее сейчас совсем не слушала. Появилась тут без приглашения и, судя по всему, уходит даже не думая, хотя ей все уже сказали. Чего она еще ждет?

Миссис Макинтош хотелось как можно скорее от нее отделаться. Эта юная Дчжонс существенно мешала ей сосредоточиться на сервировке.

Для начала следовало вывести ее из оцепенения.

— Шерри! — миссис Макинтош обратилась к ней по имени, хотя оно и было ей неприятно, и расчет оказался верным — девочка вздрогнула и взгляд ее стал осмысленнее.

— Почему? Почему вы уезжаете? — жалобно спросила она.

Миссис Макинтош проигнорировала вопрос.

— Далеко?

— Какая разница?

— Но вы же оставите мне новый адрес, правда? — с надеждой спросила Шерри.

— Вряд ли. Быть может, он его еще и поменяет, — миссис Макинтош взглянула на Шерри и добавила, — в скором времени поменяет... Все достаточно неопределенно пока еще...

— Кто — он?

— Элрой. Неважно.

— Так значит, вы не можете сейчас назвать точный адрес... ну, нового места? — с нескрываемым разочарованием спросила Шерри.

— Можно и так сказать, — согласилась миссис Макинтош.

— Значит, вы будете еще какое-то время тут? — у Шерри появилась новая надежда. Миссис Макинтош поспешила поскорее разбить и ее.

— Еще чего! Завтра днем нас тут уже не будет.

«И я тебя больше никогда не увижу», — удовлетворенно подумала она. Миссис Макинтош любила вежливых, разумных и послушных детей, которые покорно принимали все, что говорили взрослые, и никогда не докучали им лишними вопросами. Шерри представляла из себя полную противоположность ее светлым идеалам, а потому миссис Макинтош даже немножко коробило от общения с ней. Почему она вообще должна с ней общаться? Кто она ей, кто она их семье?

И все же миссис Макинтош гордилась своей выдержкой и не позволяла себе даже мысли о том, чтобы просто прогнать Шерри со двора — и дело с концом. Нет-нет, она была слишком хорошо воспитана, поэтому ей оставалось лишь мученически продолжать беседу.

— Разумеется, мы все уезжаем завтра. Разве не очевидно, что я сейчас готовлю стол к традиционному прощальному ужину? Или тебе в семье никогда не рассказывали о чем-нибудь, кроме... а впрочем, это неважно... у меня уже мало времени, Шерри, поэтому я была бы тебе очень признательна, если бы только...

— И Элрой скоро придет? — бесцеремонно перебила Шерри.

— Да, — раздраженно ответила миссис Макинтош.

— Тогда позвольте мне, пожалуйста, дождаться его прихода!

— Это... — миссис Макинтош неуверенно помедлила. — Это может оказаться еще долго... Я, конечно, ожидаю, что он скоро приедет, но все может быть... ты устанешь ждать.

— Что вы, миссис Макинтош! Наоборот, я могу вам помочь с...

— Благодарю! Но я прекрасно справлюсь сама... а ты лучше отправляйся к родителям, им, наверно, твоя помощь нужнее...

— Позвольте мне остаться! Пожалуйста!

— Это семейный ужин.

— Ну что вы! Я не прошу остаться на ужин, мне только немножко поговорить с Элроем перед тем, как вы сядете...

— Он приедет с мистером Бдэчжем, так что сегодня уже никак нельзя... но я ему передам, что ты приходила, не переживай.

— Но Элрой... Элрой уезжает! Я не могу не попрощаться... мы же... друзья...

— Не переживай так, — повторила миссис Макинтош. — Я ему передам, что ты приходила. Он не обидится...

Она проводила Шерри до калитки.

— Это все мистер Бдэчж предложил, да? — спросила вдруг Шерри озлобленно.

— Ты о чем? — искренне удивилась миссис Макинтош.

— Это он сказал вам уезжать? Наверняка, это все он!

Миссис Макинтош поджала губы от досады.

— Какие глупости! При чем тут мистер Бдэчж? Мистер Бдэчж всего лишь поддержал его, а решил все Элрой. Это была его идея, даже не наша с Ллойдом.

Шерри смотрела на миссис Макинтош с открытым ртом, но та, как с ней случалось, стоило разговору зайти о ее способном сыне, уже не замечала ничего вокруг, всеми помыслами уносясь в восторженный монолог:

— И этим своим решением он в очередной раз доказал всем, насколько же он взрослый и разумный. Не по годам. Мальчик мой не боится продемонстрировать самостоятельность и принимать ответственные решения. И — чем я ужасно горжусь — не боится идти на оправданный риск. Хотя что в данном случае означает риск? Мы с Ллойдом всего-то должны поработать какое-то время в Шеттильдчже — умница сам нашел для нас жилье и работу! Да какую приятную! — и оплатить ему часть ипотеки для его квартиры рядом с Администрацией. Конечно, бедняжка очень уставал после дороги, столько времени тратилось на нее напрасно... само собой, та квартира, что он пока себе присмотрел, тоже не в двух шагах от Администрации, но все же много

ближе, чем этот дом... а главное, он уверен, что это — только начало. И все у него еще будет. Я тоже так считаю. Такой талант, такие способности — да он горы свернет!

Миссис Макинтош улыбнулась собственным мыслям и попрощалась с Шерри даже теплее, чем обычно. Мысли о сыне пробуждали в ней небывалую нежность, отголоски которой распространялись и на окружающих.

Шерри осталась стоять у калитки в совершенном оцепенении.

Она чувствовала, как к горлу подступил комок.

— Эх ты! — с чувством выдохнула она. Голос дрожал. — Даже не сказал!.. Ничего не сказал...

Дома через дорогу казались все размытыми пятнами из-за подступивших слез. Захотелось вдруг прямо тут упасть на траву и зареветь, что есть силы.

Вместо этого Шерри запрокинула голову вверх на несколько секунд, а потом решительно вытерла кулачками все-таки выбежавшие на щеки слезы. Она глубоко вздохнула пару раз, пытаясь хоть немножечко успокоиться и подавить рыдания, упорно подступавшие снова и снова.

— Почему, Элрой, почему?! — скоро зашептала она. — Почему ты решил уехать, не попрощавшись... совсем ничего не сказал... почему так скоро?.. И День Дружбы... а ты уезжаешь... неужели я тебя больше не увижу, неужели мы больше не поговорим?.. ты что, ПРАВДА не хочешь разговаривать со мной? Но почему?!.. Неужели ты все еще обижаешься?.. Нет! Не может быть! Я знаю, ты не такой!.. но тогда почему ты не сказал мне?! Ты не мог просто забыть, не мог! Неправда!

Она протерла глаза еще раз и оглянулась. Через калитку было видно, как миссис Макинтош продолжает как ни в чем не бывало хлопотать на веранде. Она повернула голову посмотреть, ушла ли Шерри, нахмурилась, но, заметив, что та на нее смотрит, поспешила невозмутимо отвернуться и продолжить свое занятие.

— Не знаю, почему ты не хочешь со мной разговаривать, но если ты надеялся, что я сейчас обижусь, убегу домой и постараюсь скорее тебя забыть, то ты ошибся! — с вызовом прошептала Шерри. — Ты мой друг, Элрой, а друзей так просто не забывают! И я ничуть, ну ни капельки не обиделась!.. Хочешь ты или нет, но я не уйду, не попрощавшись!

К ней вернулась былая решимость.

Она наклонилась к земле — так, чтобы миссис Макинтош ее больше не видела — и стала ждать, приподнимаясь иногда на несколько секунд, чтобы проверить, не ушла ли миссис Макинтош. Возможность представилась довольно скоро — миссис Макинтош отправилась за чем-то в дом — и Шерри не стала терять времени.

Она быстро пересекла лужайку, резво, как умела она одна, забралась на дерево и так там и затаилась, ожидая появления Элроя.

С дерева улица совсем не просматривалась вдаль, поэтому Шерри, чтобы унять волнение и скоротать время, стала наблюдать за размеренными приготовлениями миссис Макинтош, опять вышедшей на веранду. Сверху ей было прекрасно видно, как она тщательно (если не сказать дотошно) готовилась к предстоящему вечеру: выносила все новые чашки и тарелочки, расставляла их и так, и эдак, качала головой, пыталась уместить между всеми приборами и блюдами еще несколько декоративных вазочек и пр. и пр. и пр. Временами ее внимание переключалось на стулья и подушечки, которые она к ним то привязывала, то отвязывала, еще несколько раз она

поправила картины, висевшие на стене. За все время она ни разу и не подумала взглянуть на дерево.

«Если бы такое дерево росло у меня во дворе, — как-то раз, давно еще, сказала Шерри Элрою, — я бы каждый день любовалась на него с веранды или из окна, по полчаса как минимум. После чего отправлялась бы полазить по нему. Жаль, что когда ты внутри — ты не видишь его снаружи... Честное слово, Элрой, оно мировое!»

Большой раскидистый дуб был самым приметным (и чуть ли не единственным) деревом на улице, где жил Элрой.

«Как же нам повезло, что оно растет именно у тебя!» — не раз повторяла Шерри, и Элрой всегда соглашался.

В густой его кроне ничего не стоило спрятаться, и Шерри за время дружбы с Элроем успела экспериментально установить, что ни один человек, находящийся внизу, на земле, не сможет ее заметить, если только не подумает вглядываться слишком пристально. Но даже если и подумает — то вряд ли он опознает в том нечетком силуэте Шерри. Скорее уж решит, что там какая-нибудь большая птица или несколько маленьких.

Еще одним достоинством дерева было то, что мощные ветви его доходили до дома, до самых окон второго этажа (и до комнаты Элроя в том числе), так что по ним, при должном уровне сноровки, который Шерри уже имела, можно было легко перебраться в дом. Это она тоже успела несколько раз проверить на практике. Элрой никогда не пробовал заходить или выходить из собственной комнаты подобным, весьма экзотическим образом, предпочитая ему обычную лестницу внутри дома и не менее обычную дверь. Так было спокойнее и безопаснее. Впрочем, в Шеррином случае последний пункт оставался спорным — особенно в тот раз, когда она покидала комнату Элроя в 11-м часу вечера (они тогда слишком долго готовили ловушку для эльфа). Попадаться на глаза родителям Элроя в такое время было совсем нежелательно.

Шерри вспомнила этот и еще несколько похожих случаев, когда дерево ее выручало, и в очередной раз, как и в те, с благодарностью погладила его шершавую кору. Она попыталась вспомнить, когда последний раз забиралась на него, и не смогла.

В целом, сидение на дереве и добрые воспоминания подействовали на Шерри умиротворяюще.

«Прямо сейчас я сижу на дереве во дворе Элроя и скоро его увижу», — напоминала она себе снова и снова и отказывалась поверить, что скоро все изменится. Это дерево перестанет называться «Деревом Во Дворе Элроя», этот двор перестанет называться «Двором Элроя», этот дом перестанет называться «Домом Элроя». Нет, так не будет. Никогда. Все останется, как прежде, как сейчас. Когда Шерри почти забывалась подобными мыслями, на глаза ей снова попадалось уродливое объявление о продаже...

Миссис Макинтош наконец закончила подготовку праздничного ужина и, судя по всему, теперь уж точно совершенно окончательно¹⁵. Она скрылась из поля видимости и пропадала в доме довольно долго, но потом все-таки вернулась на веранду (теперь она выглядела гораздо наряднее), села на стул и замерла, глядя на дорогу. Она часто

---

¹⁵ Шерри несколько раз успела ошибиться. Когда казалось, что все уже готово, миссис Макинтош находила еще какой-нибудь повод покопошиться у стола или вокруг.

переводила взгляд на часы, а еще временами поправляла воротничок, приглаживала волосы или смахивала пылинки¹⁶ с рукавов. Иногда она поворачивала голову в сторону стола, начинала загибать пальцы, что-то считая и припоминая, а пару раз даже доставала из сумочки крошечную записную книжку и перечитывала какие-то свои записи.

Ей внизу был виден большой участок дороги, чем Шерри. Минут через десять она встрепенулась и подошла к воротам, сосредоточенно глядя вдаль. Скоро подъехал автомобиль. Шерри почувствовала, как у нее замерло сердце, но это оказался всего лишь мистер Макинтош-старший — отец Элроя, вернувшийся с работы.

Они обменялись парой предложений и мистер Макинтош ушел в дом, но довольно быстро вернулся обратно. И вот уже они оба сидели на стульях, вынесенных на лужайку, глядя на дорогу и сверяясь с часами. Миссис Макинтош спросила у мистера Макинтоша, как прошел его день, посоветовалась по поводу «той вазочки, которую подарила бабушка» — стоит ли и ее вынести на стол или можно обойтись — плавно перешла к вопросу о том, какое блюдо следует подать первым...

И тут у ворот остановился дорогой черный автомобиль. Мистер и миссис Макинтош, переключившие в ходе жаркой дискуссии все свое внимание на праздничный стол, одновременно ахнули и суетливо поспешили через лужайку обратно к воротам — встречать новоприбывших, которых все это время так усердно ожидали.

Из автомобиля вышел водитель, чинно обошел его, поприветствовав мистера и миссис Макинтош, и открыл заднюю дверь.

— Благодарю, — услышался голос Элроя. Шерри сразу его узнала, хотя слово это было ему каким-то чуждым, несвойственным, и отдавало чрезмерной официальностью. Раньше Элрой никогда не говорил «Благодарю!», только «Спасибо!» И все-таки, это, конечно, был его голос и ничей другой.

Секундой позже показался и он сам. А вскоре за ним вышел еще один господин, но Шерри сейчас было не до него. Она не могла оторвать взгляда от Элроя.

Разумеется, человек, стоявший внизу у ворот, был Элроем. Он был того же роста, что и Элрой, того же телосложения, на руке у него поблескивали два привычных циферблата часов, а на лице — стекла очков, до боли знакомые — Шерри трудилась над ними столько времени, что не перепутала бы с самой искусно изготовленной копией. Это были те самые очки, которые она сама несколько месяцев назад торжественно ему вручила — конечно, именно они. И все-таки — она никак не ожидала увидеть его таким. Все это время в голове ее присутствовал образ совсем иного Элроя — растрепанного, немножко неловкого, немножко стеснительного мальчика с искренней улыбкой. Именно к такому Элрою она обращалась все эти месяцы и именно таким она знала его всю жизнь. Элрой, которого она увидела сегодня, был совсем не похож на себя. Ее не оставляло ощущение, что это кто-то совершенно чужой, незнакомый, неудачно копирующий Элроя внешне. Она с волнением и радостью ожидала увидеть старого друга, но встретила вместо него пугающего незнакомца, и сердце ее упало.

Рубашка у него была новая. На шее он теперь завязывал галстук, совсем как взрослые ребята из выпускных классов в школе. Волосы были все того же чудесного

---

¹⁶ Существование которых было под вопросом.

фиолетово-коричневого оттенка, но теперь он зачесывал их назад и, скорее всего, пользовался гелем, потому что они как-то очень неестественно блестели на солнце. Выйдя из машины, он тут же стал тихонько приглаживать одной рукой растрепавшиеся, несмотря на предпринятые меры, пряди, но оставил эти попытки, когда еще одна выскочила прямо на лоб. Он не участвовал в разговоре, который его родители тут же завели с тем господином (очевидно, мистером Бдэчжем), но внимательно наблюдал за всеми их рукопожатиями, важно поглаживая дужки очков. Временами, правда, он крутил головой и один раз даже блеснул стеклами в сторону дерева во дворе, но вскоре безразлично отвернулся. Может быть, немножко быстрее, чем если бы ему правда было все равно.

Мистер Бдэчж тоже глянул на дерево, но, не найдя в нем ничего примечательного, больше на него не смотрел.

Они наконец прошли во двор.

Теперь Шерри удалось разглядеть выражение лица Элроя лучше, и ей стало не по себе. Все эти его новые привычки, новый облик — это все была ерунда, мало ли! Но вот выражение его лица! Перед ней был совершенно другой человек — угрюмый и отталкивающий. Просто смотреть на него было страшно, но понимать, что это и есть Элрой — еще страшнее. Ее пронзило то ужасное ощущение, которое она уже успела позабыть — во время их ссоры, когда он только-только надел очки — чуждости, страха. Лицо его ничего не выражало, кроме тупой неприветливой сосредоточенности. Губы были крепко сжаты, а брови так сильно нахмурены, что за ними почти совсем не видно было глаз.

«Лучше бы я его совсем не видела!» — в отчаянии подумала Шерри. Она не смогла заставить себя назвать Элроя по имени, и ей казалось в высшей степени неестественным, что мистер и миссис Макинтош продолжают вести размеренную беседу с тем господином, когда рядом находится этот... жуткий человек.

«Люди меняются», — вспомнились ей слова матери, и к горлу опять подкатил ужасный комок. Шерри вдруг поняла, что все это время лишь тешила себя надеждой снова поговорить с Элроем. Настоящий Элрой давно уже уехал, и она опоздала — она не успела с ним попрощаться. Осознавать это было невыносимо больно. Она добилась желаемого — совсем близко, в нескольких метрах от нее, все-таки стоял Элрой... но при этом друг ее был уже далеко — гораздо дальше, чем могут выразить метры.

Мистер Макинтош вызвался показать мистеру Бдэчжу семейную коллекцию типографских шрифтов, и они скрылись в доме.

Его сын подошел к матери, оставшейся во дворе, и сказал ей что-то так тихо, почти шепотом, что Шерри ничего не расслышала. Она даже обрадовалась, потому что казалось, что с таким отталкивающим лицом и голос у него должен стать совсем другим — и ей не хотелось бы его услышать. «Ах, нет, я же его уже слышала... и он все такой же, как был...» — вспомнилось ей.

Он, судя по всему, хотел отправиться в дом за отцом, но миссис Макинтош ему не дала.

— Нет-нет, я несколько раз пересмотрела прогноз погоды! Никаких дождей сегодня, зачем же нам перебираться в дом? (тут Элрой заметно покраснел) Ты, кажется, что-то перепутал... тяжелый был день на работе? Ты весь красный!.. Посиди, милый, отдохни! Подыши свежим воздухом! Тебе это сейчас необходимо, столько на

тебе дел в последнее время... Обещаю, до ужина я не буду тебя тревожить, а отец с мистером Бдэчжем и без тебя найдут, о чем поговорить.

И она указала ему на тот самый стул на лужайке, где сама провела немало времени в ожидании его приезда, а сама направилась обратно к веранде.

Элрой, похоже, хотел что-то возразить, но передумал, послушно сел и закрыл глаза.

Было совсем не похоже, чтобы он отдыхал. Даже с закрытыми глазами на лице его сохранялось мрачное, сосредоточенное выражение.

Шерри с досадой смотрела на этого угрюмца. Ее раздражал его галстук, раздражали эти прилизанные волосы...

«Да что же это на меня нашло? — с ужасом подумала она. — Там же Элрой! А я так нехорошо о нем думаю... Конечно, он не похож сейчас на себя, но это все равно Элрой! Это Элрой!» И чтобы уверить себя, что это все-таки он, она стала комментировать про себя все его действия, каждый раз называя его по имени. Вот Элрой повернул голову вправо. Сейчас Элрой подпер щеку рукой. Вот Элрой погладил дужки очков. А сейчас Элрой чихнул. Вот Элрой поправил очки на лице. А теперь Элрой их протирает. Элрой посмотрел на мать. Элрой посмотрел на часы. Элрой опять посмотрел на дерево. Элрой отвернулся. Элрой снова повернулся и закрыл глаза.

Эта констатация фактов действительно помогла, и Шерри окончательно поверила, что человека внизу все-таки зовут Элрой.

«Это он, конечно, он! — сказала она себе еще раз. — А я такая глупая! Подумаешь — как он выглядит! Это ничего еще не значит... Он такой же, как был... просто испугался. И не хочет, чтобы остальные видели. Вот и решил, чтобы никто не догадался, как ему страшно, самому всех напугать... а, может быть, он и не думал их пугать? Может, он рад был бы не пугать? Просто так у него получилось? И как исправить — он пока не знает, вот и продолжает хмуриться дальше?.. Но почему же он хмурится даже дома? Неужели он думает, что хмурым ему лучше?.. Может, он даже не понимает, как страшно выглядит?.. Наверно, он слишком привык хмуриться, и ему уже тяжело быть собой... ведь на самом деле он совсем другой, он просто притворяется. Вот даже сейчас — я же вижу, что он очень нервничает, а притворяется, что спит. Но зачем?»

Элрой вскоре встрепенулся и резко встал.

Шерри, нервно теребившая бусы все это время, от неожиданности порвала нитку, и все бусины посыпались вниз. Они были большими и каждая изображала Землю — когда-то их раскрасил сам Элрой — это был его подарок ей на День Рождения.

— Что там за шум? — спросила миссис Макинтош. — Ты из-за него проснулся, милый?

— Нет, мам, я раньше встал... сейчас разберусь.

Элрой начал приближаться к дереву все с тем же суровым выражением. Шерри опять стало страшно, и она инстинктивно вся съежилась и впилась руками в дерево.

«Он меня сейчас выдаст!» — вот первое, что пришло ей в голову, и она старалась не дышать, чтобы только он ее не заметил.

«Боже! Как глупо! — подумала она несколькими секундами позже, когда он, не взглянув даже вверх, наклонился и стал быстро собирать бусинки. — Зачем ему это делать? Он давно уже знает, что я тут! Если бы он хотел, он бы сразу всем сказал...

опять я за свое! Испугалась! А ведь... он сам меня сейчас боится — и не меньше, чем я его... а я и не боюсь, я его уже раскусила...»

Ей стало спокойнее. Элрой быстро закинул все бусины в карман, который заметно оттопырился, и, так и не взглянув на Шерри, подошел к матери. Она уже открыла рот, намереваясь спросить, что же там было, но Элрой ее опередил:

— Я пойду, принесу Большую Книгу, — сказал он спокойным голосом как ни в чем не бывало.

— Ну что ты! — миссис Макинтош моментально переключилась на новую тему и забыла о шуме у дерева. — Она же тяжелая! Отец принесет, а ты отдыхай!

— Нет, мам, мне несложно. Я вчера нес стопку папок, которая была почти тяжелее... мне несложно.

— Ну что ж ты непослушный такой! Говорю же — отдохни как следует! — миссис Макинтош ласково погладила его по волосам. На выражении лица Элроя это никак не сказалось. Оно было все таким же напряженным.

— Мне нравится помогать, — твердо сказал он.

— Но ты разве видел ее когда-нибудь? Ты знаешь, где она лежит? Это надо спросить у отца, а он пока разговаривает с мистером Бдэжжем, зачем теревить их понапрасну?.. пусть он принесет, милый...

— Я уже знаю, мам...

— Ты у него спросил? Заранее?

— Я знаю, — уклончиво ответил Элрой.

— Ай да умничка! — миссис Макинтош громко чмокнула его в лоб. — Обо всем успеет позаботиться мой милый мальчик! Вот за что я тебя люблю, — тут она чмокнула его в лоб еще раз, — так это за то, что ты всегда все знаешь лучше всех! Ну, иди, мой милый! Принеси! И возвращайся скорее — свежий воздух тебе необходим!

Элрой, покрасневший от смущения, поправил очки и был уже у самой двери, когда миссис Макинтош окликнула его еще раз.

— Подожди! Пока никто не видит! — тут она чмокнула его в третий раз, да так, что последние еще прилизанные волосы выскочили на лоб. Миссис Макинтош тут же принялась укладывать их обратно, но Элрой, уже совсем красный, воспротивился.

— Не надо, мам, я сам сейчас...

— Ты взрослый, да, все теперь сам, — вздохнула миссис Макинтош. — Ну дай еще хоть немножечко погладить тебя по головке, пока никто не видит... не бойся, я никому не скажу, никто не узнает... Ты взрослый, а для меня все такой же сыночек, крошка... ну, еще чуть-чуть, мистер Бдэжж не узнает... ты же теперь стесняешься маминых ласк — я все вижу, понимаю... он не узнает... А волосы у тебя мои. В детстве они у меня тоже всегда торчали во все стороны... как хорошо, люди изобрели гели — а то как бы мы с тобой? — она улыбнулась. — Ох, милый, я буду так по тебе скучать! Ужасно сильно! Но ты не бойся, ты же знаешь — мы с папой часто будем тебя навещать! Обещай мне, что когда бы мы ни приехали, ты всегда будешь встречать нас с тем же румяным счастливым личиком, как сейчас! Какой ты все-таки хорошенький с румяными щечками! — она не удержалась и опять чмокнула его — на сей раз в пунцовую щеку. — Ну ладно, иди, иди!

Элрой моментально скрылся за дверью.

И до самого ужина так и не вышел во двор.

«Это потому, что боится лишний раз показаться мне на глаза, — окончательно уверилась Шерри в собственном предположении. — Но почему?»

За несколько минут до назначенного времени он вышел с огромной книженцией в руках. Волосы его снова были прилизаны, карман, куда он положил бусины, снова пуст, а выступившие на лбу капельки и тяжелое дыхание говорили о том, что нести Большую Книгу ему и впрямь было тяжело.

— Ллойд, ну помоги же Элрою! — вполголоса обратилась миссис Макинтош к мужу, уже занявшему свое место за столом (мистер и миссис Макинтош сидели почти под Шерри, и все их реплики были хорошо ей слышны. Напротив них уже сидел Бдэчж и как раз готовился сесть Элрой — их лица она видела очень хорошо).

— Нет, Лэйси, раз уж он сам вызвался — пусть несет, — холодно ответил мистер Макинтош. — Никто его не заставлял... Пусть привыкает брать ответственность за свои слова, — и сказал уже громче, обращаясь к мистеру Бдэчжу, очевидно намереваясь отвлечь его от Элроя, находившегося на пределе сил и вздыхавшего уже до неприличия громко. — Чудесный вечер, мистер Бдэчж! Идеальный для прощального ужина.

— Согласен, — кивнул мистер Бдэчж без особого энтузиазма.

Элрой наконец сумел водрузить книгу на стол и теперь пытался поскорее отдышаться, чтобы приступить к чтению.

Чтение Большой Книги выступало неотъемлемой традицией прощального ужина на Тыньче. Разумеется, в том случае, если такая книга в доме имелась. Прощальный ужин устраивался, если семья покидала дом, где прожила более 5 лет. А Большая Книга представляла собой не что иное, как список имен, дат рождений и прочих регистрационных данных всех тех, кто когда-либо жил в доме, на который она была заведена. Большинство современных домов на Тыньче не могло похвастать наличием собственной Большой Книги (со временем обычай заводить такую книгу исчез — слишком много случалось переездов и перекупок типовых квартир, да и жильцов в каждом многоквартирном доме (на Тыньче почти все такие) было огромное количество), но Шерри с Элроем жили в элитном районе, где каждый дом принадлежал отдельной семье и, хоть и претерпел несчетное количество перестроек и реставраций, продолжал хранить память о прежних жильцах. Забросить Большую Книгу, которую завели еще первые жильцы, было верхом неуважения к ним и всем тем, кто жил тут после. Большие Книги таких, чаще всего фамильных домов, регулярно обновлялись (с регистрацией новых жильцов в доме) и были действительно большими (а еще объемными и тяжелыми — не сколько даже из-за сотен, а порой и тысяч страниц, сколько из-за массивных украшений на обложке). Читать Большую Книгу в простой день считалось плохой приметой, поэтому ее обычно держали в самом отдаленном и редко посещаемом месте в доме (и хорошо упакованной — чтобы не запылилась там). Открывали ее только когда надо было внести имя нового жильца (тогда же, если требовалось, ее отдавали на несколько недель на реставрацию) или же во время Прощального ужина. В этом случае перед началом ужина традицией полагалось читать вслух списки — с некоторых пор только с последних 10 страниц (иначе до ужина могло бы и не дойти... и даже до завтрака и до обеда...). Такое перечисление имен прежних жильцов выступало символом почтения и уважения к ним тех, кто все-таки решил покинуть их дом.

Большую Книгу всегда читал тот, кто ее принес. На Элроя были устремлены выжидающие взгляды всех присутствовавших, но он никак не мог начать, потому что до сих пор еще тяжело дышал.

— Что же ты, Элрой? Давай, сынок, читай! — подбодрил и одновременно поторопил его мистер Макинтош.¹⁷

Элрой кивнул, открыл книгу на нужной странице, еще раз тяжело вздохнул и принялся за чтение.

Сначала он читал медленно, ему все еще не хватало воздуха, но в скором времени он уже освоился и затараторил скоро и ладно. Шерри видела его лицо — оно было все таким же угрюмо-отталкивающим, как и раньше. И, приглядевшись внимательнее, заметила (или, может быть, так ей показалось?), что глаза его даже не скользили по строчкам — впрочем, такое чтение ему теперь и не нужно было — он скороговоркой перечислял фамилии и имена, как будто стараясь поскорее от них отделаться, а думал сейчас, судя по всему, совсем о другом. О чем — по застывшему выражению лица никак нельзя было сказать... Впрочем, страницы он все-таки переворачивал время от времени.

Шерри ожидала услышать имена всех его родственников и предков, но Элрой читал все какие-то незнакомые фамилии, совсем не похожие по звучанию на его собственную. Впрочем, она не могла быть уверена, потому что в начале чтения слова его перекрывались вздохами, а к концу он так разогнался, что разобрать что-то становилось тем более невозможно. И все-таки, судя по всему, Элрой и его родители были первыми Макинтошами, поселившимися в этом доме.

Когда Элрой закрыл Большую Книгу и поплелся с ней обратно в дом, мистер Бдэчж не преминул разобраться в этом вопросе.

— Да-да, вы все правильно поняли, — согласился мистер Макинтош. — Раньше у нас было несколько квартир в Тчельпьюри-14. Неплохой район, очень даже, но нам с Лэйси всегда хотелось жить в доме, где есть Большая Книга. Вы же понимаете, о чем я? Ну конечно... так вот, и я, и Лэйси усердно работали и старательно копили средства на покупку, а перед самым рождением Элроя мы решили продать имеющиеся у нас квартиры и полученных денег как раз хватило... Мы хотели, чтобы мальчик с рождения привыкал только к лучшему, рос в элитном окружении и гордился своей принадлежностью к нему... Главное, конечно, чтобы он не останавливался на имеющемся, то есть на том, что предоставили ему мы, а сам стремился внести свой вклад в семейное благосостояние, приумножать его и дальше... Дом очень хороший, жаль, конечно, что теперь придется его продать... но мы мыслим стратегически — первоначальная цель достигнута — не считите меня нескромным, но Элрой наконец осознал, насколько талантлив и, судя по всему, достаточно мотивирован вести усердную работу, — вот что главное... если так и дальше пойдет — а я в сыне не сомневаюсь — возможно, со временем он сумеет выкупить этот дом обратно.

— Почему бы и нет? — равнодушно согласился мистер Бдэчж. — Способности у него определенно имеются, в этом уже никто не сомневается, да и на дисциплину жаловаться не могу... и все-таки, главное его не расхолаживать раньше времени. Возгордившийся работник хуже лентяя.

---

¹⁷ Он знал не понаслышке, какие вкусные у Лэйси получают куриные ребрышки — но только когда они горячие. И если Элрой будет и дальше тянуть, мистер Бдэчж глубоко разочаруется в ее талантах, о которых он уже успел ему поведать, пока показывал дом.

— Ну что вы, мистер Бдэчж! Я всегда уделял большое внимание его воспитанию. Мне хотелось, как и любому отцу, вырастить чемпиона. А настоящий чемпион, даже получив награду лучшего из лучших, никогда не бывает доволен имеющимися результатами и всегда стремится к большему — вот главное жизненное кредо, которое я стремился привить сыну... Надеюсь, желание мое осуществилось, и Элрой его хорошо уяснил. На данный момент я горжусь сыном и его стремлением уже сейчас приносить пользу семье и обществу, — мистер Макинтош все более вдохновлялся собственными словами и закончил на совсем торжественной ноте. — И сегодня я без ложной скромности могу уверенно сказать, что вырастил чемпиона!

В этот момент в дверях показался Элрой, опять тяжело дышавший после переноса книги. Сейчас он совсем сгорбился и казался не просто худым, а каким-то совсем щуплым.

— Но, тем не менее, расслабляться нельзя, и даже из Шеттильдджа я постараюсь жестко контролировать сына, особенно в первое время, — добавил мистер Макинтош.

— Не могу согласиться, — возразил вдруг мистер Бдэчж. — Контроль, конечно, необходим, но не переусердствуйте. Человек, которого постоянно контролируют, никогда не сможет считать себя достаточно самостоятельным. А самостоятельность Элрою необходима — иначе из него не получится хорошего сотрудника Администрации. Всего лучше в меру... Миссис Макинтош, ребрышки выше любых похвал! — с этими словами он положил себе огромную порцию добавки.

— О, благодарю! — горячо отреагировала миссис Макинтош. — А как вы находите овощное рагу?

— Неплохо, неплохо, — прочавкал мистер Бдэчж, — если не считать немного переваренной моркови...

Мистер Макинтош с упреком посмотрел на жену, а та покраснела.

— Это все из-за нее. Несносная девчонка! — почти шепотом проскрежетала миссис Макинтош, и Шерри заметила, как ее плечи дрогнули.

— Ну ничего-ничего, такое иногда случается, — миролюбиво заметил мистер Бдэчж, все-таки услышавший ее слова. — Стоит заняться чем-то важным, обязательно найдется тот, кто постарается изо всех сил помешать тебе сделать свою работу хорошо. И чем важнее работа, тем больше отвлекают.

— Ваша правда, — уже спокойнее согласилась миссис Макинтош.

— А вот закуска безупречна, — добавил мистер Бдэчж и надолго замолчал, сосредоточившись на еде.

Элрой ел, опустив голову, и, судя по всему, вовсе не стремился поддержать беседу.

Минут через 15 миссис Макинтош уронила вилку.

— Прошу прощения, — смущенно выдохнула она и прошептала мужу. — Ох, мне опять показалось... там же не она? Нет? У ворот?

— Да кто? — не выдержал мистер Макинтош, взглядывая за ворота. Странные выходки жены в присутствии мистера Бдэчжа начинали действовать ему на нервы. — Кто там должен быть?

— Шеррилья, — с отвращением произнесла миссис Макинтош. — Ты ее помнишь? Девчонка Дчжонсов с зелеными глазами...

— Ну да... нет, ее там нет.

— Ну вот и замечательно, — миссис Макинтош улыбнулась с явным облегчением.
— Почему она вообще должна там быть?
— Она приходила сегодня... Ох, Ллойд, как же она меня замучила! Смотри, ее давно уже нет, а мне все чудится, что она где-то рядом...

— Что ей было нужно?
— Кажется, хотела Элроя о чем-то попросить... или сказать ему что-то... забавно, да? Три месяца ни слуху ни духу и вдруг явилась — Элроя ей вынь да положь! Так уперлась, я ее еле выводила... что за воспитание!

Миссис Макинтош вздохнула.

— Я ей сказала, что передам Элрою, и она, вроде бы, успокоилась, хотя долго еще стояла у ворот... дорогой, ты думаешь, стоит говорить ему о ней? Мне кажется, лучше не надо. Наконец он о ней забыл, так и незачем...

— Почему, Лэйси, не вижу ничего страшного, чтобы сказать.

— Но Ллойд!

— Вот увидишь, ничего не случится. Неужели ты думаешь, он еще помнит ее имя? Я совершенно уверен, сейчас оно не произведет на него никакого впечатления. Он давно уже все понял и разобрался, что к чему... А проверить лишний раз никогда не повредит.

— Элрой! — начал он громко. — Мама мне сказала, что сегодня к тебе приходила Шеррилья.

Элрой перестал ворочать рагу вилкой и спросил безразличным голосом, не поднимая головы:

— В самом деле?

— Я так и думала, тебя это вряд ли заинтересует, — с явным облегчением вздохнула миссис Макинтош. — Шеррилья, когда узнала, что ты уезжаешь, передала тебе привет и ушла домой.

— Хорошо.

На этом разговор, очевидно, должен был завершиться, но тут опять вступил мистер Макинтош.

— Мама сказала, Шеррилья сначала очень удивилась твоему отъезду... кажется, она так надеялась тебя застать, чтобы о чем-то попросить... Ей давно пора понять: у нее своя жизнь, у тебя — своя, свои интересы. На будущее: четко расставляй приоритеты и не трать понапрасну время на всяких, никому не позволяй себя использовать.

— Это она умеет, — поддакнула вдруг миссис Макинтош. — Я рада, что не сказала ей твой новый адрес.

— Эта Шеррилья...

— Пожалуйста, называйте ее Шерри! — перебил вдруг Элрой. — Я же давно вас прошу.

— Но милый! — маленькие глазки миссис Макинтош стали чуточку больше от удивления, которое она пережила. — Ты что же, до сих пор поддерживаешь эту блажь?

— Ей нравится, когда ее называют Шерри, — мрачно произнес Элрой. — Почему нельзя называть ее так, как ей нравится?

— Что за глупость? — возмутился мистер Макинтош. — Почему я должен угождать ее желаниям и называть ее так, как ей нравится, а не так, как записано у нее в свидетельстве о рождении? Мало ли, чего она хочет, нравится ей или нет, пусть

привыкает — ее все и всегда будут называть по полному имени. Положено — значит положено.

— Кроме того мы и так уже пошли тебе на уступки, — поддакнула миссис Макинтош. — Вот сегодня, например, я обращалась к ней так, как ты меня просил, как там ей нравится... Но сейчас она не слышит, и я не вижу никакого смысла называть ее не своим именем... Эта Шеррилья просто несносна, не понимаю, как ты вообще с ней общался... зря мы о ней вспомнили, она не заслуживает такого внимания. Безответственная бездарная девочка — такие всегда липнут к умным положительным мальчикам вроде тебя и пытаются их испортить... но я точно знаю, милый, что даже такая вздорная девчонка, как она, не сумеет... — миссис Макинтош замолчала, думая, как бы эффектнее закончить фразу — ей хотелось превознести сына как можно убедительнее.

— Насколько мне известно, — спокойно вмешался в разговор мистер Бдэжж, не дожидаясь окончания фразы, — Шерри — весьма одаренная юная изобретательница.

Он с почти незаметной улыбкой встретил благодарный взгляд Элроя и растерянные выражения лиц его родителей, после чего принялся, как ни в чем не бывало, за свой ужин дальше.

— Вы правда так считаете, мистер Бдэжж? — неуверенно переспросила миссис Макинтош. — Мы слышали, ее учеба в школе оставляет желать лучшего... — она немного помедлила и все-таки решилась. — Мне даже известно, что Шеррил... Шерри — она учится не на изобретательницу... не помню, на кого точно, но уверена — это кто угодно, но только не изобретатель. Вот это меня и поразило...

Миссис Макинтош хотела еще что-то добавить, но мистер Бдэжж опять не стал ждать.

— И тем не менее, сегодня мы с Элроем были в лаборатории, которую Администрация любезно предоставляет Шерриной семье в обмен на их нынешнюю. Элрой очень хотел побывать там лично и посмотреть, что да как — перед тем как она перейдет к ним непосредственно. Сегодня как раз и у него, и у меня выдалось свободное время после обеда, так что я решил — почему бы не проехаться туда на автомобиле?... Хорошая лаборатория, правда, Элрой?

Элрой заметно покраснел и сдержанно кивнул:

— Она просторная. И современная.

— Только далековато отсюда, — вставил мистер Бдэжж.

— Кто там в Администрации только додумался до такой ерунды? — удивился мистер Макинтош. — Им — просторную современную лабораторию?

— Пап, я узнал насчет дерева, — неожиданно воодушевленно (что не мешало ему оставаться насупленным) протараторил Элрой.

— Дерева? — удивился мистер Бдэжж. — Ты о чем? Об этом дереве перед домом?

— Да, — ответил за Элроя отец. — Мы боимся, как бы из-за него стоимость участка не упала... мы много раз порывались его срубить, но Элрой нам всегда мешал.

— Хотя из-за него в несколько комнат всегда попадало меньше солнечного света, — добавила миссис Макинтош. — Да и толку от него никакого, оно только портит вид из окна. Это опять же все влияние... — она помялась, — Шерри... когда-то было...

— Так что там насчет дерева? — вернулся к вопросу мистер Макинтош.

— Я узнал мнения трех наиболее вероятных кандидатов на покупку. Оно никого не смущает, они сами готовы его... срубить, — на последнем слове его голос, в целом достаточно ровный, болезненно дрогнул.

— Ах, милый! У тебя уже начал ломаться голос! — миссис Макинтош от избытка чувств сложила руки на груди. Наверно, если бы Элрой сидел к ней ближе, она бы не удержалась и все-таки чмокнула его опять. — Смотри! Совсем взрослый! Недели через две уже и первый ДВВД!

— Ну вот и замечательно, — кивнул мистер Макинтош, не обращая внимания на умиление жены. Сейчас он был расположен к ведению деловой беседы, а не распусканию нюнь. — Участок отличный, элитный, дом в идеальном состоянии, надо постараться продать его по наиболее выгодным условиям.

— На аукционе, — опять спокойно проговорил Элрой.

— Мистер Бдэчж, Элрой считает, что нам необходимо провести аукцион, и у меня нет особых аргументов для возражения. Кроме одного... вы думаете, Элрою это окажется по силам? Вне всяких сомнений, у него светлая голова, но все эти операции с недвижимостью...

— У него уже есть разрешение на проведение подобных мероприятий, так что проблем не возникнет.

— Я понимаю, да... — кивнул мистер Макинтош. — Но вопрос в том, не слишком ли он еще наивен в подобных делах... быть может, следовало бы немного повременить с моей командировкой и мне самому с этим разобраться...

— А, вы об этом, мистер Макинтош! Ну что вы! Это Элрой-то наивный? Вы что же, даже не в курсе, на каких условиях он в этот понедельник заключил контракт с Комтчжи-эй? Переговоры с ними зашли в совершенный тупик несколько месяцев назад, но в итоге все разрешилось наилучшим образом — благодаря усердной работе Элроя, предложившего в конечном счете совершенно неожиданный вариант, который смог удовлетворить сразу обе стороны. На позапрошлой неделе также во многом с его помощью мы заключили целый ряд выгодных соглашений. Не сомневаюсь, он прекрасно понимает, сколько можно получить с продажи вашего дома, и знает, какой тактики лучше придерживаться на аукционе и какие аргументы следует использовать — так чего вам еще нужно?

— Думаю, вы правы. Молодец, сынок! О твоих достижениях приятно слышать!

— Впрочем, — обратился мистер Бдэчж к Элрою, — если бы ты чаще улыбался, особенно во время переговоров, все было бы еще замечательнее.

Элрой многозначительно дожевывал печенью, насупившись еще больше.

Ужин стал переходить в чай.

— Ох нет! Мы же совершенно не учли! — раздраженно выпалил вдруг мистер Макинтош. — Эти Дчжонсы, как я понял, тоже съезжают в скором времени? Так?

Элрой неожиданно резко вздохнул и блеснул на секунду стеклами в сторону дерева. Наверно, он не ожидал, что разговор вернется к Дчжонсам и не успел подготовиться. Судя по его реакции, возвращаться к нему опять было для него крайне тягостно.

— Это еще неизвестно... все зависит от их решения, — невнятно пробурчал он.

— Не сомневаюсь, они переберутся в эту новую лабораторию... интересно, сколько времени им понадобится?

— А почему вас это так беспокоит? — поинтересовался Бдэчж.

— Мистер Бдэчж, я полагаю, они захотят продать свой нынешний дом... до меня доходили слухи, положение у них сейчас совсем бедственное...

— Слухи часто все преувеличивают, — все так же невнятно пробормотал Элрой.

— Элрой, да я и сам прекрасно вижу! Ты посмотри на их семью! Они же все помешаны на какой-то никчемной планетенке невесть где и совершенно забросили собственный бизнес!

— Подумать только! — поддержала мужа миссис Макинтош. — А ведь мой первый счет был заведен в банке Дчжонса! Тогда он считался лучшим из лучших!

Мистер Бдэчж раздраженно вздохнул. Очевидно, все это он и сам прекрасно знал. Банк Дчжонсов много веков занимал лидирующее положение среди коммерческих банков на рынке в Тчельпьюрри и сложно было найти хоть кого-нибудь, у кого не было бы заведено у них счета.

— И справедливо! — не останавливалась миссис Макинтош. — Дчжонсы эти всегда раньше оправдывали собственную репутацию, у меня, например, есть письмо по части финансов, написанное еще прапрадедом — он как раз завещает своим внукам хранить сбережения только у Дчжонсов. «Надежнее их на Тыньчже нет!» — так он сказал, это я цитирую... Рада, что он не дожил до наших дней и не видит, что с ними стало! Закрыли свое дело! Лишились всякой прибыли, ушли в тень... Элрой нам как-то говорил, чем они теперь занимаются. Да и по работе мне доходили сведения об их делах... Так низко пасть! Какой позор! Иногда я даже жалею Шеррил... Шерри. Бедняжка! Будь у нее ответственные и внимательные родители, она бы никогда не выросла такой... такой... какой выросла... безответственной!

— Вот именно, — согласился ее муж, — все дело в воспитании. Нельзя снимать ответственность с родителей ни в коем случае. Дети — всего лишь их зеркало.

— Дорогой! Ты чудесно сказал! Так оно и есть! Ввели девочку в заблуждение... Сами как дети! Если уж у них нет изобретательского образования, так и незачем портить фамильный особняк. Вы знаете, мистер Бдэчж, их дом был раза в три больше нашего и без всяких деревьев на участке — идеальный, одним словом, — и что же? Они понасажали на газоне каких-то мелких деревьев и переделали две трети дома в лабораторию. Представляю, во сколько им это обошлось! У них было огромное состояние, приумножавшееся веками — и что же? Они все спустили на это свое сумасшествие... на эти свои никем не востребованные эксперименты и командировки! Они их зовут красивым словом «экспедиции». Все надеются попасть в Ассоциацию Изобретателей. Без дипломов! Невероятнейшая глупость! Не понимаю до сих пор, как только им еще что-то выделяли из Администрации. Наконец вот перестали только! И давно пора было! — тут миссис Макинтош осеклась. Только что она разболтала конфиденциальную информацию, к которой имела доступ по работе, поэтому тут же постаралась немножко переменить тему, пока никто не заметил. — И дочка их — туда же! Учится плохо, вся в этих своих иллюзиях, что ее примут в Ассоциацию... как же... а они так радостно ее поддерживают... загубят ребенка, вот увидите! Если уже не загубили... Вы не знаете, мистер Бдэчж, как она себя ведет! Позволительно ли девочке копать в земле и скакать по деревьям — с одного на другое, как мартышка? Я лично заставляла ее за этими занятиями! Отвратительно! Просто отвратительно! Других слов не подберу! И кто-то еще додумался дать им новую лабораторию. Прекрасно! Им потом будет еще тяжелее выпутываться... из этих своих иллюзий...

— Пожалуйста, давайте не будем... больше... пожалуйста, — заикнулся Элрой, пока миссис Макинтош сделала паузу, чтобы вздохнуть.

— Сынок, не будь глупым, — повелительно одернул мистер Макинтош. — Поразмысли хорошенько над услышанным! Если у них больше нет денег, как говорят, они не преминут съехать в новую лабораторию и продать свой нынешний дом. Чудесно, пусть сами разбираются в своих делах, мне все равно!.. Точнее, было бы все равно, если бы мы не продавали сейчас наш дом. Что, если они переманят всех наших покупателей? Дома расположены в одном квартале... конечно, у нас нет той ужасной лаборатории, но, тем не менее... можешь поблагодарить их за то, что тебе придется теперь срочно переделывать собственные планы и устраивать аукцион как можно скорее! Пока они еще не успели известить всех о продаже собственного дома! Ты можешь мне сейчас сказать, когда ты проведешь аукцион?

Элрой помялся.

— Ну что такое? — раздраженно спросил отец.

— Наш самый вероятный покупатель, мистер Шайнс, пока в командировке... я не могу провести аукцион без него. И мистер Трейндрч пока слишком занят. Остальные готовы предложить гораздо меньше...

— Придется! — настаивал мистер Макинтош. — Риски слишком высоки. Где гарантия, что они не переметнутся к Дчжонсам?

— Я в этом уверен, отец... их интересует именно наш дом. Тут когда-то жили их предки — сегодня, правда, я не упомянул их фамилии, когда читал Большую Книгу, потому что они расположены гораздо раньше... и поэтому...

— Никогда нельзя быть уверенным, когда дело касается людей, — резко перебил мистер Макинтош. — Особенно незнакомых... сегодня так, а завтра — этак. Сегодня — один друг, завтра — другой.

Элрой нервно вздохнул и начал с другой стороны:

— Нет, отец. Им некуда будет переметнуться. Дчжонсы в любом случае не станут продавать дом, потому что он перейдет Администрации. Даже если захотят — у них не будет прав.

— Почему ты так решил?

— Мне... известны условия предложенной им сделки. Они получают новую лабораторию в обмен на имеющуюся. Все права на их дом перейдут Администрации, и пока все это оформится — пройдет...

— Ты в этом уверен?

— Да, — твердо кивнул Элрой.

— И никаких сомнений?.. Интересно почему... — мистер Макинтош задумался и нахмурился. — Почему ты так уверен? Ты лично видел этот договор? Ты... ты принимал участие в его разработке? — озарила его внезапная догадка.

— Я?.. я-я... — Элрой совсем скукожился, испуганно посмотрел на скучавшего мистера Бдэджа, который, казалось, уже давно их не слушал и млея после сытного ужина в ожидании пирога (за коим уже отправилась миссис Макинтош), а потом мельком на дерево. — Я...

— Отвечай прямо!

— Принимал, — Элрой опять скатился почти на шепот.

— Громче!

— Да, я принимал, — все так же сдавленно, но уже громче повторил Элрой.

— Почему?

Элрой посмотрел на Бдэчжа еще раз, но тот определенно не собирался вступать в разговор.

— Это... входило в мою работу.

— Ты занялся этим по собственной инициативе?

— Я... всю работу выполняю по собственной инициативе.

— И почему же выбрали именно Дчжонсов? Они даже не входят в Ассоциацию Изобретателей! Это по твоей инициативе лабораторию предложили им?

Элрой сглотнул.

— Да.

— И почему же от тебя исходила эта инициатива?

— Просто... остальные не были против...

— Я спросил не об этом! Если другим не требовалось объяснений, это не значит, что они не нужны мне! Чем ты руководствовался, предлагая Дчжонсов?

— Они... они... обладают невероятно ценным участком и домом, который Администрации просто необходим!.. Им... нельзя позволять и дальше занимать такой элитный район... нам... нам давно уже поступали жалобы от других жильцов — им не нравится, что в доме на их улице кто-то держит лабораторию... они... некоторые даже грозились съехать в ближайшее время... за ними потянулись бы и остальные... это значит — слухи, плохая репутация района, потеря бывшего престижа... и нам... нам это тоже было бы невыгодно — мы бы не смогли продать наш дом по высокой цене... это... это тонкий расчет, отец. Вот поэтому, — Элрой уверенно кивнул головой.

— Ну что ж, — задумался мистер Макинтош, — вот значит как... неплохо, вполне неплохо. Отдать этим неучам новую лабораторию — обидно, разумеется, но, с другой стороны, это все же не такая высокая цена, чтобы сохранить репутацию одного из лучших тчельпьюрийских районов и спокойствие всех его обитателей... ты думал в первую очередь о людях и поступил предусмотрительно, сынок, молодец.

Элрой промямлил что-то нечленораздельное.

— Не понимаю только, почему ты сразу не сказал... Я уж начал было подозревать, что дело в другом...

— Дорогой, ты о чем? — спросила подошедшая с пирогом миссис Макинтош.

— Мы обсуждаем, почему Элрой выступил с предложением отдать Дчжонсам новую лабораторию.

— Ах вот оно как, — миссис Макинтош стала накладывать куски пирога на тарелки. — И почему же? Неужели ради этой Шерри? — не думая брякнула она.

— Это было бы в высшей степени глупо, милая. Ты недооцениваешь Элроя, — пристыдил мистер Макинтош.

— Я так сказала только потому, что они раньше проводили много времени вместе... — попыталась оправдаться миссис Макинтош.

— Наш сын руководствовался совсем другими соображениями. Он думал об избавлении благополучного района от неблагополучной семьи. Из-за этой Шерри Элрой потратил три года на всякую ерунду и теперь, конечно, когда он наконец изменил свои взгляды на верные, ему хочется оградить от нее остальных, чтобы никто больше не попался в такую же ловушку.

— Ах ну конечно! И как это я сразу не догадалась? Она же самым бессовестным образом насаждала Элрою все это время невесть что! И ты, Элрой, еще говорил, что

тебе это все интересно! Да ничего подобного! Со стороны всегда было видно яснее ясного! А теперь наконец ты и сам увидел! Как же я рада, что теперь ты считаешь по-другому! Жаль только, из-за нее у тебя не появилось друзей — распугала всех хороших ребят! Надо тебе было нас слушаться!.. Но ты не волнуйся! Все это поправимо. Ты переезжаешь на новое место — начинай все по-новому и не вспоминай о ней больше понапрасну, не расстраивайся лишний раз!

— Это все не главное, — добавил мистер Макинтош. — Интересы, друзья — приходят, уходят, меняются... это жизнь. И главное в ней — твердо чувствовать почву. Всегда. Будешь уверенно стоять на ногах — будут и друзья; не справишься — никакой друг о тебе и не вспомнит. Посмотри на Дчжонсов!

— Да-да, вот именно! Теперь уже никто о них не вспоминает! И ты в том числе! А сколько ерунды они тебе успели наговорить о дружбе?! До сих пор не забуду тот вечер, когда ты нам перечитывал их бредовую лекцию... А что на самом деле? Лицемеры!

— У них никого нет, и в этом только их собственная вина, — подхватил мистер Макинтош. — Надеются на каких-то иллюзорных друзей...

— Вот например ты, милый. Ты уже разумный, взрослый юноша. Зачем тебе такие друзья, которые не могут свести концы с концами? Ты это понимаешь и больше не поддерживаешь с ними отношений. У тебя новые интересы и ты смело движешься им навстречу. И правильно делаешь! Хвататься за Дчжонсов только потому, что когда-то они наговорили тебе о дружбе, — губить собственное будущее. Это их и только их вина, что они не в состоянии идти вровень с остальными. Лентяи, прикрывающиеся разговорами о дружбе! Не хотят идти — пусть будут готовы, что их бросят. И ничего предосудительного тут нет. Не бывает незаменимых, найдутся друзья и получше.

— Хочешь, чтобы тебя любили, — работай! Просто так ничего не дается. Это и к ним относится.

— Отец прав, милый! Я знаю точно, скоро друзей у тебя появится столько, что о Дчжонсах больше и не вспомнишь никогда.

— Вряд ли Элрой вспоминает о них уже сейчас, — добавил мистер Макинтош. — О таких и вспоминать стыдно.

— Конечно, дорогой! Но они никогда и не дружили по-настоящему, так что тут и стыдиться нечего...

Мистер и миссис Макинтош продолжали поддакивать друг другу, не обращая уже никакого внимания на Элроя, который становился все бледнее и бледнее. Выражение его лица стало на редкость напряженным: он хмурился изо всех сил, и в то же время рот его открывался все сильнее, дыхание становилось все прерывистее. Ему не хватало воздуха, он задыхался и затравленными глазами прыгал с родителей на дерево и обратно. Временами он кидал умоляющие взгляды на мистера Бдэчжа, но тот был слишком увлечен пирогом, чтобы принимать участие в беседе.

— Я тут перед отъездом разбиралась с вещами... сколько ж мусора она ему успела надарить! Зачем ему, например, те тетрадки с безобразно яркими рисунками?! Фи! Что за вкус?! Или вот открытки, которые она делала сама... Хоть бы раз купила — одну, но красивую... хотя откуда у них деньги? Лучше б совсем ничего не дарила! Элрою они в жизни не понадобятся, я все выкинула, что нашла, он и не вспомнит! Да и вещей меньше, переезжать будет проще... ему теперь больше места нужно под все его папки с проектами — это я понимаю...

— Нет! — вдруг решительно перебил Элрой и встал. Вид у него был сосредоточенный, но говорил он рассеянно, хотя и твердым голосом. — Нет!

Все замолчали. Даже мистер Бдэжж оторвал взгляд от пирога и посмотрел на Элроя с плохо скрываемым любопытством.

— Ты думаешь, этим папкам не нужно много места? — неуверенно спросила миссис Макинтош.

— Нет! — повторил Элрой. — Это не так. Вы не правы.

— Возможно, — неуверенно выдавила миссис Макинтош. — Я не видела твоей новой квартиры...

— Зря я молчал... Я помню Шерри и я не хочу ее забывать. Да, мои интересы изменились, я сам изменился и больше не могу, не в состоянии дружить с ней так, как раньше, теперь не получится... Но это не значит, что теперь мне все равно и что я стал относиться к Шерри хуже. Нет! Я очень благодарен ей за эти годы и я никогда их не забуду! Я очень благодарен ей за все! За все! — Элрой помолчал, собираясь с мыслями. — Она — прекрасный друг, лучше не найти! Неправда, друзей не заменишь! Я не забуду Шерри... без ее помощи я бы никогда не нашел свое истинное призвание в жизни! Я долго заблуждался по поводу собственных желаний, но с недавнего времени понял... мне радостно осознавать, что я нашел свой путь, что у меня получается, что я не просто живу — я могу приносить пользу другим! Мне нравится заниматься тем, чем я занимаюсь сейчас, мне радостно помогать людям — помогать им договариваться между собой, решать проблемы, которые их волнуют, помогать им осуществлять собственные желания, реализовывать себя — чтобы они могли заниматься тем, что им нравится, как теперь занимаюсь я... И мне особенно хочется помочь Шерри — за все хорошее, что она мне сделала — и лаборатория — это пока большее, что я в состоянии ей дать. Я знаю, и мистер Бдэжж со мной согласится, — ее призвание — изобретать. Ей так же радостно этим заниматься, как мне — помогать людям. Именно поэтому, а не по чему-то еще я выступил с тем, чтобы ее семье передали новую лабораторию... Да, отец, почему я должен стыдиться сказать правду? Я сделал это в первую очередь из-за нее. И даже если бы это привело к тому, что наш дом пришлось бы продать дешевле, я бы все равно сделал так, как сделал, ни секунды не сомневаясь. В жизни есть вещи, которые важнее денег, и призвание человека, каким бы оно ни было, — одна из них. Ее призвание — изобретать, и ничто, никакие деньги, никакие дипломы не должны стоять у нее на пути! Главное — у нее есть дар! И я хочу, чтобы она стала настоящей изобретательницей, чтобы никакие формальности не помешали ей... Я и сам должен еще учиться в школе, но господин Президент пошел мне навстречу и позволил уже сейчас сдать школьные экзамены. В десять лет у меня уже есть аттестат. Скоро будет мой первый ДВВД. Все правила отошли на второй план, потому что во мне увидели способности, мне дали шанс... А я вижу способности в Шерри — и считаю, что ей надо дать такой же шанс, как дали мне. Будет у нее диплом изобретательницы или нет — это неважно. Я хочу, чтобы она изобретала и дальше, развивалась, не хочу ей мешать! Наоборот, мне хорошо, когда я знаю, что она занята любимым делом и ничто ее не отвлекает... — Элрой давно уже забыл хмуриться, и на лице его показалась сейчас воодушевленная улыбка, в которой он, кажется, даже не отдавал себе отчета. Он смотрел куда-то перед собой, увлекшись собственными мыслями. Он даже осмелился заметно приподнять голову.— Теперь я уезжаю и хочу сказать ей, чтобы она знала и не переживала: у меня все хорошо! Я нашел свое

призвание в жизни! Мне бы хотелось тратить все свои силы на служение обществу! Помочь не только ей одной, но и другим! И это мое собственное решение!.. Конечно, я изменился — за это время стал серьезнее, взрослее... и я больше не в состоянии предаваться беззаботным играм, ловле бабочек, как раньше... Теперь мне это все не в радость — стоит только подумать о том, как я упускаю возможность помочь кому-нибудь, кому эта помощь требуется... нет, я не могу так, как раньше, да и дел теперь слишком много...

Элрой помолчал и перестал смотреть на дерево. Лицо его погрузнело.

— Она так хорошо ко мне относилась всегда! Мне бы хотелось, чтобы окружающие так же хорошо относились и к ней! Я... я... плохо повел себя с ней, очень плохо... Я боялся, вдруг она не поймет... и... решил, что лучше ничего ей не говорить... я думал, она тогда забудет, отвлечется — и это... это ужасно по отношению к Шерри... ведь... разве она же... нет... — он начал путаться. — И даже сказать все это в лицо... мне... сил не хватило... прости... — он тяжело вздохнул, задумался и хотел еще что-то добавить, но в самый последний момент его перебил капризный возглас миссис Макинтош:

— Ну вооооот! Милый! Хватит болтать! Ты погляди лучше! Мой пирог совсем остыл, а ты к нему даже не притронулся! Так-то ты ценишь мамин труд! И зачем ты встал? Ты же не на совещании, а за столом!

Элрой, спохватившись, вернулся к своему прежнему — угрюмому — выражению лица и молча сел, приглаживая волосы.

— Надеюсь, Шерри умная девочка, которая все поняла и не станет больше отвлекать Элроя от его любимого дела, — с расстановкой произнес мистер Бдэчж, глядя прямо в крону дерева, так что у Шерри пробежали мурашки по телу от его взгляда. На миг ей показалось, что он видит ее прямо сейчас, сквозь листву. Впрочем, секундой позже он уже внимательно изучал кекс на столе.

— Ничего не понял, — честно признался мистер Макинтош. — Какая-то каша, а не речь... Ты сейчас сказал «я боюсь», так? Чего же ты боишься? Боишься работать? — он сурово посмотрел на сына.

— Нет-нет, ну что вы, — вступился мистер Бдэчж. — Наоборот, Элрой выразил только что полную решимость к самоотверженному труду.

— Так, сынок?

Элрой кивнул.

— Прекрасно! Не думай меня разочаровывать в последний момент! И запомни: даже если на самом деле чего-то боишься, держи все эти свои «я боюсь» при себе. Страх — признак слабости. Слабаков не любят. Помни!

Остаток чаепития прошел за ничем не примечательными разговорами ни о чем. Начинало смеркаться. Мистер Бдэчж распрощался с хозяевами и уехал на своем шикарном автомобиле. Мистер Макинтош ушел в дом. Миссис Макинтош стала убирать со стола. Элрой неуверенно топтался на веранде, рассеянно убирая крошки со стола, большая часть из которых падала на пол.

— Ну вот и все, мой милый! Вот и прощальный ужин прошел... Завтра мы разъезжаемся! — миссис Макинтош нежно погладила его по голове. — Больше я так тебя уже не поглажу, мой хороший... — сказала она с сожалением.

— Ты же будешь приезжать... — тихо возразил Элрой.

— Но разве ж ты дашь потом? — вздохнула миссис Макинтош. — После ДВвД станешь официально совершеннолетним... и сейчас уже — погляди — ты теперь квалифицированный специалист, носишь галстук и даже голос ломаться начал... вот и вырос мой сыночек!

Она обняла растрепанного Элроя. В этот раз он уже не пытался пригладить волосы — и совсем не сопротивлялся ее объятьям. Просто закрыл глаза и перестал даже хмуриться. Некоторое время они постояли молча.

— Я ничего не поняла, что ты сегодня так долго говорил, — призналась миссис Макинтош. — Плохо тебя слушала, думала все это время только о пироге, который остывал у тебя на тарелке... Простишь меня? Я потом очень пожалела, что тебя перебила. Пирог даже остывший очень вкусный. Ты мог бы съесть его и потом... а я не дала тебе договорить...

— Ничего, мам... теплым он еще вкуснее.

Миссис Макинтош улыбнулась:

— Я полдня его готовила, давно так не старалась — и даже не для мистера Бдэчжа! Для тебя в первую очередь! Хотелось порадовать тебя напоследок чем-нибудь...

— Мам, я тебя очень люблю! — Элрой крепко обнял мать еще раз.

— И я тебя, мой милый! Хочешь еще поглажу по головке?

Элрой тихонько кивнул.

Она ласково гладила его по голове, не говоря ни слова.

— Ну а теперь иди спать, тебе завтра рано вставать, много забот с перевозкой... иди! Завтра с утра еще увидимся!

— Надо убрать со стола, — покачал головой Элрой.

— Не волнуйся, милый. Неужели я одна не справлюсь?

— Я хочу помочь...

— Ты сегодня уже здорово помог отцу с Книгой... не бери на себя слишком много... Я же вижу, ты на ногах еле держишься. Иди спать!

— Еще рано, я не усну...

— Нет, Элрой, иди спать, — повторила миссис Макинтош. — Я очень люблю мыть посуду и обижусь, если ты отберешь у меня любимую работу! Давай! Спать!

Элрой наконец повиновался и скрылся в доме. Шерри поглядывала в окно его комнаты, но он там не появлялся.

Темнело. Миссис Макинтош уносила посуду со стола. Можно было уже спускаться с дерева — увлеченная работой, она бы вряд ли заметила Шерри в сумраке.

Шерри еще раз поглядела в темное окно комнаты Элроя. В комнате через два окна горел свет. Шерри подползла по ветке к самому стеклу.

Там на свету было хорошо виден спящий Элрой. Он заснул на диване, при свете, в какой-то нелепой сидячей позе — весь его вид говорил о том, что заснул он совершенно случайно. Наверно, он и не думал, что уснет, всего лишь присел на минуточку отдохнуть. На нем все еще был завязан галстук, очки лежали рядом, на столике, поверх бумаг — наверно, до этого он их читал, а потом отложил вместе с очками — совсем на чуть-чуть, потому что положены они были не по обыкновению Элроя — довольно небрежно, а одна страница даже успела упасть на пол. Наверно, он снял очки, чтобы хоть на немножко остаться только с собственными мыслями — и вдруг уснул. Пряди волос на голове торчали во все стороны, а выражение лица,

которое он во сне, разумеется, уже не мог контролировать, было совсем по-детски доверчивым... Он улыбался, и даже завязанный на шее галстук не мог разрушить ту беззаботную радость и безмятежность, так свойственную детскому сну, что проступала сейчас во всем его облике.

Шерри никак не могла отвести от него глаз. Он выглядел одновременно смешно и мило.

В какой-то момент внимание ее переместилось на очки. Ничего не стоило сейчас взять их с собой или разбить прямо в комнате. Поскорее унести их от Элроя. Ведь стоит ему проснуться, он обязательно потянется к ним, чтобы надеть. Стоит ему их надеть — он опять насупится, и лицо его, такое мирное и вселяющее доверие сейчас, тут же станет отталкивающим и пугающим, как тогда, на лужайке днем. Искушение отобрать их у Элроя сейчас, пока он спит и не может помешать, становилось все сильнее... Шерри продолжало казаться, что без них ему было бы лучше, что она совершила тогда ошибку, что они ему не нужны... Разбить их — и все станет как прежде! Элрой вряд ли сумеет справиться с административной работой без них и вернется в школу. Все эти проблемы неизвестных людей, которым он так хочет помогать, перестанут висеть над ним... ему станет легче, он снова станет обычным ребенком и будет улыбаться, как прежде, как сейчас... наконец ей удалось пресечь эти мысли.

«Нет, так нельзя, — подумала она про себя. — Он сам сделал свой выбор, и я должна его уважать. Он сам знает, чего он хочет. Он решил оставить их себе и работать в Администрации. Это его решение. Если он думает, что так правильно, значит...»

Шерри перестала смотреть на очки, перевела взгляд обратно на Элроя и долго смотрела на его лицо.

— Элрой... — прошептала она наконец. — А ты все такой же, как был... ничуть не изменился на самом деле, только внешне, чуть-чуть... я видела тебя сегодня, моего друга, когда ты рассказывал о своем призвании и улыбался, и вижу сейчас... глупенький, почему ты меня так испугался? Почему сразу ничего не рассказал? Ты думал, я не пойму? Думал, я обижусь, что интересы твои поменялись и теперь тебе некогда, да и не хочется совсем бывать в нашем Клубе? Обижусь, что в твоей жизни для тебя появились более важные занятия, а Клуб потерял свое прежнее значение?.. Ну что ты! Какая мне разница, чем ты сейчас увлекаешься! Главное — ты все такой же хороший, милый, добрый мальчик, каким я знала тебя раньше. И я всегда буду считать того улыбающегося мальчика, которого вижу сейчас за окном, своим другом, чем бы он ни увлекался!.. Я все понимаю... и уважаю твоё решение... Возвращайся, если вдруг соскучишься, ты знаешь, я всегда буду рада!.. Но если ты счастлив там, в Администрации, если ты чувствуешь, что это твоё призвание — разве стану я тебе мешать и тем более обижаться?.. Пусть будет так, как ты хочешь... Удачи тебе, Элрой, на новом месте! Будь счастлив!

В этот момент Элрой заворочался, пытаясь устроиться поудобнее, Шерри улыбнулась еще раз, глядя на него, и сердце вдруг защемило — она подумала, что теперь, наверно, не скоро увидит его снова.

Она начала спускаться.

***

— Шеррилья Дчжонс, — прочитал мистер Дчжонс очередное имя из Большой Книги. — Это твоя прапрапрапрапрапра — нет, на одно пра поменьше — бабушка — пояснил он дочери. — Мы назвали тебя в ее честь. Где-то тут у меня была ее фотография — он принялся крутить книгу, выискивая кармашки, где могли лежать фотографии. — А впрочем, я лучше поищу ее, когда дочитаю все фамилии. А то ужин никогда не начнется... Джон Джордж Джереми Дчжонс... Маргарита Дчжонс... Эклин Дчжонс...

Шерри внимательно слушала имена своих предков. Она сидела сейчас за столом на лужайке, смотрела не отрываясь на дом, где жили все эти люди, где жили ее родители, где жила она сама, и думала о том, что завтра уедет отсюда навсегда — и тут будет жить кто-то совсем другой.

Приключение на заброшенной мельнице
(короткая зарисовка из прошлого Шерри и Элроя)

— Ух ты! Элрой, только погляди! — восторженно выкрикнула Шерри, разгребая горку комиксов. Она вытащила один из них и с улыбкой продемонстрировала находку всем окружающим, после чего лукаво подмигнула Элрою. — Узнаешь?

— Ну еще бы! — Элрой почему-то потер рукой затылок. — Как такое забудешь? — тут он широко улыбнулся.

— Вы о чем? — с любопытством, которое ей совсем не хотелось скрывать, вступила Джулия.

— О Приключении, которое мы вместе пережили на старой заброшенной мельнице, — Шерри произнесла это предложение со всем подходящим его содержанию пафосом. Совсем как в детстве когда-то — когда она впервые его окрестила.

— Умеешь ты заинтриговать, — улыбнулся Роберт и принялся скептически разглядывать обложку комикса. — И, конечно, какое же Приключение без привидений и мистики? — немножко насмешливо спросил он.

— Конечно! — кивнула Шерри. — И я до сих пор не уверена, что же там произошло и кто там был... одно точно наверняка — Элрой в ту ночь действовал как настоящий герой и спас нас!

Все посмотрели на Элроя, он покраснел.

— Ты вела себя ничуть не хуже...

— Расскажи! Расскажи! Ну пожалуйста! Расскажи! — как заведенная стала канючить Джулия и в нетерпении теревить его рукав. Элрой дал ей потеревить его вдоволь с нескрываемым удовольствием.

— Пусть Шерри начнет... это же одна из ее любимых историй.

— Элрою всегда нравилось слушать, как я ее рассказываю, — кивнула Шерри. — Но после моего сегодняшнего рассказа ты все-таки внесешь свои дополнения, хорошо?

— Ну... — немного смутился Элрой. — Ладно, хорошо.

— Вот и замечательно! — довольно кивнула Шерри и взяла в руки комикс. — Когда мне только-только исполнилось 8 лет, мама с папой подарили мне на День Рождения целый набор комиксов с Земли. Этот — видите, он называется «Тайна заброшенной мельницы» — был моим любимым! Именно из него я впервые узнала о существовании привидений... Роберт, ну что ты надулся? Моя история — она ведь не единичная, нет? Есть много людей, которые утверждают, что видели... Впрочем, не знаю... как бы там ни было, мы с Элроем не были уверены, выдумки эти привидения или все-таки на Земле они реально существуют. Мама с папой их никогда не видели, но они и на мельницы заброшенные, и в замки старинные никогда не заходили... А если они все-таки есть на Земле, то почему бы им не быть и у нас тоже? Мы провели экстренное заседание Клуба и решили для начала найти «привиденческие» места — ну, те, что могли бы стать для них жилищем.

Очень долго искать не пришлось. Во время одной нашей загородной экспедиции мы обнаружили чудом сохранившуюся старую заброшенную мельницу — почти совсем как в комиксе!.. Ну, знаете, у нас за городами всегда много заброшенных полей, леса, природа. Мы еще выберемся, сами увидите... и вот, одна какая-то ветхая мельница там тоже нашлась. Очень, кстати, красивое место — и романтическое: кругом ни души, вороны каркают, и все по-осеннему унылое... единственное, кладбище рядом не было. Мы с Элроем решили, что просто обязаны сюда специально вернуться, чтобы выследить привидений.

Когда мы снова там оказались на закате, место, кажется, стало еще печальнее. Мы уселись ждать на дороге, а прямо напротив, через поле, была мельница. Я взяла с собой собрание комиксов о привидениях, и мы по очереди читали их вслух — для создания подходящего настроения. Пока читала я, Элрой должен был внимательно оглядываться по сторонам — ну там, вдруг появятся призрачные огни на болоте неподалеку или странные силуэты в окнах мельницы... и все в таком духе, мы же за этим пришли! И наоборот, когда читал Элрой, я была начеку.

Наступили сумерки — самое интересное время! Однако... призраки отсиживались и не подавали нам никаких сигналов.

Разумеется, я и не думала спать этой ночью! Я отчетливо помню, как взошла большая луна, а за ней и малая, отчетливо помню, как Элрой отправился поискать светлячков и как он потом вернулся. Помню, как он вздохнул — ни одного не нашел! А потом... потом он вдруг пропал! Я всего-то отвернулась посмотреть на большую луну — тут-то его и сцапали... впрочем, это мне тогда только показалось — наверно, я все-таки успела заснуть... Они утащили Элроя к себе! Мне это сразу яснее ясного стало! Из мельницы временами доносился какой-то шум, так что я могла хотя бы не сомневаться, где их искать! Звонить по видеофону я не стала: если Элрой в когтях призраков, это только помешает ему! Вдруг, например, ему удалось спрятаться, и он

уже прокладывает путь обратно— а тут я со своим разоблачительным звонком?! Ну нет!

Так что я не стала терять времени даром — и тут же побежала к мельнице! Так быстро, что по дороге даже потеряла фонарик. Но о каком фонарике может быть речь, когда Элрой пропал!

Я ворвалась внутрь и побежала на шум наверх. И тут... я увидела ЕГО! — Шерри произнесла последнее предложение с драматической расстановкой.

— Кого его? Элроя? — спросил Роберт.

— Нет же! Призрака, Духа Мельницы, привидение! Я до сих пор не знаю, как правильно его назвать... — Шеррин вид сейчас говорил о том, что она вновь пережила все ужасы того ночного свидания. — Он был большой, просто огромный, он хотел засосать меня под свою необъятную мантию! Он фыркал, сопел и плевался мукой.

Роберт хотел что-то вставить, но Элрой вовремя ткнул его локтем. Шерри, поглощенная своими воспоминаниями, ничего не заметила и продолжала со всей страстью рассказчика.

— На несколько секунд я совершенно оробела, но довольно быстро взяла себя в руки.

— Призрак! Я тебя ни капельки не боюсь! — закричала я что есть силы. — А ну верни мне Элроя! Тебе недолго осталось обитать в этой мельнице! И я не позволю тебе впредь засасывать живых детей и пожирать их мозги и...

Джулия поежилась.

— А, что? — Шерри охладила свой пыл. — Так поступали привидения в этом комиксе, — буднично пояснила она и вернулась к рассказу.

— А ну верни Элроя! — закричала я и бросилась на него.

Оно сопротивлялось как могло, но мне удалось поколотить его дважды. На второй раз оно больше не смогло удерживать Элроя — и он наконец показался в... эээ... нашем мире. Он тоже стал бить призрака, велел мне отойти в сторону, ну и... добил его! Представляете?! Один одинешенек! Столкнул его вниз по лестнице! Разве не герой?! Вот так мы освободили мельницу от населявшего ее кровожадного духа! — довольно закончила Шерри и стала серьезнее. — Конечно, сейчас я менее восторженно, чем в детстве, воспринимаю все происходящее. И, наверно, зря я так на него набросилась... не думаю, что ему и правда было больно, но испугаться он мог вполне... мы сами ворвались в его жилище, а никаких детей он, кажется, не ел, ничего такого... Элрой потом сказал, что сам пошел туда. Я никогда не понимала зачем, и Элрой не объяснял. Может, это призрак его тогда позвал, вот он и пошел, сам не зная, почему... вы что, думаете, я все выдумала, а?! Элрой подтвердит! Он всегда утверждал, что видел его! Ведь правда, Элрой? — посмотрела она с надеждой.

— Да, я его видел, — спокойно согласился Элрой. — И даже наподдал ему как следует, там, на лестнице!

— Он оставил Элрою несколько синяков на память. Даже фингал под глазом поставил! Вот как сопротивлялся! — добавила Шерри значительно.

Элрой помрачнел:

— Фингал и впрямь был громадный.

— Так ведь очевидно, что фингал... — начал Роберт, но Элрой закончил за него:

— ...поставил дух мельницы.

— Теперь твоя очередь рассказывать! — сказала Шерри с горящими глазами. — Я хочу знать всю правду! Что ты делал на мельнице и как ты встретил там духа! Только честно!

Элрой поглядел на всех слушателей, вперивших выжидательные взгляды на него, и начал — спокойнее, чем Шерри, и с несколько меньшим энтузиазмом:

— Шерри уже успела сказать, что зачитывалась подаренными комиксами. Днями и ночами. Днями и ночами она говорила в те дни о призраках и привидениях и жаждала встречи с ними. Мне тоже нравилось не меньше, чем ей, читать о них истории, слушать все эти страшилки, думать об их природе и так далее и тому подобное. Да и вам, я думаю, нравилось все это в детстве, и даже тебе, Роберт. Наверняка. Но вот в чем я не разделял Шерриного энтузиазма, так это в желании встретиться с ними лично. Мне вполне хватало рассказов о них от других. Пожалуй, я даже немного трусил... и не очень-то охотно верил, что они вообще настоящие, а не земные выдумки.

Тем не менее, я не мог не поддержать Шерри и не пойти с ней к мельнице. По правде говоря, там и впрямь было довольно жутко. Но красиво. Я готов был бы сидеть в том поле хоть неделю в ожидании Шерриных призраков, если бы не одно «но».

Тот поход мы организовали очень стремительно. Я никому не советую поступать так на Земле, но на Тыньче бродить по загородным окрестностям, даже детям и даже ночью, совершенно безопасно. Вы знаете, у нас давно уже искоренено само понятие «преступность». Тем не менее, мои родители всегда были против этих походов и добиться их разрешения было не так-то просто... Из... идейных соображений... но это неважно.

В тот раз мы собрались настолько спонтанно, что я даже не успел попросить их разрешения лично и... попросту удрал, оставив им записку... В то время я так нередко поступал. Согласиться отпустить меня в поход, когда я уже на месте назначения, им было заметно проще, чем когда я просил разрешения, будучи дома... но не в этот раз.

Когда я отправился за светлячками, они позвонили мне. Мама была очень расстроена, а отец пригрозил вообще запретить мне встречаться с Шерри как минимум на ближайший месяц, если я не вернусь завтра к полудню. Дело в том, что в это время к нам решила приехать на неделю тетина семья, и мне полагалось быть дома...

Я вернулся к Шерри ужасно расстроенный и не знал, как быть дальше. Мне не хотелось оставлять ее в поле одну. И не хотелось звать ее с собой в город и заканчивать наш поход ни с чем.

В какой-то момент меня осенила неплохая идея — не ждать, когда призрак выйдет к нам, а самому отправиться поискать его. Поторопить его немного — чтобы уж к утру быть свободными. «Если нам в любом случае предстоит с ним встретиться, так не все ли равно — сегодня или завтра?» — философски заметил я и пошел в сторону мельницы.

В мельнице было темно, и я решил не включать фонарик, чтобы не спугнуть духа, если он там все-таки имеется.

Я поднимался по темной лестнице все выше, долго блуждал где-то на втором этаже, стучался тут и там и все время звал призрака.

— Ничего себе! — воскликнула Шерри. — Ты не побоялся один ночью войти в темную заброшенную мельницу с твердым намерением встретиться там с призраком?! Да ты безрассудный храбрец!

— Ты просто не знаешь тетю, — как-то грустно вздохнул Элрой. — После ее разгневанного лица любой призрак...эгм... К тому же ты тоже поспешила в мельницу к призраку — сразу, как обнаружила мою пропажу!

— У меня не было выбора, — покачала головой Шерри. — Мне надо было спасти тебя!

— У меня он тоже вряд ли был, так что...

— А как ты его звал? — с интересом спросила Джулия.

— Как звал? — переспросил Элрой. — «Мистер Призрак!» — а как еще его надо было звать?.. И вот, так я бродил довольно долго и заглядывал в разные уголки, но его нигде не было видно... Когда я был у покрывала, которым накрыли какие-то совсем уж древние мешки с мукой, я вдруг услышал шум внизу. И, признаться, очень испугался — что это кровожадный мельничный дух объявился — за то, что я притронулся к его муке... Я сделал от мешков два шага в сторону, а больше не успел — на меня упало покрывало — наверняка брошенное им. Я начал чихать — понимаете, оно все было в муке. Кто-то меня ударил. Кто — не знаю. Может, я сам в темноте стукнулся, а, может, и мельничный дух, который был уже здесь.

Это подтвердила ворвавшаяся вдруг откуда-то Шерри. После своей краткой, но пламенной речи она принялась вместе со мной лупить призрака. Я старался, хоть и был под покрывалом, как мог, Шерри тоже, но призрачный дух оказался крепким орешком — дважды так меня стукнул, что просто ух! После таких ударов я вконец на него разозлился, сумел-таки выбраться из-под его, как кричала Шерри, мантии и решил, что самое время разобраться с ним самому. Мне хотелось оградить Шерри от дальнейшей опасности, она и так уже много сделала. Я и разобрался, как уже сказала Шерри. Призрак был повержен!

И даже домой я вернулся вовремя! Правда, с огромным фингалом под глазом и шишками на голове, так что тетя все равно... а, впрочем, это уже другая история. Эту же я никогда не забуду. Я был, несмотря ни на что, страшно горд, что сумел не только найти призрака, но и разобраться с ним. Мне нравилось, как Шерри всегда с упоением рассказывала эту историю. Есть о чем рассказать.

Элрой с улыбкой оглядел всех слушателей.

— И вот это ты называешь чистой правдой? — с нескрываемым разочарованием протянул Роберт.

— В тот момент и на долгое время она была для меня правдой. И для Шерри тоже.

— Но теперь уже нет... — сказала Шерри за него. — Ведь так? Что там было на самом деле? Так, как сказали бы... они... я не боюсь знать!

— Ничего там не было, — махнул рукой Элрой. — В темноте мы поколотили друг друга, а потом я скинул покрывало с мешками вниз по лестнице... Вот и весь сказ. Наверно, так эта история выглядит интереснее и в таком виде ее правильнее рассказывать... — он пожал плечами.

— Так этот фингал... ох! И ведь я даже не извинилась тогда, я же даже не догадывалась...

— За что же извиняться, если я им гордился... да и сейчас, если подумать, все равно горжусь, — виновато улыбнулся Элрой. — Лично мне до сих пор больше хочется верить в твою, Шерри, версию. И я искренне в нее верил... почему? Наверно, потому

что очень хотелось. Хотелось верить, что я могу сделать что-то героическое и не хотелось верить, что мы можем с тобой подраться. Глупо, да?

— Глупо или нет, — примирительно сказал Роберт после небольшой паузы, — а такое происходит повсеместно. Люди же по природе своей фантазеры. Как хотят — так все и видят... Возможно, иногда так и правда лучше для них получается...

Яблочко на травке

(об отцах и детях)

Бежевая шершавая страница выпала из рук мистера Макинтоша и, подгоняемая ветром, отлетела за дальнее кресло в гостиной. Мистер Макинтош, не взирая на рекомендации лечащего врача, резко встал, быстро подошел к креслу и тут же наклонился, чтобы ее достать. Все-таки он сильно сдал в последние годы от всех тех переживаний, что они принесли, хотя упорно не желал это признавать. Вот и сейчас — он двигался слишком стремительно, и от резкой перемены положения ему стало нехорошо. Немного придя в себя, он оглянулся по сторонам.

— Куда же она делась? — мистер Макинтош протянул руку за кресло и принялся нащупывать свою страницу. Вместо этого пальцы его прикоснулись к гладкой деревянной поверхности.

«Дерево? Как странно... наверно, какая-нибудь шкатулка... но откуда?» — мистер Макинтош постарался немного отодвинуть кресло, чтобы достать ее. Ему это удалось, но он опять почувствовал слабость и, вдобавок ко всему, ему стало душно.

Тяжело вздохнув пару раз, он посмотрел на предмет, который достал. Это и впрямь была шкатулка, довольно простая, с парой броских украшений.

«Лэйси такие обожает... небось потеряла пару месяцев назад и расстраивается до сих пор... — подумал мистер Макинтош, но тут же отказался от своего предположения. — Да нет же, она совсем не пыльная... хммм, похоже, она ее часто открывает... и прячет от меня! Там, за креслом! Невероятно! С какой стати ей что-нибудь прятать от меня?!»

Мистер Макинтош достал из кармана скрепку и попытался открыть единственный замок, защищавший шкатулку. Эта задача оказалась гораздо проще предыдущей, когда пришлось двигать кресло.

Он нетерпеливо поднял крышку, чтобы скорее узнать...

Ничего интересного там не было.

Всего лишь старые детские фотографии первого зама, да газетные вырезки о нем же.

Мистер Макинтош уже собирался захлопнуть крышку, но взгляд его, помимо воли, зацепился за одну из фотографий. Она состояла из множества кусочков, скрепленных в определенной последовательности скотчем и складывавшихся в единое изображение. В нескольких местах этих кусочков не хватало, а вместо них в качестве заплаток была использована простая белая бумага, где аккуратные записи миссис Макинтош компенсировали отсутствие изображений: «Тут висит полка с книгами», «Тут стоит бабушкина ваза» и т.п.

Мистер Макинтош долго разглядывал эту фотографию.

На ней был изображен он сам, лет на двадцать или даже двадцать пять моложе, и малыш Элрой, который тогда еще даже не начал ходить в школу. На снимке мистер Макинтош показывал сыну только-только полученное Специальное Инъекционное Разрешение, устанавливавшее для Элроя престижную и невероятно желанную специальность сверщика инъекций в Администрации. Фотография была вся мятая, в швах, и блестела от скотча, но он увидел все, что там изображено, до мельчайших подробностей. Он вычерпнул их из своей памяти, и теперь они предстали перед ним так ясно, как будто это было только вчера. Фотография воскресила воспоминания. Ему даже показалось на несколько мгновений, что он снова молод — в эти секунды он жил ожиданием, что темная гостиная вот-вот озарится светом от открытой двери и туда вбежит его сын — такой же точно, как на фотографии — растрепанный и счастливый.

На блеклой фотографии, конечно, было не видно, но мистер Макинтош помнил, как светилось лицо его сына в тот момент и все те дни. Эта фотография как будто вобрала в себя все лучшее, что было в жизни мистера Макинтоша. Отец и его благодарный, счастливый, любящий сын.

И это правильно и закономерно, ведь он всегда заботливо думал о судьбе сына, еще задолго до его появления на свет. Мистеру Макинтошу всегда хотелось, чтобы его будущий ребенок получил работу в Администрации, тесно связанную именно с инъекциями, потому как не было отрасли перспективнее. Об этом говорил тот факт, что в подавляющем большинстве случаев будущие президенты и их заместители начинали свой путь в отделах планирования. Ллойд с юных лет много и упорно работал, чтобы увеличить уровень своих доходов и добиться расположения милашки Лэйси — инъекционного аналитика по специальности. Она просто обязана была стать его женой, это он знал — рано или поздно он будет соответствовать всем финансовым

требованиям ее семьи. Его старания, что закономерно и естественно, будут в конце концов вознаграждены. Так и получилось, но на это ушло немало месяцев и даже не год и не два. Затем уже они вместе строили свое будущее. Им удалось купить дорогой дом в самом богатом районе Тчельпьюрри, который заметно повышал шансы мистера Макинтоша на получение престижной специальности для своего наследника. И все же, мистер Макинтош волновался до самого конца, хотя и старался не признаваться в этом Лэйси. Она была большая хохотушка, почти ничего не воспринимала всерьез и иногда даже упрекала его в том, что он придает инъекциям слишком уж большое значение.

— Другие специальности, мой дорогой, уверена, ничуть не хуже. Главное — чтобы он хорошо справлялся со своими обязанностями, а какие уж они — это не должно нас так волновать.

— Нет же, милая, нет. Не забывай: наш сын — это продолжение нас самих... Мой отец происходил из простой и довольно бедной семьи, но сумел подняться на новую ступень, заложив основы для меня, за что я ему безмерно благодарен. Я сумел подняться еще выше и заложить основы для сына. У него твердая почва под ногами, этим я горжусь, но это моя заслуга. Я же хочу гордиться ИМ и видеть, что мои усилия не были напрасны и он правильно распорядился всем, что ему от нас с тобой досталось. А это возможно лишь в том случае, если он пробьется дальше. Это длинный путь, милая, очень длинный, но именно в этом пути я вижу смысл существования — себя, тебя, моего отца, моего сына, всего нашего рода вообще. Одна случайная специальность заставит нас еще долго блуждать на пути к цели. Я не сомневаюсь, что он выбьется с любой, но ему тогда будет сложнее, и я не хочу, чтобы ему приходилось исправлять мою ошибку. Ведь именно на мне лежит ответственность за то, какую специальность он получит. На нас с тобой. В этой цепочке каждый член должен быть на высоте, иначе труд остальных пропадет.

Миссис Макинтош тогда кивала головой и выражала надежду, что все обойдется.

Момент, изображенный на фотографии, был центральным в жизни мистера Макинтоша. Именно тут он переживал свой триумф, пик своего отцовства: полученное Разрешение было чем-то вроде эстафетной палочки, которую он теперь передавал сыну — свою работу он выполнил, и теперь уже от самого Элроя зависело дальнейшее... Впрочем, все это время мистер Макинтош предусмотрительно готовил Элроя к будущим успехам. Он не жалел сил на воспитание сына, являясь в те дни главным его авторитетом — и не было никого другого и ничего другого между ними. Мистер Макинтош вспомнил славные ощущения тех дней — Элрой относился к нему как к герою, с трепетом прислушивался к любому его слову, а похвала из уст отца была ему лучшей и самой ценной наградой. Для него он был Главным Человеком на Свете. Макинтош-младший всегда очень внимательно и увлеченно слушал рассказы отца об Администрации, и было видно, как сильно ему не терпится в школу. Элрой любил свою специальность, он гордился ею, она занимала очень важное место в его жизни, и он всегда представлял себя остальным как «будущий сверщик». Отец редко рассказывал сыну, каких усилий стоило ему получить это Разрешение, потому что чувствовал, что и без них сердце сына переполняет благодарность.

Мистер Макинтош улыбнулся своим мыслям. Как давно он не чувствовал ничего подобного!

«Потому что все это давно уже в прошлом», — подумалось ему, и он помрачнел, наконец обратив внимание на заплатки и скотч.

Сын пошел в школу, и что-то в нем сломалось. Они с Лэйси перестали играть центральную роль в его жизни, и он никогда уже больше не придавал их похвалам такого значения, как раньше, а благодарность за специальность превратилась в немой упрек. Мистер Макинтош продолжал вкладывать — но уже ничего не получал взамен, никакой отдачи, и это никак не укладывалось в его понимание и в законы мироздания. До школы он был образцовым ребенком, после первого же дня — его как подменили... конечно, мистер Макинтош не мог это так просто оставить и пускать в ход все известные ему методы воспитания, но все было тщетно. Он чувствовал, что перестал его понимать... тогда-то, наверно, он не осознавал еще, в чем дело, и чувствовал непорядок лишь интуитивно, но сейчас-то он видит, что виной всему было именно непонимание. И с каждым днем эта пропасть только увеличивалась. Мистер Макинтош никогда не понимал, почему его сын с такой легкостью отбросил такие желанные когда-то инъекции и променял их на жуков и дикарскую планету... Что в них было такого? Склонность сына к бесполезной ерунде всегда противоречила всякой логике и разуму, это противоестественно, а потому уродливо.

Потом, конечно, были десять лет, в течение которых Элрой строил себе карьеру, и эти десять лет были самыми подлыми, потому что мистер Макинтош ему поверил. Поверил, что блажь его прошла, и радовался исцелению Элроя всем сердцем, насколько оно только умело. Мистер Макинтош и тогда продолжал контролировать сына, пусть даже на расстоянии, и всегда оставался доволен результатами своих проверок... Как он только мог так сильно и так долго обманываться? Это было совершенно нерациональное вложение времени и сил. Зачем поддерживать оболочку, если внутри все равно гниль?

Да, его ребенок, его наследник, тот, кому он доверил все свои надежды и чаяния, оказался всего лишь гнилым плодом.

Какое страшное оскорбление и какой позор! Для отца и для всего их рода! Его ничемное существование перечеркнуло весь путь его предков.

«Что я сделал не так? Почему он прогнил? Нет, я не понимаю! — мистер Макинтош сейчас никак не мог отогнать эти мысли от себя, и они возвращались к нему снова и снова. — Я же делал все, что было в моих силах, я столько вложил в него, я внимательно следил за ним... и к чему это привело? К гнилью!..»

Вот этот удар и подкосил его.

Разумеется, формально Элрой воплотил устремления отца — и сейчас он был первым заместителем Президента. Хотя мистер Макинтош точно обрадовался бы больше, если бы он пропал из поля зрения (и памяти всех тыньчжан заодно — и особенно его) сразу после своей безобразной речи на том кошмарном Заседании. Элрой был какой-то жалкой усмешкой всему тому, что хотел от него отец. Он успел уже разрушить их семью, успел разрушить отношения мистера и миссис Макинтош, успел повергнуть весь их род в хаос, но ему этого явно мало — теперь он намеревается разрушить все остальные мирные семьи на Тыньчже.

«Что же это, что же выходит?! Я вырастил разрушителя! — с ужасом пробормотал мистер Макинтош. — Он рушит все мое, все наше понимание мира и его устоев! Если так и дальше пойдет, он разрушит весь наш мир! И этот разрушитель явился из моего рода...»

Как он смеет, этот дурак, вести сам и поощрять такой безнравственный образ жизни! Что должно быть у него в голове, понять бы только, чтобы он позволял себе такие выходки! Решил свести на нет инъекции, пропагандирует сны в своей бесстыжей общине... Почему его только терпят и зачем? Почему он начинает получать все больше поддержки остальных? Мир рухнет на глазах.

«Выдрать бы тебя за уши как следует!» — в сердцах сказал мистер Макинтош Элрою на снимке и ощутил свою полную беспомощность.

Тогда это могло помочь, но теперь он вырос — и что ему слова отца? Мистер Макинтош теперь уже никак не может повлиять на поведение сына.

Больно было понимать, во что выродился этот милый мальчик на фотографии. Еще больнее было понимать, что он не в состоянии ничего исправить.

Мистер Макинтош перевел взгляд с этой фотографии на другие, он надеялся увидеть хоть где-нибудь лицо Лэйси — сейчас это было необходимо, он так соскучился по ней за эти два дня. В глаза ему бросился снимок, где они с Лэйси стояли совершенно счастливые у богатого дома, который недавно перешел в их собственность, а в руках у нее был младенец.

Вид их когда-то молодой и счастливой семьи подействовал на него успокаивающе.

Лэйси улыбалась ему искренней улыбкой, и мистер Макинтош не мог не улыбнуться жене в ответ. Затем он перевел взгляд на младенца, и ярость захлестнула его с новой силой. Ему стало совсем дурно.

У этого дурака тоже с некоторых пор появилась семья. Подумать только какая! Уродливее семьи мистер Макинтош не знал. Он отказывался верить в то, что все уже произошло! Осознание самого факта, что это случилось, вдруг надавило на него всей своей тяжестью, и он начал задыхаться. Ему казалось тогда, что если он не явится на свадьбу, не увидит ничего этого, не будет ничего об этом знать, то это все не произойдет на самом деле. Он ничего не видел — и ничего этого не было! Не было

этой отвратительной нищенки-жены с дикарской планеты, ее не было и их ребенка тоже! Его Элрой никогда бы не взял в жены такую женщину — без роду, племени и состояния! Это даже звучит смешно — с какой стати его сыну, богатому, перспективному, только-только вошедшему в цвет лет, оскорблять себя таким союзом? Да он самый завидный жених на всем Тыньже, любая девушка не думая примет его предложение, стоит ему только... Все это слухи, глупость, настолько неумелая клевета, что ее даже воспринимать всерьез не хочется.

Но Лэйси не стала бы распространять клевету! Она видела все собственными глазами! Где она сейчас? Где она в День Дружбы? В гостях у сына. Кушает за его столом — кушает то, чем ее угощает эта жалкая земная девица... вот как смеет сын унижать свою мать!

Мистер Макинтош больше не мог себя сдерживать, схватил не глядя несколько фотографий этого подлеца и приготовился порвать их в клочья.

В последний момент он остановился. В лице сына он увидел черты своей жены, вспомнил ее укоризненный взгляд. Уголки одного портретика были смяты, наверно Лэйси часто брала его в руки, может быть, она даже разговаривала с ним — ввиду невозможности общения с настоящим Элроем.

Мистер Макинтош сразу же после того Заседания запретил сыну появляться в их доме и даже звонить по видеофону. Лэйси ужасно не понравилось его решение, но он был непреклонен. Единственной уступкой, на которую он все-таки пошел ради Лэйси, стало позволение ей навещать их семейку в День Дружбы. Она все-таки женщина и не может без своих этих ласк... Мистер Макинтош считал, что одного дня в году ей вполне достаточно... но, теперь было видно, что, наверно, он ошибался.

— Бедная, бедная Лэйси!.. Тебя мне не жалко совсем, — сказал он мальчику на снимке, — но она тебя все еще любит, хотя ты и не заслужил ничем. Бедная моя, любить такого сына...

Он посмотрел еще раз на содержание ее шкатулки, посмотрел на уже порванную им давным-давно фотографию, которую она каким-то образом сумела собрать опять — с удивительным тщанием и старательностью — мистер Макинтош и не думал, что увидит ее снова.

Конечно, он может уничтожить все содержимое шкатулки, но это ничем ей не поможет — он все равно не сможет уничтожить ее бесполезную и вызывающую лишь жалость любовь к сыну.

— Лучше бы ты всегда таким оставался и никогда не выросал, — вздохнул мистер Макинтош, глядя на детское личико Элроя, положил все фотографии обратно и закрыл крышку.

Затем он встал, прошел на кухню, принял успокоительное и вернулся в темную гостиную. Там он сел на диван и стал ожидать, когда успокоительное подействует, прислушиваясь к мерному шороху занавесок на ветру — он завесил ими окна, чтобы солнечный свет не бил в глаза.

— Лучше бы он вообще не появлялся на свет, так было бы гораздо лучше, — мистер Макинтош поглядел в сторону кресла. — Лучше бы у меня вообще не было сына. Нет сына — нет проблем.

Успокоительное начинало понемногу действовать.

Мистер Макинтош подумал, что так оно всегда и было — и есть сейчас. Очень странно, что ему вдруг вспомнилось все это... он давно не вспоминал о нем и больше

никогда не вспомнит снова, забудет, так что он пропадет для него навсегда, как будто его и не было никогда. Ему совершенно не стоит переживать по поводу той отвратительной свадьбы сына, потому что у него нет сына. Нет сына — нет проблем.

Лэйси сейчас в гостях у своих друзей, но они никак не связаны с мистером Макинтошем — поэтому он решил остаться дома и не мешать им.

А тот человек, который сейчас занимает должность первого заместителя Президента, не имеет к мистеру Макинтошу никакого отношения. Что у них может быть общего? Они никак не связаны друг с другом. Случайное совпадение фамилий, всего-то. Он так и говорит всегда всем своим знакомым. И давно уже называет его, если требуется, первым замом и только так. По фамилии его не стоит называть, чтобы не было путаницы, а по имени — это было бы очень странно действительно, потому что никто не называет посторонних людей по имени.

Мистер Макинтош собрался подняться в свой кабинет и тут только вспомнил, что так и не поднял лист бумаги, который уронил. Он посмотрел в сторону кресла, где осталась шкатулка, и решил, что никуда этот лист не денется и что он поднимет его как-нибудь потом.

Нет сына — нет проблем.

***

— Доброе утро, дорогая!

— Доброе, дорогой!

— Ты поздно вчера вернулась? Я не помню, как ты пришла...

— Да, милый. Ты уже спал, я решила тебя не будить... ах, дорогой, мне там так понравилось! Так не хотелось уезжать! Еще хотя бы денечек... такая она пусечка!

— Кто?

— Их маленькая! Пусечка-распусечка! Ножками топ-топ, глазками хлоп-хлоп! Какие у нее глазки, дорогой! Голубенькие! А волосики мягонькие, коричневые слегка, они говорят, темно русые. И, знаешь, прямо так здорово вьются — сильнее, чем у папы, но до кудряшек мамы далеко... послушные такие волосики! Я ее глажу по волосикам, а она мне: «Бабушка, останься! Не уезжай, баааабушка!»

— Ну и осталась бы, коли такие они хорошие...

— Я знаю — ты не отпустишь, даже если захочу. А я и не хочу, дорогой, ты сам знаешь, я тебя одного не оставлю.

— Оставила же.

— На два дня всего — и то вся извелась, как ты там. И зря разве? Посмотри на себя! Совсем плохо выглядишь! Ты, наверно, все два дня в доме просидел и не ел ничего... Ллойд, Ллойд, ну что же ты делаешь? — она укоризненно покачала головой и поставила перед ним тарелку с кашей. — Сколько прошло лет с тех пор, как ты последний раз разговаривал с Элроем? Ты ведь даже ни разу не видел их маленькую...

— Какое мне дело до ребенка первого зама? — буркнул мистер Макинтош.

Миссис Макинтош всплеснула руками:

— Опять за свое! Первый зам, первый зам!.. Она твоя внучка!

— Нет у меня никакой внучки!

— Нет есть! — упрямо закачала головой миссис Макинтош. — Еще как есть и еще какая хорошенькая! А уж как на тебя похожа, дорогой! Из всех нас она больше всего на

тебя и похожа! Вылитый ты! Каждый раз как на нее посмотрю, так тут же о тебе и вспомню! Волосики, правда, у нее совсем не твои, и глазки голубые, но нос — нос точно твой. И ушки. Овал лица совсем как у тебя. А глазки может, конечно, и голубые, но разрез-то твой!

Мистер Макинтош ничего не ответил. Миссис Макинтош продолжала счастливо ворковать:

— А мама у нее, конечно, смешная ужасно... Такие они смешные, сил нет! Сели мы за праздничный стол, ждем только маму ее... ну ты знаешь, я говорю о самом начале, когда хозяйка угощает хозяина особым блюдом. Она там гремит-гремит на кухне, ойкает, но старается, сразу видно... выходит, наконец, с кастрюлей в руках, вся запыхавшаяся, и говорит: «А угадай-ка, что я приготовила! Что-то совершенно особенное и новое! Такого ты еще никогда не пробовал! Надеюсь, вкусно получилось!» Налила ему что-то в тарелку... Элрой ей кричит: «Да побольше, я ужасно голодный!», она еще подлила, а потом посмотрела в тарелку и как ахнет: «Ах! Ой! Я перепутала кастрюли и кинула перец не в ту! Ой, что получилось! Ой, посмотреть страшно! Не ешь, не ешь только!» и хочет забрать у него тарелку. А Элрой не отдает! Правильно делает, конечно, где ж видано, чтоб хозяин отказывался от особого блюда? Нет, говорит, хочу попробовать то, что получилось. Съел ложку — и вижу, еле-еле сдерживается, чтоб не выплюнуть. А она сидит, вся красная, виноватая такая: «Как же так? Я два месяца училась, так хорошо стало выходить, а тут перепутала...» А он ест дальше, тоже весь красный, и улыбается ей кое-как. Так тоже ничего, говорит. Она и повеселела. А он позеленел потом, сбегал куда-то — зато вернулся как новенький... Глупенькие, конечно, но смешные страшно! Угощения у нее, правда, простенькие, но он с таким удовольствием их уплетает, дорогой! С чего бы так — не знаю, он даже в детстве мои печеньки с мятой — ты помнишь такие, да? Они были его любимыми — как будто с меньшим удовольствием ел! — миссис Макинтош надулась, но ненадолго. — А вообще она милая. Мы с ней пошушукались потом на кухне, так что теперь ему еще вкуснее должно быть. Я же знаю, как он любит. Вот на следующий год и проверю... В любом случае, это лучше тех бесконечных бутербродов, которые он постоянно ел, когда жил один.

Миссис Макинтош замолчала. Ллойд так ничего и не сказал.

— Но главное-то что, дорогой. Главное — они мне сказали, и я так рада, так рада! Даже не знаю, как тебе сказать! Слушай, Ллойд, они мне сказали, что... — миссис Макинтош взглянула на мужа, но тот продолжал есть овсянку с отрешенным видом. — Дорого-о-о-ой! Знаешь, что они мне сказали? Они планируют завести второго! Ребеночка! Я так рада, так рада, милый! Так мне и намекнули — чтобы я не удивлялась, если на следующий День Дружбы я встречу еще кое-кого... ах, дорогой мой Ллойд, я вне себя от счастья! Элрою так нравится возиться со своей маленькой! А если их двое будет! Ах, дорогой... У нее там игрушки такие, знаешь, не как у нас. Почти все какие-то цветные, с Земли их что ли. Чудно, а она говорит — они красивые. А еще они учат ее родному языку ее мамы. Он ужасно странный, совсем на наш непохож! У нее и книжки есть — я сама в их букварь заглянула — это обхохочешься, какие у них буквы! Их 25 или 26 всего, ты подумай только! Смешные страшно, как они на них пишут? А вот... ей рановато пока еще читать, Ллойд, но они всем уже запаслись... любят они ее очень, да и как такую хорошую можно не любить?! А теперь их будет два, дай Бог! Пупсеночек, Ллойд, подумай! Тебе надо будет обязательно приехать к ним на

следующий День Дружбы, пупсыта быстро вырастают... видел бы ты, каким милым пупсеночком была их девчушка, таким хорошим пупсеночком, а теперь она и скачет уже, и прыгает, и даже пытается помочь маме на стол накрывать... а ты все пропускаешь, дорогой, это плохо, очень плохо. Дети так быстро растут!

Мистер Макинтош так ничего и не ответил.

— Дорогой, все в порядке? Как ты себя чувствуешь? Почему ты молчишь? Каша плохая?

Мистер Макинтош вздрогнул:

— Что-что, дорогая? Ты уже закончила?..

— Ты меня совсем не слушал! — она поджала губы.

— Ну да, — он отодвинул от себя пустую тарелку. — Какое мне дело?.. Тебе надо выговориться, милая, я не хочу тебе мешать, но, подумай сама, какое мне дело? Я не слушаю.

— Ллойд, — она устало вздохнула, — неужели тебе настолько все равно, как дела у семьи собственного сына?

— Лэйси, дорогая, я даже не понимаю, с чего ты взяла, что у нас с тобой есть сын...

— Дорогой, ну когда же ты откажешься от своих глупостей!

— Это не глупости, Лэйси, — раздраженно ответил он. — У нас с первым замом нет ничего общего! Ничего, понимаешь?! С тех пор, как он связал себя с дикаркой, он порвал все свои связи с нами, с нашим родом! Он к нему больше никак не относится! Я ни за что не допущу самую мысль об этом! Гнилью не место среди нас! Нельзя одновременно принадлежать тому и другому, тут либо мы, либо она. Он выбрал ее... и все, Лэйси. Никаких больше связей! Сколько он мне — столько и я ему. Сколько для него значат мои слова — настолько и я прислушиваюсь к его мнению. Насколько он понимает нас, настолько я понимаю его. Насколько он думает обо мне, настолько и я думаю о нем. Так что я поступаю по отношению к нему справедливо. Я не трогаю его и даю ему жить так, как ему хочется, — а он в свою очередь не должен трогать меня и лезть в мою жизнь. Он совсем не любит ни меня, ни тебя, совершенно посторонний человек — и с чего бы только мне любить его? Я только не понимаю, почему ты его так любишь.

— Он нас любит. И тебя тоже — и раньше любил, и сейчас тоже...

— Любит, да? Как же, вижу! Он бы никогда не предал наш род, если б по-настоящему нас любил! А он просто наплевал на наши чувства и...

— Нет, Ллойд, — перебила миссис Макинтош, — я же видела, когда приехала, что он... он все надеется, что как-нибудь ты тоже приедешь вместе со мной и посмотришь...

— Никогда я не приеду к нему! Незачем мне такие связи! И тебе, надо сказать, ни к чему. Я и так иду у тебя на поводу и только продлеваю твои мучения... Может быть, когда-то он нас любил, но это давно уже в прошлом — а ты так и не поняла... Он перестал любить нас еще в школе, вечно мы со своей заботой портили ему планы, все время он куда-то удибал... а теперь я наконец отпустил его на все четыре стороны, пусть делает, что хочет, — и пусть будет благодарен. Чего ему от меня еще надо? Если ему не было до меня дела, когда я думал о нем, то ему тем более не будет дела до меня сейчас, когда он стал мне совершенно безразличен. Люди никогда не любят

просто так... И почему это я должен вдруг идти к нему? Ну подумай только, зачем он мне?! Мы, к счастью, со всем справляемся и без его помощи, денег нам хватает...

Миссис Макинтош покачала головой:

— Дорогой, ему не все равно, ты же его отец! Он думает о тебе, что бы ты ни говорил, я знаю Элроя... и у него для тебя такая милая внучечка! А ты ее даже не знаешь, как же так! — она внимательно посмотрела на него. — Я волнуюсь за твое здоровье, дорогой, тебе бы самому пошла на пользу встреча с ней... Чем старше мы становимся, тем полезнее нам находиться с детишками... Если бы ты только узнал ее и приласкал — ты бы мигом...

— Нет у меня никакой внучки!

— Есть!

— А я говорю нет! Этот ребенок — самое нелепое существо на свете! Подумать только, уродилось же такое чудо на свете, как только мир его держит! Живое воплощение порока — вот что это такое, а не ребенок! Свидетельство порочных вкусов моего отпрыска, мог ли хоть кто-нибудь подумать, во что только выродится наш род! И надо же! Какая злобная усмешка судьбы, оказывается, оно еще и на меня похожим получилось! Повезло мне, ничего не скажешь, сейчас запрыгаю от счастья. Как я рад, что не видел ее ни разу! Я бы этого не вынес! Я с трудом слышу о ней! А ты все говоришь, и говоришь, и говоришь... И я сделал бы все, что возможно, лишь бы это существо не появлялось на свет никогда, но разве от меня тут что-нибудь зависело?! Нет, это все олух первый зам! Хорошо-хорошо, она моя внучка, но разве меня кто-нибудь спросил, хочу ли я такую внучку?! Так вот — не хочу! Тем более, я не хочу никакого второго пупсеночка! Пойми же, дорогая: даже если я признаю, что испорченный олух — мой сын, а его чудовища — мои внуки, это ничего не поменяет! Потому что я все так же не желаю ничего о них знать, и мне было бы гораздо лучше, если б их не было на свете вообще!

Миссис Макинтош с ужасом прижала руки к лицу, а потом залилась слезами.

— Лэйси, дорогая моя, — он попытался встать и обнять ее, но почувствовал, как силы покидают его, и так и остался сидеть за столом. — Ну не плачь, моя милая, не расстраивайся... У меня есть ты, а у тебя есть я, а больше нам никто не нужен... — он помолчал и добавил тихонько, — лучше будем считать их чужими, так всем будет лучше.

Она не стала ему сейчас возражать.

В этот день он не ходил на работу — пришлось провести его в постели.

Больше она ничего не говорила о первом замае — даже после его выздоровления.

***

Это было на следующий день после его юбилейного ДВвД в начале октября. Они с Лэйси сидели на балконе и смотрели, как закатное солнце садится за крыши домов. Вчера в доме было очень шумно от гостей, а сегодня они целый день наслаждались тишиной.

— Лэйси, милая, с каждым днем я понимаю этот мир все меньше, — прервал молчание мистер Макинтош и тяжело вздохнул. — Казалось бы, у меня есть все, что нужно в моем возрасте: прекрасная работа и финансовая стабильность, большой стаж, внушающий уважение окружающим, хорошее отношение коллег, друзья и

знакомые — вон их сколько вчера было... и, конечно, ты, моя дорогая, — он взял ее за руку. — Что бы я без тебя делал, милая?

Она улыбнулась:

— Так и есть, дорогой, именно так все и есть.

— А я все равно чувствую себя лишним в этом мире. Как будто правила изменились — а я так и остался... и не понимаю новых.

— Ну что ты, дорогой!

— Нет, Лэйси, что-то происходит... но что?.. Я чувствую, но не могу объяснить — все как будто такое же, как было, а все-таки... Посмотреть даже на нас с тобой! Вспомни: раньше мы всегда были заодно, всегда понимали друг друга с полуслова и придерживались одного мнения... а теперь, милая, ты как будто ускользаешь от меня. И весь мир вместе с тобой — привычный и понятный мне мир. Я совершенно потерял и не знаю, что делать, как его сохранить...

— Но-но-но, дорогой! С чего вдруг такие разговоры?.. Я тут, с тобой, держу тебя за руку — никуда и не думаю ускользнуть! — она засмеялась.

— Я знаю о твоей шкатулке в гостиной за креслом, — сказал он серьезно.

Она перестала смеяться.

— Не бойся, я не собираюсь отнимать ее у тебя, дорогая... но я не понимаю, почему ты так часто ее открываешь. Я не нахожу никакого разумного объяснения... Я не понимаю тебя теперь...

— Дорогой мой... — она не знала, что сказать.

— Не только тебя, милая. Я не понимаю других и не могу объяснить, что происходит с ними сейчас... Я не понимаю первого зама и все, что он говорит, — и всегда не понимал, еще когда он говорил все это только нам с тобой, — но я вижу, что некоторые, даже многие, понимают и им нравится... Иначе почему он до сих пор занимает свое место?.. Кто-то его понимает, но не я... какую такую красоту он разглядел в снах, зачем летать на дикарскую планету, когда у нас всего гораздо больше и лучшего качества, кому нужно тратить время на эти... как их... художественные истории или как там, когда есть своя жизнь? Это все необъяснимо с точки зрения здравого смысла, неправильно, милая, совсем не так, как было у нас раньше. Должно быть по-другому...

— Ллойд...

— А недавно я заметил, что перестал понимать даже себя, милая... чем больше я хочу его забыть, тем навязчивее мои мысли о нем... Дело даже не в том, что он сейчас мелькает в каждой газете, да в каждом выпуске новостей... Нет, Лэйси, я точно помню его не поэтому, но почему — не могу сказать... Это совершенно противоестественно, дорогая, я давно уже должен был его забыть... не понимаю, почему ты его любишь, не понимаю, почему я его помню... наверно, свихнувшийся мир сумел распространить свое тлетворное влияние на всех нас помимо нашей воли... Как защититься?

— Дорогой... я... я думаю, тебе никак не стоит защищаться. В этом же нет ничего плохого!

— Есть, Лэйси, есть! Это противоречит всем законам...

— Знаешь, Ллойд, — она вдруг перебила его, — мне кажется, это никак не противоречит законам, а просто не вписывается в них.

— Такого не может быть...

— Наверно, ты будешь смеяться, дорогой, но мне кажется, что с возрастом я стала мудрее. Я тут думала о небе...

— Что?

— Я говорю, я тут думала о небе. О небе, милый, которое над нами. Видишь, оно коричневое.

— Лэйси...

— А у Элроя в его саду оно совсем другое. Оно голубое, подумай только! А когда был закат, как у нас сейчас, я своими глазами видела, что оно стало красно-фиолетовым. Элрой мне сказал, что оно бывает иногда и рыжим, и розовым, и каким только еще!

— Это просто страшно, что он там вытворяет — даже с небом!

— И я ему так сказала в первый раз — как страшно оно выглядит! А он сказал: скорее, непривычно. Не страшно, Ллойд, а непривычно... и знаешь, что самое удивительное? Оказалось, что самое правильное небо — оно таким было когда-то везде, но только задолго до нашего появления — это именно такое, какое оно у него.

— Я ему не верю...

— А я верю, дорогой, зачем ему врать?.. Мне никогда и в голову не приходило, что так вообще может быть! Небо голубое, а мы всегда думали, что оно может быть только коричневым... не только МОЖЕТ, но и ДОЛЖНО таким быть... А знаешь, дорогой, почему? Потому что никогда не сталкивались с голубым — это-то и навело нас на мысль, что коричневый — единственно возможный вариант, а значит — он автоматически правильный... Да, милый, я не понимаю восторга Элроя по поводу этого голубого неба — ведь правда наше коричневое лучше? Но если он считает, что голубое лучше — пусть считает, я не буду настаивать. Оказывается, так можно — иметь сразу несколько правильных вариантов: мы оба правы в наших предпочтениях... Я подумала еще, мой дорогой, я много думала в последние годы. И решила, что жизнь сложнее, чем то, что мы с тобой видели, чувствовали, чем то, что нам о ней говорили и что мы говорили о ней. Есть вещи, о которых никто много лет не говорил, с которыми никто много лет не сталкивался, — настолько долго, что все решили, что они не бывают совсем. Но они возможны, мой дорогой, просто с нами они не случились. Или мы их не заметили. Но даже если что-то не случилось с нами, то совсем не обязательно, что это не может случиться с кем-нибудь другим — раз такой вариант в принципе возможен... Это мне небо помогло понять, милый! Нравится нам или нет, но оно может быть где-то не только коричневым, но и голубым — и на Земле оно такое — а главное, ему МОЖНО быть голубым — даже если мы всю жизнь видели его только коричневым.

— Дорогая, ты мелешь полную чепуху...

— Нет, Ллойд, я говорю о том, например, что нам с тобой никогда не говорили, что возможно полюбить просто так, ни за что, без всякой финансовой или какой-нибудь еще выгоды... и теперь нам кажется, что по-другому и не бывает, и что мы ДОЛЖНЫ любить только тогда, когда нам выгодно, что только так правильно. По-другому, кажется, с нами и не случалось, мы всегда любили за что-то... Почему ты выбрал и полюбил меня, дорогой?

— Потому что ты была инъекционным аналитиком, моя крошка. Я хотел быть связанным с инъекциями, я же много раз говорил тебе... инъекции — самая перспективная сфера, по крайней мере, такой она была в наши времена...

— Да-да, дорогой, именно так. А почему я выбрала и полюбила тебя?

— Потому что я один из всех них обещал тебе, что мы почти сразу после твоего замужества переберемся в богатый дом.

— Все так, милый! А почему ты любил Элроя?

— К чему все эти разговоры сейчас, Лэйси? Мы не в детском саду. Все настолько элементарно, неужели тебе правда надо объяснять?

— Я знаю, Ллойд... но мне все-таки интересно.

— Он ничем не отличался от инвестиций, которые в будущем обещали принести доход и престиж... но я прогорел, милая, мы прогорели...

— И я так думала, дорогой, а теперь я понимаю, что было что-то еще...

— Не было никогда ничего больше.

— Было и есть. Мы просто не замечали раньше и не очень-то замечаем сейчас, мы не отдаем себе отчета...

— Вот как он, значит, пудрит тебе мозги, когда ты у него бываешь? Я и не думал, милая, ты никогда не несла столько чуши в один вечер.

— Считаю как хочешь, дорогой, и дай мне считать так, как хочу я... на этой их Земле по-другому.

— На этой их Земле все не так, как у людей!

— На этой их Земле все непривычно, Ллойд, но почему же сразу неправильно?! Так вот, милый, у них там такие разговоры, как у нас, почему-то считаются неприличными. Они признают, что полюбить можно как-то по-другому, не знаю как, но как-то еще, как Элрой полюбил ее, как мы его полюбили... они давно это знают, а мы — нет...

— Хех, Лэйси, тут все ясно: они ненормальные.

— Вряд ли. По крайней мере земная Джулия — так ее зовут — не кажется такой уж сумасшедшей, дорогой... хотя смешная, конечно... но я говорю о том, милый, что наши правила не предусмотрели варианта, в который попали мы с тобой. Мы же до сих пор любим Элроя... нам это непонятно, конечно, потому что за что же его любить теперь, ты сам мне когда-то говорил... а мы любим. Тут что-то больше, чем простая выгода...

— И что ты предлагаешь? Как-то же надо с этим разобраться?

— С этим не надо разбираться, дорогой.

— Но я не могу понять...

— И это необязательно понимать. Надо просто принять, милый, принять, что оно есть, даже если объяснить не получается. Оно все равно будет.

— Глупости...

— В этом нет ничего страшного.

— Еще как есть...

— Я тоже не сразу приняла, дорогой... но давай не будем ругать больше Элроя? Что ему делать, если с ним случилось то же, что и с нами? Он полюбил ее, эту Джулию, не знаю за что, не понимаю, но давай просто примем это, не вынося никаких оценок тому, что случилось... так тоже, оказывается, бывает. Это непривычно, конечно, но, как я убедилась, совсем не страшно. Ему не мешает любить ее то, что у нее нет ни денег, ни положения...

— Несчастный! Он ненормальный!

— Наоборот, Ллойд, он ужасно счастливый! Давай на этот День Дружбы съездим к ним вместе, и ты увидишь...

— Никуда я не поеду, даже не проси! Тебе кажется, что ты помудрела? Вынужден тебя расстроить, Лэйси, раньше ты соображала гораздо лучше.

— Ллойд, ему ужасно хотелось бы наладить отношения с тобой! Я-то знаю, дорогой! Он тебя любит!.. Просто сам он не такой, как ты и я, другой... почему — непонятно, но это же не делает его хуже! Он просто другой, такой, какой есть. И он совсем не заставляет тебя становиться таким же, как он, не заставляет тебя понимать все, что ему нравится, расхваливать сны и остальное, он просто хочет, чтобы ты признал право на существование и его точки зрения, да разрешил ему наконец быть таким, какой он есть. Ну давай же...

— Лэйси, я иду спать, — холодно оборвал мистер Макинтош.

***

Уже через несколько дней после этого разговора ему понадобилось ехать в Тчельпьюрию. Впервые за эти годы. Он старался как мог отсрочить свою командировку, переложить ее на кого-нибудь другого, но видимых причин для этого у него так и не нашлось.

«Хорошо хоть, это никак не связано с Администрацией», — утешал он себя.

Лэйси вызвалась ехать с ним:

— Она сильно изменилась за эти годы — намного сильнее, чем наш Шеттильдчж, тут все медленнее... А там у них появились скверики всякие, слово для них модное... ландшафт, вот! Указатели, конечно, висят, но я не хочу отпускать тебя одного, дорогой... мы с тобой давно там не бывали, ты соскучился? Я ужасно соскучилась... мы же с тобой истинные тчельпьюрийцы в душе, правда? Может, в свободное время посмотрим на наш прекрасный дом? Мы там не были уже сколько...

— Там первый зам сейчас обосновался?

— Да, он опять его выкупил.

— Дорогая, вот чего мне меньше всего хочется...

— А мы посмотрим на наше бывшее гнездышко издали... И он сейчас, наверно, живет в своей квартире, которая в центре, рядом с Администрацией...

— Все равно, Лэйси, не хочу. Я тебя сразу предупреждаю, что постараюсь справиться со своими делами как можно скорее. В идеале — за один день. Мы телепортируемся как можно ближе к... опять выпало из головы, как там эта улица называется? Надо проверить и посмотреть, где там ближайšie будки... Я выполню все поручения, и мы тут же отправимся обратно.

— Ну как хочешь, дорогой... не забудь только свою трость!

Но так получилось, что в Тчельпьюрии ему пришлось задержаться.

День не задался с самого начала.

— Милая моя, тут сплошной разлад, — пожаловался мистер Макинтош, когда вышел на улицу. — Я все бумаги свои оставил их противным роботам, подумай только! Раньше такую работу выполняли люди! Сплошное пренебрежение со всех сторон! Что за времена пошли!

— Ну-ну, дорогой, не расстраивайся! — она сочувственно погладила его по плечу. — Я слышала, роботы стали теперь намного надежнее, чем раньше. Вот Ширли,

которая, ну, знаешь, из пятого отдела, говорит, что они оформили ей даже справку-эртиэйчжишку по стандарту 534! И ни разу не ошиблись!

— Но я еще не договорил, дорогая. Это не главное! Они отказались рассматривать ту, третью папку. Сейчас, видите ли, их начальник-человек занят чем-то другим, до меня дойдут руки только вечером... И чем нам себя занять, милая? Отправимся что ли в ресторан... какие тут есть поблизости?

— Если я не ошибаюсь, дорогой, там за этим... как там? ландшафтом — есть один очень приличный, меня туда как-то раз еще в детстве пригласили родственники. Помню, я пробралась на кухню, так интересно было! Их повар даже показал мне, как жарить яичницу с креветками.

Мистер Макинтош оглядел оценивающим взглядом вырисовывающийся впереди ландшафт:

— Милая, обязательно идти через него?

— Так гораздо короче получится...

Он нехотя согласился.

Ландшафт оказался очень крупным. Мистеру Макинтошу казалось, он никогда не закончится. Дорога была мерзкая, вся грязная от упавших высушенных листьев, которые неприятно шуршали, когда попадали под ноги.

— И все его ландшафты такие?

— Нет, дорогой. Как-то я попадала в тот, что зовется «сквером» — он был поменьше. А этот, кажется, относится к типу «парк».

— Надеюсь, он скоро кончится! Я уже потерял счет времени... и мне не терпится снова ступить на чистый асфальт! Сколько ж можно идти по мусору!

— Дорогой, мы идем минут пятнадцать... еще минуток десять — и будем на месте.

— Надо быть умалишенным, чтобы позволить снести все дома, что тут были, вот ради этого, — мистер Макинтош покачал головой.

— Дорогой, ты сегодня не в духе, как я вижу!

— Конечно, милая. Сколько бесполезной работы, подумай! Сломать дома, расковырять асфальт, навезти здоровых деревьев с окраин, посадить их сюда, устроить мерзкий свой ландшафт со своей этой мерзкой зеленью, откуда так и валится на голову всякий цветной мусор... полный идиот, кромешный!.. Только его мне тут и не хватало... — мистер Макинтош остановился как вкопанный.

Они с Лэйси стояли за деревьями, в просвете за которыми он увидел маленькую полянку, у которой расположилось все их несуразное семейство.

Его женушка сидела к ним спиной, так что он видел только копну ее бесстыдно желтых волос. Она сидела на небольшом стульчике со спинкой и рисовала что-то на мольберте, который стоял перед ней. Сбоку от нее был маленький столик с красками и кисточками.

— Она рисует пейзаж с натуры, — подсказала миссис Макинтош, зная, очевидно, многие из их дурацких терминов. Мистер Макинтош не стал спрашивать разъяснений.

Рядом с ней стоял еще один стульчик, раскладной, который сейчас пустовал, и корзинка, наверно, с едой.

Стоял погожий октябрьский денек, солнце светило вовсю и освещало крошечную полянку, на которой резвился первый зам. Он бегал в самом конце полянки — от дерева к дереву.

— Ну что за идиот, — вздохнул мистер Макинтош. — Пойдем, отсюда, Лэйси, пойдем сейчас же...

— Нет-нет, Ллойд, дорогой, подожди! — она вцепилась ему в руку. — Подожди, милый, это они так играют! Ты же еще не видел...

— Я видел достаточно, — он попытался развернуться, но Лэйси еще сильнее вцепилась ему в руку. — Лэйси, отпусти же меня наконец!

— Дорогой мой, но как же...

— Папочка! Папочка! — услышал он вдруг звонкий детский голосок и, не отдавая себе отчета, посмотрел обратно в сторону первого зама. Теперь он был не один. Из-за деревьев на том конце к нему выбегала маленькая девочка. Она была примерно того же возраста, что и Элрой на том порванном и вновь склеенном снимке, который хранился у миссис Макинтош в шкатулке.

Мистер Макинтош вздохнул резко несколько раз и крепко взял миссис Макинтош за руку.

— Вот она, крошечка-лапулечка! Такая она хорошенькая, правда? Давай я вас познакомлю!

— Не вздумай, Лэйси! Не вздумай, — машинально произнес мистер Макинтош, не отводя взгляда от ребенка и его отца, которые сейчас бегали, смеясь, по поляне.

Он как будто совсем забыл о существовании этой девочки.

Он никогда не видел ее хотя бы на газетной фотографии. Иногда на официальных мероприятиях Элрой фотографировался вместе с женой, но, по-видимому, старался не афишировать свою личную жизнь, а потому в газетах никогда не появлялось фотографий этой маленькой. Да если бы и появилась — разве б захотел мистер Макинтош смотреть на нее?

И он никогда не мыслил Элроя в каком-то другом образе, кроме газетного. Там он всегда выступал лицом официальным, постоянно делающим какие-то заявления, издающим указы и постановления, устраивающим проверки, пресс-конференции, встречи с журналистами и т.д. и т.п. Еще мистер Макинтош помнил его ребенком, растрепанным мальчиком, который жадно слушал по вечерам отцовские рассказы об Администрации...

...а теперь его самого кто-то называет папой.

Мистер Макинтош пытался свыкнуться с этим для него как будто совсем новым фактом.

— А ты собирался уходить, — довольно шепнула миссис Макинтош и склонила свою головку ему на плечо. — Они просто загляденье, правда, дорогой мой? Такие солнышешки, оба! Помнишь, каким малюткой он был? А теперь сам папочка!

Мистер Макинтош молчал.

— Растяпа он, вот кто, — наконец выдавил он и добавил, подумав. — И бездельник, каких свет не видывал. Додумался же устроить себе выходной в рабочий день!

И снова замолчал. Они наблюдали, не говоря больше ни слова. Сюда очень хорошо долетал смех с поляны.

И внезапный грохот.

Его жена нечаянно уронила все свои краски, а вместе с ними и стульчик с корзинкой. Она жалобно вскинула руки и растерянно разглядывала образовавшийся всего за несколько секунд большой беспорядок.

Элрой тут же подскочил к ней и принялся старательно собирать все краски, которые она уронила. К нему вскоре присоединилась добежавшая до них дочка (конечно, она бежала со всех ног, но куда ей было угнаться за папой?). Она смеялась и старалась со всем своим немножко чрезмерным детским усердием разложить краски, очевидно, в какой-то особой последовательности.

— Безобразие, — заметил мистер Макинтош недовольно. — Какая нашлась, чтоб у ее ног так плясать. Сама не шелохнется, госпожа без роду-племени! Унижение какое, я даже рад, что никто кроме нас больше не видит!

— Не знаю, дорогой, — миссис Макинтош неуверенно покачала головой. — У нее вечно что-то валится, но обычно она сама старается поднимать, хотя бы часть...

Тут жена его встала, чтобы отряхнуться, и он почувствовал, как Лэйси с новой силой сжала его локоть:

— Да она беременная, Ллойд, вот оно что! — она вся светилась от счастья. — Ну конечно, милый, помнишь, они говорили... они ждут лялечку, милый, пупсеночка! — миссис Макинтош даже замолчала на какое-то время, переживая свой восторг. — Интересно, мальчик или девочка? Совсем скоро уже узнаем, мой милый, дорогой, любимый Ллойд!.. Ну ведь правда она очень смешная?

Мистер Макинтош лишь неопределенно хмыкнул.

Девочка подбежала к папе, который все еще поднимал что-то с травы, и стала бегать вокруг него с криками:

— Лошадка! Лошадка!

Элрой разулыбался, наклонился посильнее, чтобы она смогла залезть ему на спину, а потом стал ползать по траве на четвереньках и издавать нечленораздельные звуки, которые, наверно, он относил к понятию «лошадиные».

— Идиот, — отметил мистер Макинтош не очень уверенно. — Что он делает, дорогая?

— Они так играют, — пояснила миссис Макинтош. — Он очень любит с ней играть, я же тебе говорила.

— Это самая идиотская игра, какую я только видел... никакого уважения к себе, ребенок же перестанет его слушаться... откуда он такого поведения набрался, я же никогда... — он решил не продолжать. И так понятно.

Девочка все это время хохотала от души.

— Им нравится, — заметила миссис Макинтош. — Смотри как хохочут.

— Мой папа — самый лучший на свете тexasский конь! — торжественно провозгласила малышка. Потом она взглянула на мать. — А мамочка — самая красивая во всей-всей Вселенной тexasская принцесса!

— Что такое тexasский? — спросил мистер Макинтош.

— Какой-то земной материк, — рассеянно пояснила миссис Макинтош.

Потом девочка слезла со спины Элроя, сняла с его лица стекла и постаралась нацепить их на свой носик.

— Смотри, мам! И ты, пап, тоже! Это ты в телевизоре! — тут она важно подняла головку и задрала вверх указательный пальчик — совсем как Элрой. Но вскоре ей

наскучило, она отдала стекла обратно, огляделась по сторонам и указала на кусты, которые росли в одном из дальних концов поляны.

— Можно мне побегать в моем лабиринте?

Очевидно, они бывали тут нередко. Элрой кивнул, посмотрел, как она добежала до кустов и затерялась где-то в их зелени, а затем повернулся к жене.

Он сел на раскладной стульчик, и они стали о чем-то тихонько разговаривать — мистер и миссис Макинтош не могли разобрать слов.

— Ах, милый, ты только взгляни на них! Воркуют как два голубка, будто только вчера встретились! — миссис Макинтош нежно погладила его по ладони. — Ну, поцелуй меня сейчас, милый мой Ллойд!

Как будто услышав ее, молодая чета вдруг перестала болтать и поцеловалась.

— Ты думаешь, правда?

— Что, дорогой?

— Они правда любят друг друга?

— Ну посмотри сам, дорогой, разве ты видишь не то же самое, что и я?..

— Мы стоим к ним слишком близко, — вдруг спохватился он. — Они могут нас заметить...

Миссис Макинтош хихикнула и указала на кусты:

— Смотри, маленькая уже выскочила из кустов, а они даже не заметили.

Слишком поглощены собой — куда им до нас.

— Бестолковые. Ребенок сейчас убежит! Что же будет, когда у них появится еще и второй?! Они за одним уследить не могут... посмотри, Лэйси, куда она бежит? Что она делает, Лэйси, скажи мне?

— Я думаю... — миссис Макинтош взглянула на передвижения девочки оценивающим взглядом, — я думаю, она просто играет. Зачем ей убежать далеко от мамочки с папочкой?

— Но она бежит в противоположную сторону...

— Она решила их разыграть, наверно.

Мистер Макинтош посмотрел на нее недоуменно.

— Раз она так сделала при мне... это называется разыграть. Она очень любит подбегать к ним со спины, особенно когда они слишком уж поглощены своими разговорами, как сейчас... ее это ужасно веселит. Видишь, вон ее головка, уже с другой стороны полянки. Она думает, с какой стороны к ним лучше подобраться...

Мистер Макинтош неуверенно посмотрел на нее, а потом на ее родителей.

— Наверно, с нашей лучше всего... — предположил он. — Мы же видим их со спины... если ты, конечно, не ошиблась, и она действительно хочет сделать именно то, что ты сказала...

Миссис Макинтош тихонько указала на зашуршавшие неподалеку кусты, откуда вскоре выбежала девочка. Теперь она была к ним гораздо ближе.

— Лэйси, дорогая, — шепотом заговорил мистер Макинтош, — пойдем уже. Она нас сейчас увидит. Пойдем, — он неуверенно освободил свою руку из ее, но так и остался стоять на месте, растерянно наблюдая за девочкой.

— Почему же она не бежит к ним, милая? Что она делает теперь?

— Она собирает упавшие листики, дорогой.

— Вижу. Но что это и зачем?

— Она хочет подарить их маме с папой, когда подбежит к ним...

— Откуда ты знаешь?

— Я же говорю, однажды она уже разыгрывала их при мне... тогда она была меньше и принесла им какие-то камешки, которыми они украсили дорогу к дому...

В этот момент они услышали голос Элроя с другой стороны поляны:

— Яблочко, пора домой! Мама устала и хочет полежать! Выходи из своего лабиринта, крошка!

Но девочка продолжала как ни в чем не бывало наклоняться к земле, поднимать и опускать упавшие на нее листья. Понравившиеся она оставляла в руке.

— Слишком увлеклась, малютка, даже не слышит, старается, — прошептала миссис Макинтош нежно.

— Яблочко! — голос Элроя прозвучал настойчивее. — Мы тебя ждем!

— Почему он зовет ее яблоком? Что за ерунда?

— Он зовет ее Яблочком, дорогой, это такое ласковое обращение.

Мистер Макинтош недовольно фыркнул:

— В жизни не слышал ничего подобного, — он посмотрел на Лэйси и добавил, — а я много ласковых обращений слышал на своем веку... Но только не яблоко. Назвал бы ее хотя бы огурцом — и то лучше.

— А ей нравится, милый.

— Она любит яблоки?

— Наверно, не замечала... они мне говорили, что это еще как-то связано с родиной ее мамы...

— Яблочко! Мы с мамой волнуемся, куда ты запропастилась? Выходи!.. Твой лабиринт слишком ветвистый для папы, ему сложно до тебя добраться! Лучше ты выходи к нам!.. Мы тебя ждем!

Девочка продолжала собирать листья. Мистер Макинтош сосредоточенно следил за каждым ее движением.

— Дорогая, и все-таки: что она делает?

— Она собирает листики, дорогой.

— Но зачем, Лэйси? Зачем она это делает?

— Она хочет их подарить, дорогой, я же говорила...

— Ты уверена?

— Абсолютно!

— Но почему, Лэйси? Почему она хочет подарить им именно эти листья? Они старые, темные и пыльные, их сейчас кругом полно, их можно взять просто так, они ничего не стоят, ни капельки, и они ни для чего не нужны... зачем их еще и дарить? Это же мусор, Лэйси, всего лишь мусор и ничего больше.

— Она считает их красивыми.

— Почему? Почему, Лэйси? — мистер Макинтош напряженно сжал пальцы свободной руки в кулак. — Я не понимаю... Почему они красивые, Лэйси?! Почему я этого не вижу?! Объясни мне, почему они красивые...

— Я не знаю, Ллойд... — она взяла его руку в свою, и ему стало спокойнее.

— Я тоже не знаю... — повторила она и виновато улыбнулась, — ...как и ты... для меня это просто листья, мусор, который давно уже следовало убрать... но она видит в них что-то еще, что-то, чего мы не видим, и... это ведь хорошо?.. Смотри, какая она зато счастливая. И впрямь, маленькое румяное яблочко на травке.

Тут девочка вдруг подняла головку и посмотрела в их сторону. Мистер Макинтош заметил, как изменилось выражение ее лица — она узнала Лэйси — и легонько сжал руку жене.

Весь вид девочки сейчас выражал восторг, но прежде чем она успела закричать хоть что-нибудь своей бабушке, миссис Макинтош приложила указательный палец к губам.

— Тс-с-с, Яблочко! — почти беззвучно прошептала она и жестами поманила девочку к себе.

Девочка бросилась к ней со всех ног.

— Бабушка, бабушка! — рассмеялась она звонким детским смехом, когда оказалась в ее объятьях. — Откуда ты тут?! Теперь можно говорить?! Во что мы играем?

— Тихонечко можно, золотко мое, — улыбнулась миссис Макинтош, не отпуская ее от себя. — Я так соскучилась, милое мое Яблочко! Ты так выросла! Дай еще разок обниму тебя, солнышко!

Мистер Макинтош стоял немного неловко в стороне, чтобы не мешать, и внимательно наблюдал за ними.

Лэйси права: дети быстро растут... Как было бы хорошо, если бы они всегда оставались такими, как эта крошка сейчас. Зачем только они вырастают?.. Пройдет еще немножко времени — и ей больше уже не будут нужны бабушкины солнышки и золотца или папины лошадки... она пойдет в школу, появятся друзья, от которых она наберется каких-нибудь очередных вздорных идей, перестанет слушаться папу... а он так и запомнит ее такой, какая она сейчас, на всю жизнь. Маленькой крошкой, для которой он Самый Лучший В Мире...

«И ведь я даже не знаю, как ее на самом деле зовут, — подумал мистер Макинтош, видя, как миссис Макинтош в очередной раз прижала ее к сердцу, — настолько мне было все равно... для меня это теперь совершенно чужой человек, я ничего о ней не знаю, совсем ничего... А знает ли она хоть что-нибудь обо мне? Наверно, нет, я же запретил... что уж теперь? Лэйси получила то, что заслужила, и я получил то, что хотел... она тоже не знает моего имени...»

Миссис Макинтош наконец перестала обнимать внучку и теперь лишь гладила ее по головке.

Девочка с любопытством поглядывала на молчаливого незнакомого господина, с которым пришла бабушка, но, заметив, что он тоже внимательно разглядывает ее лицо, сконфузилась и придвинулась поближе к бабушке.

— А весной я была у моей другой бабушки! А у нее есть дедушка! Ты их знаешь?

— Нет, милая, не знаю... они очень далеко от нас живут.

Девочка кивнула:

— В космосе... А еще они говорят только на английском. Но они такие же хорошие, как ты!.. Они подарили мне книжку с техасскими лошадами! Когда я там была, я видела живых... папа так смешно их кормил, — она заливисто рассмеялась, а потом опять вперилась в бабушку своими голубыми глазками. — У моей другой бабушки есть дедушка, а у тебя есть?

— Крошка, — миссис Макинтош закусил губу и огляделась по сторонам, — а почему ты не идешь к маме с папой? Вон как они тебя зовут!

— Правда? — удивилась девочка и посмотрела назад. — А я не слышала раньше!

— Посмотри, золотце, папа уже полез в твой лабиринт, вон он там что-то кричит...

— В моем лабиринте акулы, ему туда нельзя! — испугалась девочка.

— Акулы?! В Тчельпьюрьи?!

— Это особый лабиринт. В нем есть акулы тоже, — уверенно кивнула она. — Вот, бабушка, это тебе! — она протянула ей часть листиков, которые были у нее в руке.

— Спасибо, Яблочко! — улыбнулась миссис Макинтош, принимая ее подарок. — А теперь беги спасать папу от акул!

— Конечно, бабушка! Только не уходи никуда! Мы совсем скоро вернемся!

Мистер Макинтош стоял в стороне. Как только он заметил, что девочку смущает его взгляд, он принялся разглядывать никудышные попытки собственного сына забраться в самую гущу кустов на той стороне. Рядом стояла его жена и нервно приглаживала свои кудряшки.

— А это вам! — раздался вдруг голосок внизу. Мистер Макинтош оглянулся и увидел перед собой протянутый маленькими ручками букетик упавших листьев, а за ним — улыбающееся личико своей внучки. Оно было таким хорошеньким, а улыбка такой искренней, что мистер Макинтош не мог не улыбнуться в ответ.

— Благодарю, — сказал он, сжав букетик в своей руке, — а теперь давай, беги. Мы с бабушкой сейчас к вам подойдем.

О Бобе и Лили

— Папочка совсем тронулся, — делано вздохнула Лили и поправила легким движением руки прядку волос, потому что мимо как раз проходил красавчик Джеф.

Лили и Минди повздыхали пару минут в тишине, после чего Лили продолжила разговор:

— Так вот, о папе. Я и раньше уже говорила, что он тронулся на своей науке. А знаешь, что вчера? Ему вдруг взбрело в голову, что я как самая умная просто обязана тоже, как и он, питать мозги всей этой научной мутью, понимать, как устроен мир, расширять свой кругозор, бла-бла-бла и все в таком духе. Короче говоря, теперь он заставляет меня брать частные уроки после школы и обещает систематически проверять, чему я там учусь, — попробуй тут не походи!

Минди в ужасе прижала руки ко рту:

— И ты согласилась?!

— А что я еще могу?! Против папы не попрешь, — Лили раздраженно пожала плечами и вдруг хитро улыбнулась. — Впрочем, я не договорила. Если все пройдет успешно и папс останется доволен, они раскошелятся на бассейн во дворе, и летом там можно будет устраивать вечеринки! Игра стоит свеч! Три месяца мучений — но ради одного только вечера с Джефом!.. Кроме того, подумай, Минди, частные уроки...

— Ну и...

— Частные уроки, Минди, он будет выделять мне деньги на эти частные уроки! А я устрою так, чтобы они были бесплатными!

— Ха!

— Ничего не ха! Если знаешь, как устроить бесплатные уроки, то глупо платить. К тому же, папочка давно не в своем уме, а кто-то же должен навести порядок! Я уже вторую неделю прошу его купить мне тот симпатичный браслетик, который волнами — помнишь? — а он меня вообще не слышит! Зато когда дело касается частных уроков по физике — так это пожалуйста, сам предлагает!

— Будешь обманывать?

— Если тебе хватает ума устроить себе бесплатные занятия, то сэкономленные деньги можно и себе оставлять — как особую награду за сообразительность. Вот и все! Это же очевидно!

Минди заглянула в класс, а потом опять повернулась к Лили.

— Бобтаник?

— Именно, — самоуверенно кивнула Лили. — Ты же все с самого начала поняла, и строишь из себя...

— Ничего я не строю, — обиженно протянула Минди и сердито добавила. — Я думала, ты что лучше придумала. Бобтаник чокнутый, и у тебя ничего не выйдет. Он никому не помогает. Линда рассказывала...

— Линда та еще дурочка. Такой и впрямь ничего не светит. Сколько там до звонка?

— Минуты три...

— Как раз!

Лили уверенно вошла в класс и бесстрашно двинулась к парте Бобтаника.

— Эй, Боб! — дружелюбно окликнула она. — Что новенького? Уже построил машину времени?

— Разумеется, — безразлично буркнул Боб, не отводя взгляда от какой-то таблицы с цифрами, которую он держал перед собой (была перемена! он чокнутый!), — но это давно уже не новенькое. Недели две как уже. Ты разве не слышала? Я повидал и динозавров, и летающие автомобили, а еще с Ньютоном поболтал. Завтра собираюсь на чай к Эйнштейну, как раз вот думаю над вопросами, какие лучше будет ему задать, так что, надеюсь, ты поймешь, разговаривать мне сейчас некогда, — безразлично закончил он, глянул на Лили своими синими глазами и снова обратился к своей таблице.

Лили рассмеялась.

— Да ты шутник, Бобби! — она дружески хлопнула его по плечу.

Бобби вздрогнул, как если бы она его ударила, и опять задержал на ней свой взгляд.

— В первую очередь я чокнутый ученый, а уже во вторую шутник, — сказал он без тени улыбки и опять уткнулся в таблицу.

Лили подождала пару секунд, но ничего не происходило. Впрочем, ничего другого от Бобтаника она и не ожидала.

— Эй, Боб, — тихонько позвала она снова. — Ну пожалуйста, отнесись ко мне серьезно! Я же знаю, что ты ни капельки ни чокнутый!.. Это глупо, как ты себя ведешь...

Боб поколебался еще чуть-чуть и раскололся.

— Ну чего тебе, Лили? — спросил он, снова буравя ее взглядом.

— Знаешь, Боб, я тут думала основательно и поняла, что знаю физику с химией хуже, чем хотелось бы, и... и... эй, Боб! — он опять успел нырнуть взглядом в таблицу. — Я же еще не закончила!

— И так все ясно. Нет.

— Что нет?

— Сама знаешь.

— Почему?

— Сама знаешь.

— Почему сама знаю?

— Потому что... потому.

— Это из-за тех девочек, еще тогда, да?

— Это из-за того, что вам всем надо радовать своих папочек хорошими оценками за мой счет.

— Мне не нужны оценки! — запротестовала Лили. — Я именно, что знания получить хочу! Боб! Слышишь?!.. Бо-о-об!.. Если ты не хочешь мне помогать, то и пусть! Справлюсь и без тебя! Потому что действительно хочу, а не как они!

Боб засопел, а потом вдруг хмыкнул. И все на этом.

Прозвенел звонок.

— Я не такая, Боб, — серьезно сказала Лили.

— Я не такая, — повторила она, и отошла к своей парте.

Боб так ничего больше и не сказал.

Но Лили заметила, как он пару раз тихонько бросал на нее свой растерянный взгляд, как будто и сам не знал, что делал. Чтобы не портить ему удовольствие, Лили искусно «ничего этого не видела».

***

После занятий она пошла в библиотеку. Бобтаник был уже там.

Лили села так, чтобы он ее не видел. Иначе слишком настырно и неестественно получится.

Зато ей прекрасно было видно со своего места, что происходит в коридоре.

Боб сидел довольно далеко от пункта сдачи выданных книг, а Лили — совсем близко, поэтому когда она заметила его фигуру в самом конце коридора, она резко встала и невозмутимо, не оглядываясь на него, прошла к очереди на сдачу, как будто бы и не знала о его присутствии. Лили не стала оборачиваться и выдавать все эти: «Ой, Боб, ну и встреча!», он тоже не стал ее окликать, но было прекрасно ясно, что незамеченной она не осталась.

А что же он хочет? Раз уж она сказала, что будет получать знания и без его помощи, значит, теперь она будет ходить в библиотеку, и пусть не удивляется.

Всю следующую неделю она поступала примерно так же.

Иногда проходила по коридору в тот самый момент, когда он получал книги, иногда рылась в архиве журналов о науке и технике, к которым он подходил. Теперь она садилась не слишком близко, но и не далеко — он вполне хорошо мог ее видеть со своего места и даже окликнуть.

Впрочем, такого желания у него не возникало. Он упрямо продолжал делать вид, будто не обращает внимания на ее появление в библиотеке.

Пару дней его не было.

«Наверно, ставит свои эксперименты, наш Бобтаник», — подумалось Лили.

Потом он снова появился. Лили, конечно, была на своем посту.

Она чувствовала, как Боб, проходя к своему любимому месту в конце коридора, бросил на нее ненадолго свой взгляд, но оглядываться опять не стала.

«Молчанка! — думала Лили с торжеством. — Ты, Боб, даже не представляешь, как хорошо я умею в нее играть!»

На следующий день она не стала приходить и попросила Минди поглядеть, как дела у Бобби.

— Да почти как всегда, — рассказала Минди. — Набрал кучу книг и сидит с ними в обнимочку.

— Меня ты не проведешь, — хитро улыбнулась Лили. — Думаешь, я поверю, что он ни разу не оглянулся в поисках меня?

— Тогда зачем меня было посылать? — обиделась Минди. — Сама и так все прекрасно знаешь, а я тут трачу свое время непонятно на что! И ведь даже подыграть мне не можешь! Ну испугалась бы хоть на чуть-чуть! Мне тоже хочется временами кому-нибудь нервы пощекотать!

— Минди, Минди, — картинно закатила глаза Лили, — не забывай, это еще не победа. Лед тронулся. И близится решающий финал. Мне необходимо придумать что-то эффектное. Подсесть в библиотеке — слишком блекло... Если б только знать, что он делал в те дни, когда не ходил туда!

— А я знаю, — вдруг сказала с вызовом Минди.

— Да ну, — отмахнулась Лили, — снова щекочешь нервы?

— Теперь и правда щекочу, — хитро заулыбалась Минди, наслаждаясь моментом. Лили выглядела самоувереннее обычного, и Минди знала, что это верный признак ее внутренней растерянности.

— Откуда ты можешь это знать? Вы с ним успели стать друзьями раньше меня? — усмехнулась Лили.

— А почему сразу с ним? — Минди блаженствовала.

— От друзей Бобтаника? — изобразила удивление Лили. — Друзья Бобтаника, друзья Бобтаника... ах, вспомнила, у него же их нет!

— Эх, Лили, в этот раз и правда попалась, а? — самодовольно ухмылялась Минди.

— Ну хорошо, попалась. Колись, Минди!

— У нас в школе учится какая-то его родственница. Мелкая еще, тоже немножко того, но он ее, похоже, любит. Она рисует для нашей газеты иногда. Недавно мне надо было с ней встретиться как раз, она все торопилась куда-то. Ужасно неуклюжая, вывалила мне все рисунки на стол и попыталась свалить поскорее. Извините, видите ли, она спешит на какой-то там эксперимент на каком-то там кукурузном поле у них за домом, вон как далеко, и некогда ей.

— Вот, значит, как! — Лили сосредоточенно раздумывала над услышанным.

— Осталось только узнать, когда теперь следующий? — озвучила ее мысли Минди.

— Осталось... — согласилась Лили.

— И где он будет проводиться, — продолжила Минди.

— И это тоже, — раздраженно кивнула Лили. — Вполне возможно, в этот раз будет не кукурузное.

— Кто-то же должен знать, — гнула свое Минди.

— Минди, хватит уже! Я как раз об этом думаю!

— Но не каждый, кто знает, так просто скажет, — протянула нараспев Минди.

— Минди, не глупи!.. Минди, ты знаешь?! — наконец дошло до Лили.

Минди переживала триумф.

— Щекочу нервы самой Лили Майлс! Второй раз за день!

Лили дала ей какое-то время — пусть правда порадуется. Застать ее врасплох не так-то просто.

— Так вот, Лили, эта самая Джулия-художница вдруг крикнула уже в дверях, что в следующий вторник — а, это завтра как раз, — наш Бобби после школы будет проводить свой очередной эксперимент, заключительный в этом сезоне, и почему бы нам не прислать репортера и не сделать об этом статью — но только чтобы это был сюрприз для него.

Лили прыснула, а вместе с ней и Минди.

— Она сказала, где это будет?

— На очередном каком-то поле, — безразлично пожала плечами Минди и подождала еще немного, но Лили больше не покупалась. — На, — она с улыбкой протянула Лили клочок бумажки, — я все записала, чтобы не забыть.

— Минди! Ты просто золото! — Лили обняла подругу.

***

Лили подготовила все, что требуется, и теперь ожидала прихода Бобтаника, который мог появиться тут с минуты на минуту.

Вот и он!

Бобтаник шел с двумя какими-то коробками, судя по всему, тяжелыми. Он шел скорее наугад, потому что коробки мешали его обзору, и чуть не наступил на Лили, так что ей пришлось вскрикнуть.

Боб остановился, положил коробки на траву и растерянно посмотрел на нее. Потом он постарался поскорее насупить брови и с выражением: «Опять ты!» попытался извиниться.

— Я не знал, что и ты тут! — оправдывался он. — Тут никогда никого не бывает в это время дня.

Лили приветливо улыбнулась, но Боб продолжал хмуриться и на улыбку не ответил.

— Я пытаюсь развести костер, — пояснила Лили и стала усиленно крутить в руках палочку.

— Да, здорово, — кивнул ей Боб с отсутствующим взглядом.

Лили с легкостью читала по Бобову лицу все его сомнения. Сейчас он мнется и думает, стоит ли отложить из-за нее свой эксперимент или все-таки нет. Стоит ли поискать для него новое место? Может, просто отойти подальше? Или прийти завтра? А вдруг она и завтра тут будет?

Как бы подтверждая ее догадки, Боб спросил:

— А давно ты тут?

— Не совсем, я только начала. Но мне тут понравилось, Бобби! Я теперь часто буду приходить, так что в следующий раз смотри внимательнее, пожалуйста! Хорошее место я себе нашла, да?

Лили опять улыбнулась, Бобби вздохнул.

— А ты сейчас будешь проводить эксперимент? — спросила Лили с интересом.

— Собирался, — хмыкнул Боб.

— Я не буду тебе мешать, если так. Честное слово, Боб!

— Не знаю, — он помолчал. — Зачем ты тут?

— Я же говорила уже, мне интересно! Мне интересно посмотреть, смогу ли я сама, без всяких спичек развести костер, и интересно посмотреть, как там воздух,

ветер, горение, это все... почувствовать, так сказать, как я сама все это устрою... если ты меня понимаешь.

Боб хмуро молчал.

— Знаешь, Бобби, — Лили снова прервала молчание, — если тебе так не хочется, чтобы я была рядом, то я могу и уйти...

— Хмм... пожалуй, что... — Боб немного замялся. — Это будет не очень правильно, ты же сюда первая пришла... так что... эээ... оставайся тогда что ли. Зачем ты меня спрашиваешь?

— Но ты же тоже не уйдешь? Просто из-за того, что какая-то Лили Майлс села рядом и разводит костер, ты же не бросишь свой эксперимент?

— Не уйду, — согласился Боб.

Он перенес свои коробки немножко в сторону и открыл первую.

Лили продолжала тереть палочку о палочку без всякого результата.

Боб не очень-то спешил разбирать коробки. Лили видела, как он смотрит на ее неумелые попытки.

— Я как-то видел тебя в библиотеке, — начал он вдруг не очень уверенно, все еще хмурясь. — О чем ты читала?

— Об огне и читала. И об энергии, как она там переходить может... Очень занимательно, только мне надоела голая теория, и я решила начать еще и с самого простого на практике.

— Ты первый день тут? — спросил он, продолжая наблюдать за ее однообразными попытками.

— Да я вчера еще начала... когда-нибудь оно мне дастся, — уверенно кивнула Лили.

Боб еще немного посомневался.

— Оно тебе никогда не дастся, если ты будешь продолжать в том же духе, — наконец, пошел он на контакт. Оба уже понимали, что будет дальше.

— Бобби, но как надо? Ты мне покажешь?

Бобби все еще не очень уверенно покачал головой.

— Как можно было ходить в библиотеку и... ну я же тебя видел... если ты правда читала, то должна бы уже знать, что... хотя это и правда проще показать сначала, чем на словах... короче, вот, — он наклонился к ее палочкам и взял их в руки.

— Смотри, как надо, — учительским тоном сказал Боб, а потом добавил, — и слушай тоже! Знаешь, что ты делала не так?

Лили обратилась вся во внимание. Он принялся объяснять и показывать.

Довольно скоро огонь был разведен.

— Ух ты! — Лили даже хлопнула в ладоши. — А я тут сижу два дня!

— Глупо так радоваться из-за ерунды, — не согласился Боб, — элементарной ерунды. Просто надо включать иногда мозги. Надо не просто читать, надо понимать. Все, что там написано, оно все здесь, вокруг, и на твои палочки тоже действует.

Лили кивнула и вздохнула расстроено:

— У тебя бывало такое, Боб? Вот так, что читаешь — и кажется, что все ясно и легко. И что все понимаешь как будто бы? А потом пробуешь сам и оказывается, что ничего ты не понял, что-то там не учел или не заметил.

Боб хмыкнул.

— Ну да, бывает, что люди не могут учиться по книгам, им обязательно нужен кто-нибудь, кто будет вести с ними диалог, все им показывать, вопросы задавать дополнительные, — учительственно протянул он.

Потом еще немного подумал и добавил:

— И это ты зря думаешь, что если по книгам ты ничего не поняла, то значит... тебе тоже диалог нужен... Так-то, вроде, желание у тебя появилось — и это главное... ну и... ну и вот, например, если бы ветер сейчас подул вот отсюда, с юга, то что бы ты сделала? Учитывая, что я тебе только что объяснил?

— Хмм... — Лили ненадолго задумалась. — Я бы развернула их вот так.

— Видишь, — кивнул ей Боб. — Не все так плохо, как казалось.

Лили улыбнулась и Боб как будто тоже. По крайней мере хмуриться перестал.

— Знаешь, Боб, было очень интересно! И если ты только...

Боб ее перебил:

— Если тебе правда интересно, то для начала никогда больше не называй меня Бобом. Мое имя Роберт! Роберт Браун! Только Роберт и никакой не Боб!

Джу сегодня не смогла прийти, она мне иногда помогает по мелочи. Если хочешь, будешь сегодня за нее — попробуем провести мой эксперимент вместе, раз уж я все уже принес, а когда-нибудь потом, может... но это я не знаю, сколько понадобится времени, чтобы объяснить тебе его смысл в полной мере, я не знаю, что ты на данный момент знаешь. Но мы разберемся уж как-нибудь. Все зависит от твоего желания. Если оно пропадет — я тратить время не стану. Но если оно будет, то можно попытаться...

***

Теперь они занимались после уроков, несколько раз в неделю.

Сначала Роберт попробовал разобраться в общем уровне знаний Лили и остался не очень доволен.

— Жаль, что раньше тебе не было дела, — вздохнул он. — Много пробелов, а то, что есть, поверхностное и обрывочное... ты точно уверена, что тебе все это надо? Придется начать почти сначала. Работы будет много, очень много, если ты действительно хочешь чего-то достичь. Ты хочешь? Мне тоже придется потратить немало времени на эти занятия — и на подготовку к ним, и на сами наши, кхм, уроки. Неплохо, конечно, потому что в процессе я и сам лучше систематизирую свои знания и, надеюсь, даже что-то новое узнаю заодно... но ты понимаешь, что если я за это берусь, я буду вкладывать в это дело все силы? Ты хорошо это осознаешь, Лили? Ты тоже должна будешь выкладываться. Или так — или никак! Я оставляю за собой право прекратить наши занятия, если ты будешь относиться к ним наплевательски. Это ты понимаешь, да?

— Конечно, Роберт. Я тебя не подведу, я прекрасно понимаю, за что берусь. Я буду слушать внимательно — всегда, и ты останешься доволен.

— Это здорово, конечно, что тебе так интересно, — кивнул Роберт задумчиво, и Лили заметила недоверие в его взгляде. — Я раньше никогда не замечал...

— Неважно, что раньше. Важно, что теперь. Теперь я буду приходить на все занятия, и в моих интересах тебя не разочаровать.

— Ну да... так ты говоришь, у нас три месяца?

— Да.

— Три месяца, — задумчиво повторил Роберт и кивнул. — Ну все. Тогда встречаемся через два дня.

— Жду не дождусь! — подмигнула Лили и поспешила скорее домой.

Первые занятия показались ей не такими уж сложными.

Роберт только приглядывался к ней и выбирал удобный темп работы. Пока он еще страховался.

Лили всегда держала свое обещание идеально: в течение всего занятия она слушала его очень внимательно, пыталась находить ответы на все вопросы, которые он с особым удовольствием задавал ей в процессе, и добросовестно выполняла всю домашнюю работу, которой он ее за это награждал. Конечно, все это не могло не давать результатов.

Роберт оставался доволен, и с каждым разом приносил все больше.

Кроме этого, он говорил все больше, все больше и больше и больше. Он не уставал приносить какие-то пробирки, реактивы, магниты, шарики, катушки, маятники и прочую ерунду, которая навевала на Лили тоску. Ее количество постоянно росло. Он вытворял с этой ерундой разные глупые вещи — и говорил, и говорил, и говорил о том значительном смысле, что за ними, оказывается, скрыт.

Потом ему перестало хватать времени, и даже когда условленные полтора часа занятий подходили к концу, он не спешил ее отпускать. Лили украдкой поглядывала на часы, когда он отворачивался, и корчила ему злобные рожи, полные отчаяния и ненависти, но продолжала изображать увлеченную слушательницу, когда он снова смотрел на нее. Больше всего Лили раздражало то, что в течение всех этих полутора часов он с некоторых пор начал улыбаться. Улыбка не сходила с его лица, он прямо-таки дрожал над своей физической чепухой и забавлялся как ребенок, получая удовольствие от повторения всего того, что он уже знал (ну что за чокнутый дурачок!), а со временем Лили отметила про себя, что возможностей корчить ему рожи становилось все меньше.

«Вечно он за мной следит! Следит и улыбается еще! — думала она с досадой. — Улыбается, когда я готова взорваться! Ну что ж... значит, я хорошо играю, всего-то... радуйся, Лили, давай!»

— Лили, я тут вдруг заметил, что мы перестали укладываться в установленные часы, — начал однажды Роберт.

— Да, я тоже хотела сказать, — робкая надежда наполнила сердце Лили. — По правде говоря, мне это мешает.

— Понимаю. А как у тебя со средой? Есть время?

Теперь они занимались еще и по средам!

«За что мне это все? — сетовала Лили про себя. — Ну за что?»

Пару раз ее даже посещали серьезные сомнения, а не бросить ли все и правда. В такие моменты Лили устраивала себе шоппинг-терапию (на все те деньги, что получала от отца на частные занятия) и это действительно помогало.

«Считай, что это просто работа такая, сидеть и слушать, слушать и выполнять задания — всего-то, — успокаивала она себя. — Учит тебя терпению и выносливости. К тому же наш Бобтаник действительно хорошо объясняет, и с ним точно все получится, а бассейн все-таки очень нужен будет... поэтому я ни в коем случае не должна завалить итоговый тест! Ради Джефа, Лили, все ради Джефа! И в будущем, и сейчас!.. Ну посмотри, какой красивый шарфик, он обязательно заметит и оценит! Без

Бобтаника ты бы его никогда себе не позволила! Подумай, сколько еще есть всего полезного, чего у тебя пока что нет!.. Ну же, Лили, соберись, всего полтора месяца осталось!»

Лили готова была терпеть Роберта после уроков, но он додумался подходить к ней и в школьные часы.

«Уходи! Ну уходи, чего привязался! — мысленно молила Лили в такие минуты. — Вдруг сейчас Джеф пройдет и увидит меня с ним?»

Однажды Роберт позвонил ей в дверь, когда уже смеркалось. Дверь ему открыл отец.

«Сегодня-то он что забыл?! — раздраженно думала Лили, сбегая вниз по лестнице. — А, ну прекрасно, они уже болтают, как закадычные друзья! Теперь папочка будет каждый вечер приглашать его домой, чтобы и тут доставать меня своими околонучными разговорами!»

— Лили, Роберт приглашает тебя пойти с ним в поле, посмотреть на звезды, — объяснил мистер Майлс. — Ты как?

Роберт был сегодня с телескопом.

— Да прекрасно, пап, звезды — это классно! — улыбнулась Лили и поспешила выскочить с Робертом за дверь, пока тот еще, чего доброго, не проболтался об их занятиях.

«Лучше им с папой лишний раз не встречаться», — подумала про себя Лили и попросила Роберта в следующий раз предупреждать ее о своем приходе заранее.

— Да я и сам не ожидал, что приду, — признался тогда Роберт. — Мы же еще практически не касались астрономии, поэтому я как-то и не думал раньше брать тебя с собой. Хотя на самом деле я часто смотрю на звезды. У меня и из дома видно неплохо, но на природе лучше. Есть одно любимое место, тут недалеко от леса, мы как раз туда идем... сегодня я очень удивился, когда вдруг понял, что все это время тебя не приглашал. Ну, в общем, не знаю... — замялся он вдруг и опустил взгляд. — Извини, что раньше не подумал...

— Да ничего страшного, — утешила Лили. — Я не обижаюсь.

На следующий день она пришла в школу злая и заспанная.

«Час от часу не легче», — вздохнула она, пытаясь подавить зевок, потому что учитель стоял прямо перед ней.

Как Лили и предполагала, отвязаться от этих факультативных занятий по астрономии у нее не вышло.

— Так здорово, Лили, правда? — спросил у нее однажды Роберт в одну из погожих звездных ночей, когда они в очередной раз сидели в поле с телескопом. — Сидеть тут, смотреть на звезды...

— Особая привилегия самым упорным, — улыбнулась Лили.

— Я рад, Лили. Что тебе это все правда настолько интересно, что ты готова вот так, даже ночью... никто тебя не заставляет, а ты приходишь — просто потому, что тебе интересно! Это здорово! Когда я только начинал наши занятия, я и не думал, что будет так увлекательно! Спасибо тебе! Время летит! Мы много работаем — а у меня все больше сил появляется и новых идей! И ты — ты делаешь большие успехи! Это здорово! Ты оказалась очень способной, все быстро схватываешь, и удивительно просто, как это я раньше... — Роберт помолчал. — Знаешь, мне невероятно приятно, что ты меня понимаешь. Я устал от всех этих дурацких стереотипов! Если тебе

нравится наука, так обязательно заучка и чокнутый ученый. Все тебя боятся и недолюбливают, отпускают свои глупые шуточки... Только за то, что ты разбираешься в том, что им непонятно, и интересуешься тем, что им не кажется интересным почему-то. А с тобой я могу говорить об этом спокойно, сколько душе угодно... и ведь ты же не считаешь меня чокнутым, нет? Когда начинаешь понимать вещи, они перестают казаться уделом только лишь чокнутых. Не так уж сильно я от них отличаюсь, им просто вникать не хочется. Правда, Лили?

— Ммммпф, — пробормотала Лили, — по-моему, я засыпаю. Может, пойдем сегодня домой пораньше?

***

Все когда-нибудь кончается, и эти три месяца тоже.

Настала пора итоговых тестов, поэтому времени на занятия практически не оставалось. Пришлось их на время отложить. Они договорились, что обязательно встретятся и обсудят задания и правильные ответы после того, как все тесты по естественным наукам будут написаны.

В эту встречу Лили испытала настоящий триумф.

— Смотри-ка, я все правильно решила! Теперь даже результаты ждать не страшно! — торжествовала она. — Я бы ни за что не справилась без твоей помощи, Роберт! Молодчина ты!

— В первую очередь себя благодари, — скромно кивнул он в ответ. — Ты и впрямь все можешь, когда захочешь!

— Действительно могу! Пусть все видят, а папа особенно, — хихикнула Лили и не удержалась, — кто тут самым умным оказался!

— А теперь, Лили, давай вот о чем. Мы давненько уже не собирались, а я за это время получил результаты того эксперимента, который — сейчас-сейчас, — Роберт раскрыл свою большую тетрадь, в которой отмечал все проведенные эксперименты с их порядковыми номерами, чтобы ничего не перепутать. Самое интересное для Лили он припас напоследок! Долой скукоту с разбором тестовых заданий, наконец можно перейти к главному!

— Знаешь, Роберт, давай ты мне расскажешь о них в следующий раз? — Лили уже встала.

Роберт оторвался от своей тетради и растерянно посмотрел на нее.

— Да тут не очень много. Но занятно. Если хочешь, мы и впрямь можем перенести обсуждение на следующий раз, а сейчас тогда я только скажу, что вышло по цифрам... Ну, чтобы ты тоже могла поразмыслить до следующей встречи... тут весьма занятно получилось! Ты разве куда-то спешишь?

— Ну да, — кивнула Лили.

— Так ведь вчера был последний тест. А теперь — свобода! Мы заслужили! — он улыbnулся.

— Но есть и другие дела помимо учебы, — несколько строго поджала губы Лили. — Мне надо подготовиться к нашему школьному балу.

— Который по окончанию года что ли?

— Нет, который новогодний, — съязвила Лили.

— Ладно, не буду тебя задерживать, — смутился Роберт. — Давай тогда полностью посвятим эксперименту нашу встречу в среду... Разберем там все по

косточкам — от начала и до конца за один присест! — Роберт одарил Лили очередной задорной улыбкой, каких она успела вдоволь насмотреться за время их прошлых занятий. — А в пятницу тогда...

Лили перебила:

— В среду я точно не смогу. Ну и насчет пятницы пока не знаю...

Задорная улыбка покинула Роберта:

— А когда ты сможешь? В субботу?

— Пока не знаю... — повторила Лили.

— Ну что ж, — Роберт наконец отвел взгляд от Лили и перевел его на тетрадку, — жаль, что так неопределенно... Мне пришел заказ, помнишь, мы делали в начале мая? Я мог бы — да и могу — без тебя все собрать, я уже замучился ждать, но... без тебя мне не хочется, — он опять повернулся к ней. — Будет правда на что посмотреть! Преступление тебе не показать! Я хочу, чтобы ты тоже поучаствовала.

— До бала я вряд ли смогу... — сдержанно ответила Лили, — но я еще подумаю, я тебе позвоню, если вдруг время появится.

— Да ничего, ладно, я понимаю. Я же не дурак, чтобы заставлять тебя менять свои планы... не волнуйся и не торопись. Я за это время как раз подумаю, что еще можно сделать для наших занятий. Составлю дальнейший план, подберу темы... У тебя есть какие-нибудь предложения? Пожелания? Может, что-то не нравится?

Лили была уже в дверях.

— Роберт, я много раз говорила: мне все нравится. Все чудесно! И ничего менять не надо. Ты прекрасный! Пока!

Она захлопнула дверь.

***

«Вот действительно, сваял дурака, — думал Роберт по дороге к школе. Со времени их последней встречи прошло несколько дней. Сегодня должны были вывесить результаты тестов. — Если мне самому не было никогда дела до этого ежегодного бала, то это не повод думать, что и Лили тоже. Ей он нравится, а я так пренебрежительно о нем сказал! Она могла обидеться...»

Он припомнил, как однажды, когда они болтали на перемене, Лили заметила, что на стене повесили новую информацию — об этом готовящемся бале — и как у нее тогда загорелись глаза.

«Нет, ну что я за дурак? — повторил Роберт в очередной раз. — Она так упорно говорила о нем. Возможно, это был особый намек с ее стороны... такой вот девчачий намек... чтобы я ее пригласил. Ей это важно очень, а я как будто взял и наплевал на все ее ожидания. Не разделил этот ее интерес... придется ее пригласить тогда, куда не денешься... раз уж ей это важно. Хотя и глупо, как это вообще может нравиться?.. Ну надо, так надо... я готов...»

— Эй, Роберт, привет! — услышал он вдруг Лилин голос из-за спины. Он оглянулся.

Она приветливо улыбалась.

— О! Лили! Э! Здравствуй! — начал запинаться Роберт. Он остановился и подождал, когда она его нагонит. Они пошли вместе.

— Весь в своих мыслях, да? Я все хотела тебя окликнуть и не решалась!

— Правда? Как-то я упустил из виду. Но я... да... я думал как раз о... как бы это лучше сказать?..

— Роберт, — Лили остановилась и посмотрела на него по-заговорщически. — Давай отойдем немного в сторону. Я хочу у тебя спросить...

Роберт внимательно смотрел на нее.

— Можно я скажу папе, что мы идем на бал вместе? Ты ему успел понравиться, понимаешь? Он у меня спрашивает — и мне надо ему уже сейчас сказать...

Он растерялся.

«Ну ты, Роберт, просто молодец! — промелькнуло у него в голове. — Лили пришлось самой тебя приглашать, потому что она так и не дождалась первого действия с твоей стороны... И про отца — это она чтобы хоть как-то скрыть неловкость ситуации... ну и что теперь? Как отвечать?.. просто подыграю, сделаю вид, будто все в порядке вещей и не стану извиняться, ну, что раньше стормозил... подойдет лаконичное...»

— Конечно! — кивнул Роберт. — Я с радостью, если ты так хочешь!

— Тогда перед балом заглянешь ко мне, чтобы папа увидел?

Роберт улыбнулся. Очередной девчачий намек за счет папы.

— Ну конечно, тебе не придется краснеть! Все будет, как полагается. И загляну, и провожу — куда ж без этого! Если ты думаешь, что я совсем ничего не понимаю, то это очень даже зря.

«А ведь и правда не понимаю я в этих делах... Надо будет отловить Джулию, — подумал он про себя. — Пусть посоветует мне какой-нибудь фильм с аналогичным балом. Лучше два. Два фильма — и этот бал у меня в руках! А лучше все-таки три...»

— Просто потрясающе! — Лили была в восторге. Роберт видел, как заблестели ее глаза, и ему стало очень хорошо, что это все из-за его согласия. — Спасибо тебе, Роберт! Жду-не дождусь! — она подмигнула ему и добавила:

— Ну пока тогда!

Роберт постоял еще немного, чтобы она могла уйти.

«Это, наверно, тоже какой-то дурацкий ритуал, связанный с этим балом и приглашениями на него... почему я не могу и дальше идти вместе с ней? После приглашения на бал нельзя продолжать беседу? А если можно, то зачем она крикнула «Пока!»?.. Чувствую, пока это действие не кончится, я так и буду вечным дураком... Ладно, два дня еще потерпеть... надо обязательно отловить Джулию!»

Результаты еще не вывесили.

Роберт стоял один и не решался подойти к Лили.

«Кто его знает, когда теперь можно будет опять подходить?» — подумалось ему, и он чувствовал все большую досаду из-за собственной серости в этом вопросе. Он ненавидел чего-то не знать, не понимать, не иметь возможности ухватить логику вещей... В подобных ситуациях всегда расцветают всякие предрассудки и сомнения. С этим балом их появилась просто куча.

Роберт пытался выкинуть его хотя бы на время из головы. Он отворачивался от Лили, но довольно скоро поворачивался опять, и мысли о бале возвращались.

Когда он повернулся к ней в очередной раз, то заметил, что она не одна.

С ней разговаривал тот самовлюбленный тип из класса на год старше. Роберт сейчас не смог вспомнить его имя, но знал, что его благоговейно повторяет каждый день вслух и про себя половина всех девочек в школе.

«Удивительно, что они все в нем находят! — думал Роберт, наблюдая за ним и Лили. — Это ведь он додумался назвать меня Бобтаником во всеуслышание в первый раз... и все подхватили... законодатель мод... Ну напялил красный галстук в сельской школе — и что? Это не так уж и к месту тут...»

Тип наконец оставил Лили в покое.

Роберт видел даже издалека, что все ее лицо горит.

«Что такого он ей наговорил?!» — досада захватила Роберта всего и, наплевав на все предбальные ритуалы, он все-таки подошел к ней.

Лили встретила его с широко раскрытыми глазами. Она была все еще не в себе: постоянно теребила волосы, щеки ее пылали, а губы дрожали. Она взвизгивала пару раз и даже попрыгала немножко. Через минуту весь этот хаос стал наконец переходить в состояние гармонии. На лице Лили образовалась устойчивая улыбка.

— Лили, что происходит? — позвал ее Роберт. — Ты в порядке? Я никогда не видел тебя такой...

— Джеф! — взвизгнула Лили. — Это был Джеф! Это была правда Джеф! Это не сон! Где Минди?! Нет, не сон! Это...

Лили не могла спокойно стоять. Она постоянно крутилась на месте и в этот момент врезалась в Роберта.

— Опять ты тут! — как будто только сейчас заметила она. — Ну чего еще? Мы же уже обо всем договорились!

— Лили, я просто не понимаю, что происходит — вот что! — Роберт положил ей руки на плечи, надеясь, что это хоть как-нибудь ее уgomонит. — Что он тебе сказал? Не понимаю ничего...

— Чего ж тут непонятного?! Джеф! Сам Джеф только что пригласил меня на бал! — Лили снова взвизгнула и вырвалась от Роберта. — Я знала! Я знала, что так будет! А радуюсь как дурочка, да?! Дурочка, потерявшая голову! Я знала, а все равно не верится, как во сне! Он выбрал меня! И всю ночь напролет! Вместе с ним! Нет! Я все-таки сплю!.. Дашь ты мне наконец пройти?!

Но Роберт не шевелился. Он стоял с потеряннм выражением лица, слегка приоткрыв рот. Наконец, ему удалось выдавить:

— Но я... я не понимаю, Лили... бессмыслица... мы же уже договорились... что я приду... А как же...

«...я?!» — хотел сказать Роберт, но Лили его перебила.

— А как же папа?! Что он подумает, да?! — визгливо вскрикнула она. — Что ж это ты сразу не спросил?! Поверь мне, с папочкой моим ничего не случится! Он обожает эту свою науку! И он обожает тебя! Так что если ему сказать, что я иду на бал не с Джефом, а с тобой — он только обрадуется! Так будет лучше и нам, и ему! И я была бы тебе очень признательна, если б ты всем нам помог! Ты же, вроде, согласился уже! Не понимаю!.. Тем более, ничего особенного от тебя и не требуется: придешь к моему дому в костюме, поболтаешь пару минут с папой, уйдешь вместе со мной — и все, больше я тебя не держу!

— И всего-то... — усмехнулся Роберт.

— Ах, вот, значит, как ты вдруг заговорил! Это ты сейчас додумал, да?! Один раз для меня просто так ничего сделать не можешь?! Это уже намеки пошли, я правильно понимаю?!

— О чем ты?

— Десять баксов! Я дам тебе десять баксов, если ты явишься к папе! Не будет тебе «и всего-то»! Десять баксов за минутное дело, доволен?!

Роберт покачал головой.

— У, жадина! Пятнадцать! И не надейся, что предложу больше! — Лили выразительно сложила руки на груди и самоуверенно задрала нос.

Роберт молчал.

— Ну чего?! — окликнула его Лили, не дождавшись ответа.

— Не пойдет, — покачал он головой. — Неужели ты не понимаешь, что...

— Роберт! — перебила его Лили. Ее непреклонность вдруг превратилась в настоящее отчаяние, и интонации стали умоляющими. — Ну Роберт, ну пожалуйста, чего тебе стоит! Ведь это же и правда несложно, я не прошу тебя о многом! Но мне это необходимо! Пойми же ты! Я бы и больше предложила, но у меня нет, понимаешь?! Я все растратила так некстати!.. Что мне теперь делать, Роберт?! Ты — моя последняя надежда! Если папа подумает, что я иду с тобой — он согласится купить мне новое платье! Я купила другое, еще давно, все деньги на него потратила и мне говорили, что оно эксклюзивное, а вчера вдруг выяснилось, что почти такое же будет у этой Линды! И, кажется, у Дженни тоже! А возвращать уже поздно, понимаешь?! И Джеф... если он увидит... он же поднимет меня на смех! Я его опозорю! Он не станет это терпеть! Он никогда на меня больше не взглянет... А я, я же мечтаю уже несколько лет, и почти получилось... ну как же так, из-за какого-то глупого платья — все потерять?!.. доволен ты — да? — что все тебе рассказала?! .. Почему папа не любит Джефа? Почему он любит тебя?! — Роберту показалось, что Лили на секунду посмотрела на него с ненавистью. — Я слышала, как он говорил однажды, что Джеф гроша ломаного не стоит и он вообще запретил бы мне идти с ним на бал... А для тебя он готов на все! Если я скажу, что иду с тобой, он точно даст мне деньги — и проблема решена! Еще и порадует! Ну почему, Роберт, почему так сложно помочь?! — она еще раз умоляюще посмотрела на него.

— Потому что, Лили, я не вижу в этом смысла. Мне не нужны деньги. Я не собираюсь обманывать мистера Майлса. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

— А как же я?

— Не знаю, — пожал плечами Роберт. — Надеюсь, как-нибудь сама разберешься со своим этим платьем и своим этим Джефом. Это тебе не электромагнитная теория Максвелла, чтобы обращаться ко мне.

— Ого, да ты завидуешь?!

— Твое личное дело, кому отдавать симпатии, — довольно жестко сказал Роберт. — И твоё право. Это тут не при чем. Но решать свои проблемы за счет своего отца и заставлять меня его обманывать — это, знаешь ли, не дело. Мои принципы не продаются. И даже ты, Лили, даже ты не имеешь права заставлять остальных плясать под свою дудочку и выполнять все твои капризы, только потому, что ты красивая и сообразительная. Меня ты этим не подкупишь... Я не ожидал, что ты такая... Все, разговор окончен.

А что касается наших занятий, то определяйся. Есть вариант...

— Разговор окончен? — прошипела Лили, не дав ему договорить.

— Да, окончен. Больше слышать не хочу об этом бале! Наши занятия...

— Заткнись ты о занятиях! — закричала Лили. — Все, хватит! Хватит! Надоели вы с папой! Оба за одно! Что вы все понимаете?!.. Горькую правду любишь, да?! Так

слушай... Я ненавижу эти твои занятия! Ненавижу! Ты вытряс из меня всю душу! Все эти три месяца — целых три месяца — мне приходилось тебе улыбаться и головкой кивать! Я возмущалась, когда ты увеличил время занятий?! Я отказывалась тащиться с тобой ночью в поле?! Я когда-нибудь не сделала обещанную домашку?! Нет! Я сделала все, как обещала, потому что обещала! Но ты даже не знаешь, как сильно я тебя ненавижу! Не знаешь, сколько сил мне стоило сдерживаться! Я не хотела тебе говорить — но ты сам захотел правды!.. И не подходи ко мне больше! Никогда не подходи! Три месяца, о которых мы договаривались, прошли, кончен наш договор! Никаких больше дурацких занятий!

Лили перевела дух. Роберт ничего не говорил.

— И ты спросишь, наверно, зачем?! Зачем столько страданий, зачем вообще я это устроила?!.. А как тебе объяснить, если ты все равно не поймешь! Ты никогда не сможешь понять!.. Ты никогда не влюблялся, не любил, что ты можешь знать и понимать! Ты вечно сидишь со своей наукой, и все равно абсолютно не понимаешь мир вокруг! Что ты умеешь чувствовать?! Ничего! Тебе ничего от жизни и не надо, кроме науки своей! Вас таких надо в изоляцию, чокнутых!.. Ненавижу таких, для которых слово «любовь» ничего не значит! Ни-че-го-шеньки!.. Они никогда ни на что не пойдут ради любви! Ты бы никогда не смог вот так, как я! Я терпела тебя из-за Джефа! Я все это делала только ради Джефа, потому что люблю его! Разве ты сможешь понять?!.. Всю эту твою муть я старательно учила только из-за Джефа! Папа давал мне деньги на эти занятия — и я... да что тебе говорить, тебе никогда не было дела, никогда ты ничего не видишь, не замечаешь! Хотя бы раз! Хотя бы одно мое новое платье или сумочку — а вот Джеф замечал! Джеф замечал, и он оценил! Он пригласил меня на бал!.. А ты продолжаешь пялиться на звезды в телескоп, чудесно! Пялься дальше, Бобби Браун, и желаю тебе улететь туда к ним в космос и никогда не возвращаться! Оставайся там жить!.. Мне жалко девушку, которая вдруг тебя полюбит! Ты выпьешь из нее все соки, устроишь все под себя, а наука все равно останется на первом месте! Ты никогда ничего не сделаешь ради нее, ради девушки!.. Заняться с улыбкой каким-нибудь делом, которое вызывало бы в тебе искреннее отвращение, как пришлось мне? Ха! Ты на такое не способен! Бобтаник! — Лили специально прокричала это слово погромче. — Мне бы стоило чувствовать к тебе благодарность — что ты меня научил, ты, кстати, действительно хорошо учишь, гордись! Я научилась — и папа доволен, и, следовательно, будет бассейн, и Джеф придет на вечеринку, и все так здорово... Но из-за этого я ненавижу тебя еще больше! Еще сильнее! Что без тебя я бы не справилась!.. Но ты и это вряд ли поймешь! Я ненавижу, что чувствую к тебе то, что чувствую, — вместо благодарности! Отвращение! Я видеть тебя больше не могу — так мне противно!.. Но никто не поймет, о чем я, а уж ты тем более!

Лили всхлипнула пару раз и замолчала.

Роберт всегда умел сверлить ее взглядом. Но в этот раз, хотя, казалось бы, он и смотрел на нее, сверлил он как будто сам себя — и поэтому Лили в кои-то веки не было страшно на него смотреть.

— Да, — спокойно согласился он наконец. — Да, Лили, ты абсолютно, совершенно права. Я и правда не понимаю тебя, все, что ты сказала... эту вашу любовь, о которой все стрекочут... И я и правда не смог бы так, как ты... И действительно, я никогда не откажусь от науки, я ею живу — ты права... Зачем мне вся эта белиберда? Мне и без нее живется прекрасно, без ваших этих нежных чувств...

Мне этот ваш бал вовек не нужен! Такой уж я, Бобтаник! Такой, какой есть. Не нравится — ваши проблемы! Живите вы все как хотите, и дайте мне жить, как я хочу!.. Бобтаник, чокнутый! Только и думает, что об одних своих экспериментах и теориях! Посмотрите только! Настолько чокнутый, что даже общению с самой популярной девчонкой в школе — которую пригласил сам Джеф, легендарный Джеф! — предпочел очередной свой эксперимент! Все, Лили, пока! У меня есть дела важнее, чем болтовня с тобой о каких-то там влюбленностях и жертвах из-за них.

Он развернулся и ушел не оглядываясь.

***

Вечер перед балом выдался по-осеннему сумрачным.

Над землей нависли тревожные грозовые тучи, из-за которых потемнело раньше обычного. Казалось, вот-вот начнется дождь.

В поле, где Роберт копал землю, было особенно ветрено.

— Посмотрите! — кричал он, потому что все равно никто не слышал. — Посмотрите сюда, на нашего Бобтаника! Он копает червей! Ему больше заняться нечем! Когда остальные напялили на себя свои лучшие костюмы и сейчас пляшут в школе, не где-то там, а в прекрасном спортивном зале — какая романтика! — наш чокнутый Бобтаник бегаёт в темноте по полю, ждёт, когда начнется гроза, и разговаривает вслух сам с собой! Ха-ха-ха!

Роберт копнул посильнее.

— Прекрасно, Лили, прекрасно! Ты просто умничка! Так хорошо придумала! Подумала заботливо обо всех! Подумала о Джефе, подумала о себе! Даже об отце подумала, чтобы ему было приятно!.. А я?!.. А я, Лили, а как же я? А обо мне ты подумала?

Роберт копнул еще раз.

— И если бы ты сейчас вдруг пришла сюда, Лили... пришла, потому что вдруг подумала бы обо мне, пусть и только сейчас... подумала бы, потому что тебе вдруг стало бы там скучно со своим этим Джефом... и сказала бы примерно так: «Знаешь, Роберт, вот знаешь... я вдруг поняла, что мне совершенно не о чем говорить с Джефом... он ничего не знает, у него нет никаких особенных интересов, кроме одежды и вечеринок... а ты всегда можешь рассказать что-то необычное, ты много всего знаешь и с тобой не бывает скучно... я все это время думала, что ненавижу эту твою физику с химией, но ты ушел, и я вдруг увидела: мне тебя не хватает, Роберт! Я поняла вдруг, что за это время привыкла ко всем твоим рассказам, к нашим занятиям, к звездам... с Джефом я не чувствую себя умной, а ты, с тобой... оказывается, я много чего могу, я способная — и узнала это благодаря тебе... поэтому... может, ты простишь меня, и мы снова встретимся завтра?»

Если бы ты все это вдруг сказала мне сейчас, Лили, то знаешь, что бы я тебе ответил? Я бы покачал головой и сказал: «Прости, Лили, но нет. Больше я тебе не верю... Ты сказала, что ненавидишь меня, что я тебе противен... Ты обманула меня, Лили, и я не уверен, что смогу тебе доверять так, как раньше... Ты меня обманула... ты бессовестно использовала меня, пользовалась доверием своего отца... ты и его обманывала... нет, Лили, ты вдруг взглянула на меня другими глазами, но и я на тебя... Ты сказала мне тогда еще, в самом начале, что не такая, как они. И это правда. Единственная правда с твоей стороны. Ты действительно не такая. Ты хуже!»

Роберт остановился и оглянулся. Невдалеке он услышал шорох.

— Лили? — позвал Роберт. — Лили, это ты? — он прислушался. Тишина. — Лили, ты нашла меня?

Снова шорох.

— Лили, подожди! Не убегай, Лили! Пожалуйста! — Роберт побежал на шорох. — Ну куда ты?!.. Ты хотела мне что-то сказать?! Ты услышала, что я тут наговорил только что?.. Лили, не убегай, прошу тебя!

Он приближался к лесу.

— Я знаю, Лили! Я знаю, ты не такая! На самом деле ты же не такая, я знаю!

Лили!

Лили иногда останавливалась ненадолго, наверно, отдышаться, а потом снова бежала вперед.

— Я знаю, потому что тогда ты бы не сказала, что не можешь меня больше видеть! Что тебе неприятно! Это потому, что на самом деле ты раскаиваешься... поэтому, Лили, тебе просто стыдно передо мной, но это зря!.. Я же все понимаю, что ты не такая! Ты просто слишком гордая, да и я тоже! Лили!

Роберт оказался на опушке леса. Дальше было совсем темно, и он остановился. Тропинку впереди немного размыло от недавних дождей, и из-за деревьев она еще не успела высохнуть, в отличие от поля.

В этой черноте Роберт понял вдруг, что он тут один. Скорее, почувствовал, очень ясно.

Он уже без особой надежды наклонился к тропинке, вспомнил, что у него есть с собой фонарик, включил его и тут же выключил — убедился, что там на грязи нет никаких следов.

Лили не было тут.

Ему только показалось, что она приходила. Всего лишь ветер и разыгравшееся воображение.

«Лили все так же танцует сейчас в школе. Все так же улыбается этому Джефу, все так же восхищается им... все так же ненавидит физику... ничего не изменилось и не изменится, это я тут придумываю и жду сам не знаю чего... она не придет никогда больше», — подумал он опустошенно.

Они с Джефом и правда неплохо подходили друг другу. Роберт представил, как они вдвоем могут ходить по бутикам и выбирать друг другу нарядную одежду, плести какие-нибудь школьные интриги, посещать вечеринки... Она права. Ему было не место с этой настоящей Лили. Ей идеально подходил Джеф.

Он почувствовал себя совершенно лишним и бесполезным.

«Ничего этого ей не нужно... что я там думал ей дать... я сам все придумал...» — он вздохнул и вдруг осознал, что Лили, эта настоящая Лили, ему совершенно безразлична и он совсем не будет по ней скучать.

Он постоял еще немного, вдыхая сырость леса.

«Она была права, я слишком одержим наукой, люблю только ее... и в Лили я любил только ее интерес к науке, которого на самом деле не оказалось... не оказалось этой Лили... зато наука никуда не делась. И у меня впереди целое лето... да я вообще не понимаю, с чего бы это мне расстраиваться! Я по сути ничего и не потерял, наоборот, теперь у меня куча свободного времени появится, без нее...»

Роберт побрел обратно к тому месту, где бросил лопату.

О Джулии и Брэдли

— Ура! Готово! — Джулия выпрыгнула из-за стола. — Я закончила! Закончила!
Она залезла на стул, на котором только что сидела, и посмотрела сверху оценивающим взглядом на последний лист комикса, оставленный на столе. Затем попробовала встать на носочки, чтобы оказаться от рисунка еще дальше, немножко пошатнулась и спрыгнула снова на пол. Стул затрещал, но Джулия знала, что с ним все будет в порядке. Не первый раз она так прыгает.

Тогда Джулия по-особому закрепила лист на столе, чтобы он не упал (она соорудила ему специальную подставку сзади — из коробки для карандашей), а сама отбежала в самый конец комнаты.

Нет, слишком далеко.

Она сделала несколько шагов вперед. Так-то лучше.

Джулия разглядывала издали получившуюся страницу минуты две.

«Да, неплохо получилось! Мне нравится! Ура! Но отсюда детали не очень видно...»

Джулия снова подошла к столу и теперь уже перечитала свою страницу — так как отсюда стали видны буквы комикса.

Потом она достала две другие и перечитала все сразу.

«Это чтобы проверить историю на целостность».

Вроде, был порядок.

Джулия взяла все три страницы в руки, легла на кровать и разложила их перед собой. Еще раз перечитала. Перечитала отдельно последнюю страницу.

И поняла, что очень проголодалась.

Еще бы! Она сидела за столом и рисовала почти три часа подряд!

Сейчас перед ней стояла серьезная проблема: брать ли страницы с собой или оставить тут.

С одной стороны, тут они будут в целостности и сохранности, а на кухне их очень легко заляпать или помять. Зачем их вообще брать с собой на кухню? Она же собирается есть, а не читать! С другой стороны...

Джулия крутила листы в руках и не могла с ними расстаться. Ей нравилось вновь и вновь перечитывать получившийся комикс.

В итоге она пришла к компромиссному, как ей показалось, варианту: взять листы на кухню и положить их на самый верх холодильника. Безусловно, там это самое безопасное место для них.

Пока она сидела за столом, она все время поглядывала на холодильник. Это, конечно, не то же, что перечитывать их, но тоже что-то. Наверно.

Джулия загляделась и уронила ложку на пол.

Пришла мама из гостиной. Должно быть, услышала.

— Милая! Ты что, разве не с Робертом сегодня?

— Нет, мам, — Джулия покачала головой. — Я у себя в комнате была. Я дорисовала комикс! Ура?

— Тогда почему ты не пришла к обеду? Ты что же, все это время голодная там сидела?!

— Ма-а-ам! Я не хотела совсем... Я дорисовала комикс, он знаешь о чем? Помнишь, я говорила о...

— Ты что, ешь холодное?! — перебила мама.

— Оно вкусное все равно!

— Оно холодное, Джулия! Разве так сложно разогреть?

— Да я не думала, мам. Я сейчас, ну, в комиксе, он о...

— Ты вовсе не в комиксе, а на кухне, где думают о еде, — строго покачала головой мама. — А комикс остался в твоей комнате, и думай о нем, когда вернешься туда...

— Вообще-то он тут, мам! Я дорисовала! — Джулия вдруг резко выпрыгнула из-за стола к холодильнику и достала свои листы. — Смотри, мам!

Мама взяла комикс в руки и положила обратно на холодильник.

— Мы же говорили и не раз, что комиксам не место на кухне! По крайней мере, не во время еды! Неужели так сложно поесть не отвлекаясь, а потом уже думать об остальном!.. Джулия! Эй! — позвала мама. — Ты меня слышишь?! Если в следующий раз я опять увижу, как ты ничего не ешь из-за своих рисунков, мы не пойдём ни в какое кино.

— Ну ма-а-а-ам!

— Ничего не мам, я хочу, чтобы мой ребенок ел вовремя и только горячую пищу, как все нормальные дети. Для чего я вообще стою у плиты? Давайте все будем обходиться одними бутербродами. Почему бы и нет?

Джулия знала, что лучше промолчать и не развивать беседу дальше.

Тем более маме скоро позвонили, и она ушла в гостиную.

Джулия молча доела суп.

Потом подошла к холодильнику, взяла листки и прошла с ними к маме. Мама лишь покачала ей головой, что означало: «Не сейчас, я же разговариваю!»

Похоже, разговор намечался долгий, а Джулию просто распирало поделиться новой историей. Поэтому она побежала к Роберту.

— Я придумала новый комикс! — радостно сообщила она в дверях его лаборатории.

— Молодчина, Джу! — искренне улыбнулся Роберт. — Так держать!.. Ты знаешь, я бы с удовольствием, но сейчас с минуты на минуту придет Лили... давай попозже с ним.

Джулия поникла.

— Ну прости, Джу, но с Лили мы же раньше договорились! Я не могу заставлять ее ждать... ты же не хочешь, чтобы я прочел невнимательно? А получится только так, потому что я пока сосредоточен на другом.

— Да ну, я понимаю, — кивнула Джулия. — Мне не обязательно прямо сейчас... Она вернулась к себе.

Мама продолжала разговаривать по телефону. Папы не было дома.

Джулия занесла комикс к себе в комнату. Больше ей уже не хотелось на него смотреть — перегорела.

Она снова спустилась к маме.

Мама прямо во время разговора написала на листке бумаги: «Ты бы погуляла!», Джулия кивнула и вышла.

Идти в кино сегодня не хотелось, да и вообще, после этого комикса пока ничего не хотелось.

«Глупо расстраиваться, и даже не из-за чего! Вот прямо сейчас мне так уж и надо всем о нем рассказать... тут нужно подходящее время и настроение, чтобы слушателю было удобно, и нечего удивляться. Я тоже сейчас не в настроении книги читать или мультфильмы смотреть, но это же не значит, что мне они никогда не интересны, — подумалось ей. — Принесу его завтра в класс и расскажу всем желающим! На перемене, когда у них не будет других занятий!»

***

Перед самой переменной Джулия специально положила комикс на парту — на видное место. Он был достаточно ярким и вполне наверняка мог привлечь внимание.

— А я нарисовала новый комикс! — на всякий случай пояснила Джулия, но, кажется, никто не услышал.

«Вот всегда я тихо говорю», — вздохнула Джулия и принялась ждать, когда комикс своим видом скажет все сам за себя. Если скажет, конечно. Все-таки ей было неловко его рекламировать.

Кто заинтересуется — тот заинтересуется.

— Эй, Джулия, а что это у тебя? — спросила наконец проходившая мимо Никки. — Это ты нарисовала?

Джулия кивнула.

— Эй, Ребби, смотри! У Джулии новый комикс появился!

Довольно скоро ее обступили несколько человек. Ребекка, Энни, Джон, Никки и кто-то еще, кого за ними уже сложно было разглядеть.

Джулия приободрилась и в то же время засмушалась.

— Я его вчера закончила, — пояснила она. — Если вам интересно, я расскажу, к чему это все. Ну... в общем... я долго думала над сюжетом, чтобы вот...

— Красиво получилось! — похвалил Джон.

— Спасибо! — Джулия покраснела. — Первая страница, я думала над ней еще пару месяцев назад...

— Ну классно, Джулия, что ты так долго этим занимаешься и так стараешься! У тебя талант! — улыбнулась Ребби. — Когда выпустишь свой сборник, ты нам скажешь?

— Спасибо!.. да, скажу, конечно, как же еще? — Джулия совсем засмуцалась. — Если выпущу, конечно... А...

— А вы слышали, там Эрни с Фредом драться надумали?

— Да ты что?!

— Да говорю, сегодня Фред сам мне сказал!

— Ну ничего себе! Пойдем посмотрим!

Толпа вокруг Джулии растаяла.

— Но вы же даже третью страницу не успели посмотреть! Вам что, правда неинтересно, чем все закончилось?.. Тут же три страницы... всего... — пролепетала Джулия, оставшись в классе совершенно одна. Вряд ли они услышали.

Она положила страницы в папку и убрала ее в рюкзак.

«Ну вот каждый раз так, кого я обманываю! Всем нравится, и никто никогда не дослушает при этом! Что-то я делаю не так?»

Джулия вздохнула и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд.

В классе стоял незнакомый мальчик.

— Ты Джулия Браун, да? — спросил он.

— Ну да, я, — кивнула Джулия. — А что?

— У тебя с собой комиксы? — по-деловому осведомился он.

— Есть один, — не стала отпираться Джулия.

— Ты их показывала сейчас? Я что, опоздал?

— А тебе интересно? — настороженно спросила Джулия.

«С чего бы это, он меня даже не знает!» — отметила она про себя.

— Интересно, да. Я как раз в класс заглянул, когда ты их убирала... обидно. Такого раньше не бывало. Кто это и откуда?

— А я тебя не знаю... а ты меня откуда?

— Я видел твои рисунки в газете... ну, нашей школьной. Они классные!

Джулия улыбнулась.

— Я Брэдли Петерсон, — представился мальчик. — Из пятого. Приятно познакомиться.

— Будем знакомы, Брэдли! Если хочешь, я сейчас тогда достану комикс обратно!

— Я же сказал, я хочу.

Всю перемену Джулия рассказывала Брэдли о комиксе. Он очень внимательно слушал и разглядывал.

— Очень хорошо получилось, просто замечательно! — хвалил Брэдли с очень рассудительным выражением лица.

Правда, в том месте, где Джулия не могла удержаться от смеха, он даже не улыбнулся, но ведь каждый понимает истории по-своему. Это нормально.

После уроков они встретились в коридоре.

— У меня тоже есть своя история, еще и поэтому мне так интересно с тобой, — сказал Брэдли. — Ты сможешь меня понять.

— Правда? — обрадовалась Джулия. — А что за история? Я люблю истории, очень!

— Это научная фантастика, — серьезно сказал Брэдли. — Я использовал реальные научные исследования и результаты экспериментов, и еще я увлекаюсь лингвистикой — и там много с языками.

— Как эльфийский или клингонский? — улыбнулась Джулия.

— У меня свой язык разработан, — ответил Брэдли с гордостью.

— Я так и поняла! Это здорово, я так не могу! Целый язык выдумать... обязательно, обязательно расскажи мне о ней! Я очень люблю научную фантастику!

— Сегодня не могу, — покачал головой Брэдли. — Сегодня у меня библиотечный день, а завтра тогда я приду к тебе, ты покажешь мне еще свои рисунки и фигурки, а потом я расскажу о своей. Идет?

— Ага! Я редко принимаю гостей, а всегда хотелось! Ты обязательно приноси историю! Интересно же, что там!

Вечером за ужином Джулия делилась своими впечатлениями:

— Я познакомилась с мальчиком из пятого, его зовут Брэдли! Он так внимательно меня слушал! Прямо вот сразу видно, ну, как это... тщательный подход, вот! Ты, мам, и ты, пап, вы пока так и не посмотрели мой новый комикс, а Брэдли в каждую деталь вдавался — прям в каждую! Я рассказала ему все от начала до конца! И знаете что?.. Не поверите, он не убежал! Ему не надоело, так-то! Он завтра придет ко мне в гости — представляете, ему интересно! И он хочет еще! И это я не шучу! А самое здоровское — что он тоже сочиняет! У него тоже есть своя история — и мне не терпится ее услышать! Он для нее даже свой язык выдумал — вот как! Сегодня безумно классный день!

***

Брэдли пришел, как и обещал.

Он внимательно разглядывал каждую фигурку у Джулии в комнате.

— Прекрасная коллекция, — похвалил он. — Только плохо, что ни одной упаковки не сохранилось.

— Мне не нужны упаковки, — объяснила Джулия. — Наоборот, я стараюсь как можно скорее открыть.

— Коллекционеры так не говорят, — покачал головой Брэдли.

— Да какая разница! — не согласилась Джулия. — У меня тут не музей. Представь, что бы ты чувствовал, если б пришлось сидеть в упаковке всю жизнь!

— Они фигурки, — холодно напомнил Брэдли.

— А для меня живые! Они мои друзья!

— Интересная дискуссия, — отметил вдруг Брэдли. — Здорово, что ты тоже разделяешь мое увлечение фигурками. Есть о чем поговорить.

Джулия растерялась, потому что ей дискуссия определенно не нравилась, а Брэдли, похоже, получал удовольствие от нее.

— Давай лучше я тебе покажу мои другие комиксы.

— Давай, — согласился он. — А к следующему разу я подготовлю более развернутую аргументацию в пользу упаковки. Можешь тоже подготовиться.

— Вот, смотри! — Джулия достала одну из папок.

Брэдли снова слушал со всей своей скрупулезностью и хвалил. И почему-то сухо посмеялся в том месте, которое Джулия считала самым трогательным. Но это все разница в восприятии, это нормально. Главное, ему нравится, и он готов слушать дальше! Это же здорово!

— Ну а теперь твоя очередь! — улыбнулась Джулия немного устало после своего эмоционального рассказа. — О твоей истории! Самое сладкое напоследок, да?

— Можно и так сказать, — дал согласие Брэдли. — Моя история...

Джулия затаила дыхание.

-... о форме живых организмов с планеты Чхунхэй-он-ло-оло. Они чем-то похожи на слизняков, цвет их зеленый, но еще у них есть красные пятна, вот. Я потом покажу рисунок, где изобразил их строение. Это мы рассмотрим еще подробно. На самом деле они не слизняки, а раса супер-слизней, это как слизи, но в результате генетических экспериментов на той планете бла-бла-бла-бла-бла-бла-бла...

Джулия легонько хлопнула себя по щекам.

— И вот, так они, с помощью кислоты, состав которой я только что описал, соединенной с белковыми компонентами, и мутировали. И стали гигантскими слизнями в человеческий рост. Одного из них звали Хвэнхохэй, что значило «Храбрый как слизень», а второго — Жэлохоуф, и это означало «Мудрый как слизень». Ты заметила, что они особенно любят букву «х»? Я мог бы пуститься в объяснение, почему так, но это мы оставим на следующую встречу, посвященную их языку. О чем же эта история? О поиске себя, о непонимании окружающих, о красоте окружающего мира... да, Джулия, странно, наверно, но в глубине души я поэт. Совсем как ты. Мой любимый эпизод — это, конечно, первая встреча Хвэнхохэя с Жэлохоуфом, она чем-то похожа на встречу твоего пришельца с землянами, так мне кажется. А у меня они пытались извлечь из хаухонноуфа — это такое особое реактивное вещество на их планете — энергию пяти кристаллов. Понимаю, что ничего не ясно, сейчас разъясню. Первый кристалл — это лаухандрай, он состоит из семи химических элементов бла-бла-бла-бла-бла-бла-бла...

Джулия изо всех сил старалась слушать внимательно, но это было не так-то просто.

Ну ничего, бывает. Чем интереснее и продуманнее мир истории, тем сложнее в него вникнуть. Но оно того стоит.

И все же, когда Джулия увидела, что скоро будет время ужина, она как будто обрадовалась. Тем более, Брэдли как раз заканчивал свою лекцию.

— бла-бла-бла... бла? — спросил он.

— А? — оживилась Джулия.

— Я спрашиваю, тебе кто больше понравился из них — Хвэнхохэй или Жэлохоуф?

— Ну... не знаю, — честно ответила Джулия. — Я пока еще путаюсь в них. Извини, пожалуйста, но мне... ну, похоже, мне сложно так сразу вникнуть.

— Ну а как тебе идея вообще?

— Ну... — Джулия опять замялась. — Она... она нестандартная. Там очень много деталей — это определено.

— Спасибо! — кивнул Брэдли. — Я рад, что тебе интересно!

— А что другие говорят? Им нравится?

— Они... — Брэдли несколько неуверенно помолчал. — Они все говорят, что я очень стараюсь, но вряд ли они могут оценить ее в полной мере, потому что никто из них долго не слушает. Сама знаешь. Они и от тебя, кажется, все убежали вчера раньше времени, так ведь?

— Да, это они часто...

— И от меня... Но я очень рад, что наконец нашел человека, который разделяет мои интересы. Спасибо тебе, Джулия!

Джулия покраснела и предложила ему поужинать с ними.

— Нет, — покачал головой Брэдли. — Спасибо, но не могу. Я приду завтра. Про что тебе интереснее: про их язык или про технологии?

— Ну... про технологии, наверно.

— Вот так и знал! — Брэдли вдруг подмигнул ей. — То-то у тебя глаза загорелись, когда я рассказывал про устройство хэйлохоуна.

— Вообще-то, Брэдли... — Джулия снова замялась. — Я не все поняла, что ты сегодня рассказал, а кое-что и прослушала...

— Тогда тем более! — уверенно кивнул Брэдли.

— Что?

— Тем более надо принести тебе схему сюжетного развития и таблицу их ценных минералов. С ними сразу станет понятнее!

— Ну... ладно, — кивнула Джулия. — Приноси, я постараюсь вникнуть!

— И не забудь, что тебе еще надо будет о своей истории мне рассказать! Мне очень нравится, как ты рассказываешь!

— Спасибо, Брэдли. Я... люблю рассказывать о своей истории. И когда слушают — тогда особенно люблю.

***

— Эй, Роберт... — неуверенно начала Джулия. — Ты... эээ... ну, не хочешь посмотреть мое дополнение к последнему комиксу? Я только что закончила!

Прошло около двух недель с того дня.

— Джу, ты же сама видишь, что я сейчас занят. Я как всегда рад, но как всегда занят.

— Вижу, да, но Роберт... я могу подождать! Можно я просто понаблюдаю пока?

— Пока да. Но Лили скоро придет. Мы с ней давно не виделись, ты же знаешь... разберем итоговые тесты. Сегодня как раз последний был... А почему бы тебе пока не поболтать с Брэдли? Как у вас? А вечером покажешь мне!

— У нас все прекрасно, конечно! А как еще у нас может быть? Он очень подробно спрашивает меня о каждой моей сюжетной детали! Класс, да?

— Тогда почему я все еще первый в списке?

— Потому что... не знаю! Правда, Роберт, почему? — Джулия хихикнула. — Спасибо за идею, пойду-ка я, правда, к Брэдли! С ним здорово, он всегда готов меня послушать!

«И правда? Он всегда-всегда найдет время на меня!» — подумала Джулия, но не ощутила никакой радости.

«Да мне очень нравится с Брэдли, — уверяла она себя. — И я не могу дождаться, когда начнется настоящее лето и каникулы! Все дни можно будет вдвоем истории сочинять и обсуждать! Ура!»

Как-то утром она проснулась в плохом настроении.

«Эти слизняки мне уже второй раз приснились, — вздохнула Джулия и вдруг разозлилась. — Этот Хвэнхохэй! Что за глупое имя?! — она повернулась на другой бок, но это не помогло. Джулия вскочила и стукнула подушку кулаком. — Вот тебе, Хвэнхохэй! Вот тебе! На, получай! Еще раз явишься в мой сон — я тебе так врежу, что мало не покажется! И не посмотрю на твой этот хэйлохоун, я все равно не понимаю, что это такое!»

Джулия перестала бить подушку и посмотрела в окно на небо. День был пасмурным.

«Ладно, хватит шуметь, — приказала она сама себе. — Пока все думают, что ты спишь, самое оно проработать какую-нибудь историю. За эти две недели я только и сочинила, что одну страницу. Непорядок».

Джулия открыла блокнотик, где были записаны все ее идеи. Перечитала их.

«Вот эта, про спортивные игры, пожалуй, — сделала она свой выбор. — Тут у меня было о футболе...»

Джулия попробовала представить Биба, но вместо него прямо перед глазами у нее встал огромный слизник на футбольном поле.

«Ерунда какая!» — Джулия покачала головой.

Но слизник не собирался уходить.

«Убирайся ты, эй! Прочь отсюда!» — слизник наконец пропал из воображения. Но и поле тоже.

«Ладно, я попридумываю лучше о другом... про поле не надо. Например, о...
... лаухан-как-там-его!» — неожиданно для себя закончила Джулия.

— Нет-нет-нет! — тихонько прошептала она, зажмурившись, и закачала головой.
— Я думаю сегодня о Бибе, о Бибе, о моем Бибе!

Она спустилась на завтрак очень хмурая.

Такой же она пришла и к ужину.

— Джулия, в чем дело? — спросил папа. — Брэдли не понравилась новая история?

— Брэдли всегда нравятся мои истории, все-все.

— Тогда что не так?

— Пока вообще никакой новой истории не получается. Я не могу сосредоточиться! — жалобно выдохнула Джулия. — Впервые у меня так! Что это, пап? Что такое? Почему?

Папа пожал плечами.

— Так бывает, просто подожди до завтра для начала...

Джулия кивнула.

Но завтра наступило, а идей так и не появилось.

Один раз Джулия уже надумала сюжет для довольно трогательного рисунка, а потом ей представилось, как она показывает его Брэдли: как он увлеченно его разглядывает и хихикает, как он обычно любит.

Джулию передернуло, и она отложила карандаш.

Заглянула мама:

— Джулия, солнышко, ты тут сидишь уже третий день, ты помнишь?

— Да, мам, — понуро кивнула Джулия.

— Что не так?

— Я... не знаю, мам. Все, кажется, так, а если что и не так, так стало даже лучше... ну... вот так.

— Не рисуется?

— Не рисуется.

— В гостиной сейчас Роберт. Ты не хочешь с ним поговорить?

Джулия пожала плечами:

— Если он сам захочет...

Казалось, она вот-вот расплачется. В гостиную она так и не пошла.

— Эй, Джу, ну что за дела? — спросил пришедший Роберт, не дождавшийся ее появления внизу. — Я думал, ты мне покажешь какой-нибудь новый рисунок, а тут вдруг... что, Брэдли вдруг надоело? Или он только притворялся, что ему интересно?

— Нет, — Джулия шмыгнула носом. — Ему все так же интересно. Почему ты вдруг так спрашиваешь?

— Тогда что?

— Я... — Джулия глубоко вздохнула и вдруг неожиданно выпалила, — я хочу, чтобы ему перестало быть интересно! Чтобы он вообще меня забыл!

— Я не понимаю, Джу!

— Я сама не понимаю! — Джулия энергично закачала головой. — Я не понимаю, не понимаю, но какая разница?! Я просто не хочу! Я ненавижу слизняков! — выпалила она в сердцах. — Слизняки склизкие, мерзкие, и я их ненавижу! Они мне теперь снятся!

— С чего бы тебе вдруг стали сниться слизняки?

— С того! Он забил мне ими всю голову! Своими дурацкими слизняками! Я теперь не могу ничего представлять, чтобы они не появлялись! — Джулия обхватила руками подушку. — Этот Хвэнхохэй! Хвэнхохэй преследует меня! Или Жэлохоуф! Кто их разберет! Они одинаковые и оба ужасные! Ужасные! Лезут во все мои истории! А мне еще надо выучить, что такое хэйлохоун, а то Брэдли часто говорит, а я не понимаю!

— Хэйлохоун? — переспросил Роберт и не смог сдержать улыбки.

— Это его особый язык, я пытаюсь его выучить! — пробормотала Джулия. — Хэйлохоун, джоунквах и еще то ли хвойунхы, то ли ухвойнхы, язык сломаешь!

— Да зачем? — казалось, Роберт вот-вот расхохочется.

— Чтобы его поддержать! Чтобы он не думал, что мне все равно! — Джулия почти плакала. — И его слизняки, я зря говорю, что они дурацкие... они же хорошие, раз он так их любит, когда автор искренне любит свое детище — оно хорошее... но я их ненавижу! Я их...

— Джу, слушай! — перебил Роберт. — Давай ты посидишь минутку спокойно. Они посидели.

— А теперь еще раз. Но только честно — и перед собой тоже — тебе интересна история Брэдли?

Джулия покачала головой.

— Тогда зачем? Зачем ты себя так истязаете ею?

— Чтобы он не обиделся. Он же интересуется моей! Во всех подробностях — даже так!

— Тебе нравится с ним общаться?

— Мне... ну... он очень внимательный, и я давно хотела, чтобы кто-нибудь...

— Честно перед собой!

— Нет, — Джулия опустила взгляд. — Нет, Роберт, меня раздражает, что он хихикает, когда не надо, и не хихикает, когда надо. Но разве мне решать и указывать?

— Но ты хотела бы другой реакции? Так ведь?

— Да... но я не могу ничего изменить! Он же искренне хихикает! Что ему, притворяться что ли, чтобы мне угодить?.. — Джулия вздохнула. — И вообще, я ужасно устаю теперь от собственных же идей — я рассказываю, рассказываю, а ему все мало, он требует кучу подробностей, которые ему одному нужны, и в итоге я в них совсем запутываюсь, и мне хочется отбросить все вообще! Вот! Лучше вообще не начинать, чем постоянно мучиться на допросе!

— Джу, тебе надо сказать ему все, как есть. И чем скорее, тем лучше! — сказал Роберт очень серьезно.

— Нет, — Джулия покачала головой.

— Почему? Джу, я тебя правда не понимаю!

— Может, я еще привыкну... может, это пойдет на пользу моей истории в итоге — что я буду продумывать столько всего...

— Не поэтому, — твердо обрубил Роберт. — Почему? Честно перед собой!

— Потому что мне его жалко, Роберт! Мне жалко, что его никто кроме меня не слушает! Он слишком серьезный и скрупулезный, у него очень запутанная история, когда я предложила как-то ее упростить, он стал спорить со мной — своими запутанными словами... у него очень нестандартные представления о юморе — я таких пока больше не встречала! — и я... я понимаю, почему все от него убегают... Я и сама хочу убежать, но не могу! Я же знаю, что он чувствует! Знаю! Потому что от меня так же убегают, как от него! Ну не могу я так просто его бросить! Он же останется совсем один! — Джулия уткнулась в плечо Роберта и расплакалась.

Роберт дал ей немножко времени похныкать.

— Эй, Джу, — начал он наконец. — Я практически уверен, что Брэдли будет тебе гораздо более благодарен за своевременную правду, чем за притворство. Даже с такой вот благородной целью, как у тебя. Ты хотела бы другого, и он тоже — поверь, никому не радостно, когда с ним общаются из жалости, а не из искреннего интереса... Вы просто разные. Он не плохой. И ты не плохая. Просто разные. Интересы схожи, но взгляды разные, темпераменты — и вы все равно не понимаете друг друга. Не принимай ты так близко к сердцу! Такое бывает, и часто. Настоящая дружба — крайне редкое явление и огромная удача!

— Но Роберт! Понимаешь, я всегда думала, что не поведу себя так, как другие — когда ты рассказываешь, хочешь, чтобы тебя выслушали, а они... они убегают. Я думала, я не такая! Я хотела бы быть не такой! И я... я все хотела — вот как всегда в мультфильмах бывает — встретить человека, которому была бы нужна моя поддержка, чтобы он считал свои идеи, ну, глупыми какими-нибудь, а я бы сказала ему: «Ну что ты! Они замечательные! Давай попробуем их вместе воплотить!» — и он бы сказал мне: «Спасибо, Джулия! Давай и правда! Вместе мы сможем!». Ну, как оно всегда бывает!

— В мультфильмах, — тихонько вставил Роберт.

— Ну в мультфильмах, и что?! Я верю, что так бывает!.. И вот, появился такой человек, а я... я как все — понимаешь, Роберт?! — как все, считаю его идеи странными. И хочу убежать. Я оказалась совершенно не такой, какой я думала. Я безразличная, как и остальные, — Джулия закрыла глаза руками.

— Нет, Джу, вовсе нет, — попробовал утешить Роберт. — Остальные бы не довели себя до того состояния, в каком ты сейчас оказалась... Тебе не все равно, но просто он не твой человек. Ты встретишь еще когда-нибудь кого-нибудь другого — несчастного и запуганного, как ты любишь, в лучших традициях — кого тебе захочется поддержать, и поддержать искренне. Я знаю, ты такая! И Брэдли тоже встретит, наверно.

— Откуда ты знаешь?

Роберт пожал плечами.

— Ниоткуда, но мне хочется верить. Что я знаю точно уже сейчас, — ты не тот человек, который ему нужен. И он не тот человек, который нужен тебе, чтобы мысли о заботе о нем приносили тебе радость. Вот и все. И это вряд ли когда-нибудь изменится. Кончится тем, что когда-нибудь ты не сможешь сдержаться, и скажешь ему прямо в лицо, что слизняки его дурацкие — как говорила мне сегодня. Что ты его ненавидишь, что он тебе противен... ты же не хочешь довести до такого?

— А если все-таки?

— А если все-таки — это, конечно, если все-таки, а важно то, что происходит с тобой сейчас. Если «если все-таки» когда-нибудь наступит, тогда и будем думать.

— Но Роберт, я даже не представляю, как ему сказать...

— Да, это будет тяжело, тебе так особенно... но чем быстрее решишься, тем лучше, — он немного помолчал. — Знаешь, у меня большой опыт отказов — всяким там уфологическим ребятишкам из школы, которые меня преследуют периодически, — но я, правда, редко когда думаю, как бы с ними повежливее...

— Я хочу сама подумать, как ему сказать. Уж точно не как ты обычно!

— Да, как я лучше не надо, — согласился Роберт. — Возьми меня как антипример... Думай, Джу, думай! Ты сможешь сказать ему гораздо лучше, в этом я не сомневаюсь. Просто подумай как следует.

Роберт похлопал ее по плечу и встал:

— Ну что, я тогда пойду? Желаю тебе успехов. Просто помни: на свете очень много всего — информации, идей, людей, занятий — и если ты хочешь прожить интересную жизнь и добиться творческих успехов, то надо уметь отсекал все то, что твоему творчеству мешает. Твой отказ вовсе не делает тебя хуже или бессердечней. Как не делает хуже эти идеи или людей. Кому-нибудь другому они могут быть просто необходимы. Они найдут друг друга. Если захотят найти — то найдут. Просто иногда не всегда сразу это случается. И как тут быть? Никак. Просто делать свое дело и ждать.

***

Джулия прыгнула на кровать в расстроенных чувствах.

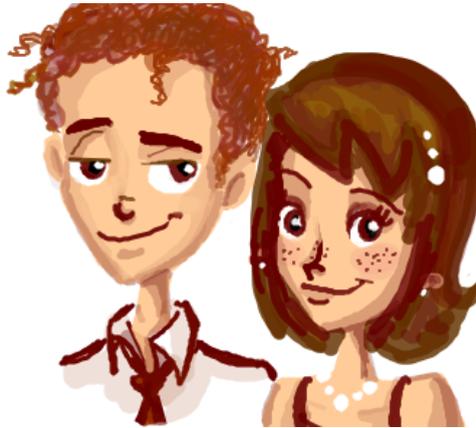
«Роберту опять некогда! Ему всегда некогда, когда я прихожу с новым рисунком! Никому нет дела, никогда! Всегда я первая подхожу! И Никки — никогда мне не позвонит! Никто обо мне не вспоминает! Никогда!»

Перед глазами у нее вдруг встал Брэдли — такой, каким она запомнила его во время их последнего разговора. Прошло уже около двух месяцев. После того разговора он никогда больше не звонил и не приходил. Честно говоря, она была рада.

Тем не менее, как и всегда, когда Джулия начинала жаловаться на безразличие окружающего мира и перед ней тут же всплывал образ Брэдли, она почувствовала некоторое подобие как будто бы упрека.

Она была не виновата, что так получилось, не виновата.
Джулия зажмурила глаза, что есть силы, просто чтобы не видеть вообще ничего.

О пингвинах и прочих чудесах

— Пап, а можно сначала в Антарктиду? Ну совсем на чуть-чуть? — спросила Шерри.

— Что-что, сахарок? — не понял мистер Дчжонс. Мистер Дчжонс всегда называл ее сахарком, когда они пили чай, как сейчас. А иногда и без чая тоже.

— Да я о нашей экспедиции на Землю. Вы когда-нибудь летали в Антарктиду?

— Нет, зачем? Там очень холодно.

— Там пингины! — Шерри посмотрела на родителей горящими глазами. — Я бы первым делом отправилась в Антарктиду к пингвинам! А потом уже все остальное.

— Если дело только в пингвинах, то мы можем обойтись и без Антарктиды, — заметила миссис Дчжонс. — Они обитают и в других местах.

— Нет, мам, тут все сразу, — Шерри с чувством закачала головой. — Вы что, забыли ту книгу с Земли? Об исследовании Антарктиды! Ну ту, с синей обложкой и белыми буквами! Там было очень много всего и особенно о пингвинах. Вспомнили? Я ее постоянно перечитываю! Ну давайте всего на один день залетим туда, а потом отправимся, как решили, сначала в Нью-Йорк и дальше... пингины хорошие.

Миссис Дчжонс вопросительно посмотрела на мужа. Решение было за ним.

— Хорошо, — добродушно согласился он. — Я тоже еще ни разу не бывал в гостях у пингинов, а ведь заманчиво звучит, — мистер Дчжонс подмигнул и жене, и Шерри сразу. — Только наша принцесса сама решит, куда нам приземляться и насколько теплые вещи нам понадобятся, раз уж она главный эксперт по Антарктиде среди нас. Этот день пройдет полностью под ее руководством! Принцесса согласна?

— Ну конечно, пап! Мне же 15! И никакая я не принцесса, — важно кивнула Шерри, и глаза ее заблестели еще сильнее. — Ну когда там они ответят?

— Не знаю, непринцесса, не знаю, но надеюсь, что скоро.

Когда же и правда они ответят? И как это глупо! У них есть трехместный корабль, он всегда был трехместным, а лететь в нем могли все это время только два человека. Просто потому, что на третьего пока не было разрешения от Администрации.

Ужасная глупость, считала Шерри.

Если бы не это глупое разрешение, она бы и раньше могла летать с родителями в экспедиции на Землю. Сколько всего интересного и удивительного она пропустила из-за какой-то бумажки! Нечестно!

Недавно ей исполнилось 15. К этому моменту она как раз закончила свою последнюю версию переводчика с земного на тыньчжианский и обратно. Воплощение всего проекта заняло гораздо больше времени, чем она думала, когда только начинала, — почти пять лет. Но она справилась! Среди больших изобретательских проектов он был для нее уже вторым по счету, и почти полностью самостоятельным (родители помогали, но основную часть работы выполнила сама Шерри).

И мама, и папа были в восторге. Действительно, работа была проделана громадная и выглядела в глазах даже непосвященных в детали людей впечатляюще. Поэтому мистер Дчжонс подал заявку на получение разрешения для полетов на третьего человека — теперь было можно.

— Ты несомненно его заслужила, — сказал он дочери. — Если только там сидят не полные дурни, они, конечно, довольно скоро перестанут ломаться и согласятся. Впрочем, верить надо в лучшее, а быть готовыми ко всему.

Шерри была уверена, что все получится. Все было прекраснее некуда! Подумать только! Они наконец накопили достаточно средств на новую экспедицию на Землю, большую экспедицию, и разве может быть что-то прекраснее?

Она наконец-то побывает там! Сама! Никаких больше рассказов, фотографий и видеозаписей — она САМА все увидит! Совсем скоро! Она наконец сможет вместе с родителями поговорить с земными — благодаря тем самым переводным устройствам!

Шерри думала об этом постоянно — все то время, все те несколько лет, что работала над ними.

Не терпелось испытать их в действии! Уже совсем скоро! Это будет незабываемо, и потом будет сниться им всем каждую ночь снова и снова! Это будет лучшая экспедиция на свете!

Шерри целыми днями теперь планировала, чем они будут заниматься на Земле и как провести время с максимальной пользой. Она засыпала родителей вопросами и предложениями. И все их разговоры на эту тему неизменно кончались Шерриным:

— Ну когда там они ответят?

Ну когда же?

***

Через несколько дней Шерри столкнулась с отцом в прихожей.

— Шерри, милая, — остановил ее папа. В руках он держал письмо, лицо его было бледным. Он вздохнул и сказал прямо, — нам не дали это разрешение.

Он стоял перед ней и не знал, что делать дальше. Шерри безвольно опустила на ступеньку и сложила руки.

— Не дали? — переспросила она, пытаясь сдержать слезы. Похоже, все ее силы уходили сейчас на это, больше она ничего пока не говорила.

Мистер Дчжонс знал, как она не любит, когда кто-нибудь, и даже отец, видит ее слезы, поэтому постарался сделать вид, что ничего этого не замечает.

— Они не дали, но это не конец. Мы обязательно разберемся и мы обязательно его получим, Шерри. Я тебе обещаю, так просто мы это не оставим! — твердо сказал он и погладил ее по голове.

Шерри все так же молчала. Сейчас он не видел ее лица. Она отвернулась и, судя по вздрагивающим движениям плеч, все-таки плакала.

Мистер Дчжонс сел рядом и попытался ее обнять.

— Ну-ну, сахарок, я тебе обещаю, мы с мамой не оставим это все так просто! — повторил он. — Я обещаю.

Когда Шерри немного успокоилась, мистеру Дчжонсу пришлось продолжать.

— Мне надо тебе еще кое-что рассказать, милая. Я понимаю, что сейчас это все некстати, но чем скорее, тем лучше. Я обязан предупредить тебя заранее.

Шерри повернулась к нему. Глаза у нее были красные, она выжидающе смотрела на него.

— Милая, они еще кое-что написали. Я думал, когда они передадут нам третье разрешение, они автоматически продлят два наших старых. Но они решили по-другому. Они напоминают, хотя нет... они требуют, чтобы мы сейчас же, фактически, уже через пару дней совершили полет на Землю — там по новым правилам истекает какой-то срок и прочие формальности, как назло, именно сейчас, — иначе наши старые разрешения аннулируются по ненадобности, невостребованности или черт их знает как. Так что нам необходимо будет совершить срочный полет в ближайшие дни, малейшая отсрочка — и будет поздно. Вот так все невовремя. Если бы они не тянули с ответом, если б хотя бы раньше предупредили, мы бы что-нибудь придумали... а теперь... Ты знаешь, мне ужасно не хочется оставлять тебя сейчас одну, тем более после таких вестей, но... ты же понимаешь, эти разрешения так сложно достаются — мы не можем их потерять, надо лететь.

— Вы с мамой полетите?

— Да, надо задействовать два разрешения сразу...

Шерри вздохнула и задумалась.

— Пап, слушай, — начала она наконец. — А можно... можно, пожалуйста, чтобы ты, или мама, кто-нибудь из вас, ну... — она набралась решимости, — уступил бы мне этот полет?

— Уступил бы полет? Милая...

— Ну да, — увереннее продолжала Шерри, — ведь эти разрешения не именные, нет? Это же как билет на поезд — может ехать кто-то один, а может поехать другой. Дорогой такой билет, ну и что? Всего лишь билет... Ведь ты, если захочешь, можешь уступить мне разочек свой билет? Или мама? И ты, и она — вы были на Земле уже много раз, а я еще ни разу... даже если вдруг мне и дадут разрешение, мы же все равно потом опять будем долго копить на новую экспедицию... а мне так хочется... мне хочется сейчас!

Мистер Дчжонс покачал головой.

— Я понимаю, крошка, но сейчас никак нельзя. Я бы...

— Я совсем не крошка! — перебила Шерри неожиданно резко. — Мне 15! Я не крошка! Вы все считаете меня крошкой! Нечестно! Я исследовательница, пап, я тоже исследовательница! Вы с мамой опытнее меня, но это же не значит, что меня всегда надо оставлять дома! Я выросла! И тоже кое-чему уже научилась! Я много могу! Если б я полетела, я бы постаралась сделать не меньше, чем сделал бы ты! Или мама! Я все дни об этом думала — что бы я делала в экспедиции!.. Я не крошка!

— Шерри, не в этом дело. Я много раз говорил и повторяю: ты заслужила лететь на Землю. Поверь мне, я уже думал о таком варианте, мы с мамой думали, но... — мистер Дчжонс замялся.

— Что «но»? — спросила Шерри несколько недоверчиво.

— Потом мы вспомнили, — мистер Дчжонс продолжал мяться, потому что разговор подходил к нелюбимой для них и особенно для Шерри теме, — мы вспомнили, что твои экзамены...

— И всего-то? — изумилась Шерри. — Это все из-за каких-то дурацких школьных экзаменов?!

— Они не дурацкие, — покачал головой мистер Дчжонс. — Мне кажется, они могли не дать тебе разрешение именно из-за этого — потому что ты пока не сдала экзамены. Я не знаю точно, я плохо разбираюсь в их логике, но это видится мне основной причиной. Мы много раз обо всем этом говорили, и тут я непреклонен: ты просто обязана сдать свои экзамены и получить свою специальность, пусть даже тебе это кажется бессмысленным занятием. Мы обсуждали это тысячу раз, и я не хочу это все повторять. Однако, милая, если хочешь, я повторю опять.

— Но оно бессмысленно! Оно бессмысленно! — судорожно перебила Шерри. — Если только из-за него вы не хотите пустить меня на Землю... да я бы меньше обиделась, если б вы сказали, что я еще маленькая, чем это... это... это оскорбительно, пап! Это больно! Это нечестно!

— Значит, мне придется повторить это еще раз. С формальной стороны без специальности человек в нашем обществе...

— Не надо! — перебила Шерри. — Я знаю, знаю я все! Что это все касается моего будущего и вы заботитесь, но пап!

— Милая, но что я могу тут сделать? Такое неудачное стечение обстоятельств! — мистер Дчжонс заломил руки. — Назначили все свои экзамены в то самое время, когда нам необходимо улететь! Но это же выше моих сил — передвинуть сроки!.. Если б только они раньше предупредили насчет разрешений, мы бы с тобой улетели раньше, вдвоем, до экзаменов, и возвратились бы к ним...

— Но почему я не могу улететь сейчас и сдать экзамены, когда вернусь? Они же передвигают их иногда, я знаю!

— По уважительным причинам, — покачал головой мистер Дчжонс.

— Вот именно! Это уважительная причина — исследовательница отправляется в экспедицию!

Мистер Дчжонс еще раз покачал головой.

— Но ты же сам мне говорил, — менее уверенно добавила Шерри. — Судят по поступкам. Я же... я же исследовательница. Они это поймут. Что я не могла по-другому, что мне надо было улететь...

Мистер Дчжонс молчал.

Шерри вдруг вырвалась у него из рук.

— Ах вот оно значит как! Понятно! Значит я все-таки не исследовательница! Не настоящая исследовательница! Значит, все это время сплошная игра! Вот так, значит! Я всего лишь играю в исследовательницу, в изобретательницу! И никто на самом деле... и я никогда не стану на самом деле... Вот так, оказывается! На самом деле все — все-все, и даже вы с мамой, — все, кроме меня, понимают, что так будет, все знают, что это всего лишь игра, и знают, что на самом деле я всего лишь... что я... Вы с мамой опять улетаете, опять! Если б я была настоящей исследовательницей, мне бы конечно разрешили сдать экзамены позже! И мне бы дали разрешение! И хотя бы вы! Пусть остальные! Но вы! Если б вы верили, а не играли, вы бы меня не оставили опять!

одну!.. Вы только и делаете, что играете со мной! А на самом деле я просто дурацкий менеджер склада!

Она метнулась, не зная, куда бежать. В их старом доме она бы наверняка убежала на чердак, но в новом доме его не было. Это была большая современная квартира с очень современной лабораторией, где Шерри знала каждый уголок и проводила большую часть времени.

Но менеджеру склада нечего делать в лаборатории.

Она судорожно огляделась по сторонам и все-таки убежала наверх — в лабораторию.

***

Мистер Дчжонс нашел ее в третьем секторе, у окна. Она сидела к нему спиной и крутила что-то в руках. Было уже темно, но она не стала включать свет — и только в окно пробивался свет большой луны.

Он положил ей руку на плечо.

— И все-таки лаборатория, — тихо сказал он, — я знал, ты выберешь ее.

— Куда мне еще бежать? — спокойно полуспросила-полусогласилась Шерри. — Я не могу отказаться от лаборатории, и даже когда очень хочу, ну, изобразить протест или как там, какая я несчастная, — она оглянулась на мистера Дчжонса и не очень уверенно улыбнулась, — все равно не могу. Это глупо.

Мистер Дчжонс сел рядом:

— Что там у тебя в руках?

Шерри показала. Это был ее пропуск в школу — с именем, фамилией, специальностью и прочими данными. Обычно Шерри держала его в чехле, под который она приспособила одну из привезенных ими с Земли обложек, чтобы не видеть всего, что там написано, но сейчас она намеренно сняла его — и можно было прочесть каждую букву. Даже при свете одной большой луны.

— Шеррилья Дчжонс. Менеджер склада, — вслух прочитала Шерри, — это же про меня, пап. Это принадлежит мне... Я тут сижу весь вечер и пытаюсь понять пару строчек. Казалось бы, чего проще, а я не понимаю. Все это время читаю и читаю — снова и снова — но сколько ни читаю, я не могу поверить, что это правда все обо мне! Если бы я была не я и вдруг нашла бы эту карточку, я бы ни за что не подумала, что какая-то Шеррилья с карточки, которая учится на менеджера склада, ну... что она — это я, ну не я, но... я запуталась, пап... Сегодня первый раз серьезно задумалась, что это не только тут. Это на всех документах так. И для всех так... А я... Я же совсем не чувствую себя Шеррильей, складским менеджером, неужели это правда обо мне? Неужели это правда я? Ну почему? — она посмотрела на мистера Дчжонса с неподдельным страданием. Он не нашел, что ответить.

— Я боюсь, — продолжила Шерри после небольшого молчания, — я очень боюсь, пап, сдать все экзамены. Лучше вообще ничего не сдавать, тогда я хотя бы буду сама по себе. Все равно не изобретательница, но хотя бы не менеджер... А если сдам — тогда уж точно превращусь, раз и навсегда, в этого складского менеджера. Я делаю все, чтобы не быть им, и я все равно остаюсь им!

— Неправда, — не согласился мистер Дчжонс. — Если начистоту, то складской менеджер из тебя, ты уж прости, совершенно никакой. И даже если ты сдашь все экзамены, а я все-таки надеюсь, что сдашь, бумажка тебе не поможет, и ты все равно

останешься никудышным складским менеджером. Она ничего не изменит. Сплошная формальность.

— Но тогда...

— Но если ты ее получишь, ты сможешь прийти в Ассоциацию Изобретателей и сказать им: «Посмотрите, у меня есть стипендия Администрации на исследования, у меня есть собственные изобретения! А теперь еще и законченное образование!»

— В том-то и дело, пап! Образование вообще не то.

— И все-таки, я знаю, они куда больше обрадуются, если будет хоть какое-то, чем никакого. С хоть каким-то они могут дать тебе шанс попробовать сдать экзамены на членство, а без образования они точно скажут, что ты даже читать не в состоянии.

— Это все безумно звучит, — Шерри покачала головой.

— Не спорю, — согласился мистер Дчжонс. — Вся система образования у нас довольно безумная, и я просто удивляюсь, почему пока только в нашей семье с этим возникли проблемы... Так вот, крошка, я представляю, как ты расстроена, очень хорошо представляю, но подумай, на это можно и по-другому посмотреть. У тебя есть талант. Вот что главное! Вот чему надо радоваться!.. Ты знаешь мистера Шекспира из Англии? Это один из величайших земных поэтов, и они любят его цитировать — по сей день. Он еще несколько веков назад написал: «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет». Ты — наша роза, а все эти бумажки с названиями — есть они, нет их... они, конечно, сильно влияют на отношение людей к тебе, на ту картину мира, что в их головах, и это, увы, весьма существенно, а все же, они не всемогущи. Бумажки мало влияют на объективную реальность. На то, что есть на самом деле сейчас. Но именно это главное, я так говорил и продолжаю считать.

У нас есть надежда изменить когда-нибудь их представления о тебе, потому что представления зависят от реальности. Какая у нас объективная картина? Ты и сама прекрасно знаешь: на деле ты ужасный менеджер склада и замечательная изобретательница. Пусть даже по бумагам все по-другому. Это всего лишь недоразумение. И я верю, что со временем мы его исправим.

Ну хорошо. Пока на нашем пути встали трудности — так что же? Сразу руки опускать? Сразу отречься от своего призвания? Ну уж нет! Как только, сахарок, ты сдашь свои экзамены, что вовсе не будет означать, что ты мигом превратишься в менеджера склада и весь твой характер и способности переменятся — никак нет! — мы тут же подадим заявку на вступление в Ассоциацию изобретателей и на то самое разрешение для полетов на корабле, еще раз. И посмотрим, что будет. Я тебя уверяю, они не смогут постоянно закрывать глаза на объективную реальность, не смогут. Должна быть и справедливость какая-то, я верю.

Шерри улыбнулась и прижалась к его руке.

Мистер Дчжонс посмотрел на нее с грустью.

— Знаешь, милая, — сказал он серьезно, — мне очень стыдно перед тобой.

Шерри посмотрела с недоумением.

— Да, крошка, это так, — он немного помолчал, собираясь с духом. — Мне стыдно, и мне больно видеть, как ты расстраиваешься. Ты расстраиваешься из-за специальности, из-за того, что у нас не хватает разрешения на полеты, а все, что я могу сейчас, — говорить о справедливости. Папа-герой, папа-оптимист, папа-исследователь... но ты же взрослая, ты наверняка уже догадываешься о правде, и я понимаю, что поддерживать постоянно образ самого-лучшего-в-мире-папы и

дальше — просто глупо. Глупо не признавать своих ошибок. Виноват я, а расплачиваешься теперь ты. Все тебе досталось.

Шерри не сводила с него глаз.

— Все это время — я рассказывал тебе только отдельные эпизоды из своего прошлого. Все только хорошее, и везде преподносил себя в героическом свете. Вот, например, твоя с детства любимая история — о том, как мы с мамой впервые попали на Землю. Со всем этим драматизмом: летим мы на корабле на важную сделку, и тут вдруг смотрю я на звезды и думаю «А здорово же мне попробовать повести корабль самому!», отключаю автопилот — и прямиком на Землю падаем. Конечно, на что я надеялся! Меня никто не учил управлять кораблем! И на самом деле, чего я никогда не добавлял в свой тот рассказ, я был слишком самоуверенным, а мама тогда все время требовала, чтобы я ее удивлял — потому что тоже была вполне себе высокого мнения о себе и считала, что любить мужчину надо только тогда, когда он готов вытворять всякие безумные поступки, неважно какие. О том, как мы аварийной посадкой сели где-то ночью в США — потому что там было очень много огней. О том, как мы удивились, когда взошло их солнце — какая красочная у них природа. Это был незабываемый рассвет, незабываемый! О том, как увидели в их газетах комиксы — первые комиксы в нашей жизни! О том, как додумались зайти в парк аттракционов. И как потом попали под дождь и хохотали. Все это здорово, все это прекрасно, так оно и было!

Но это еще не все! Я никогда не добавлял, что та важная сделка провалилась — из-за моей неосмотрительности! Подумай, я прилетел с Земли и споказушничал, демонстративно не стал ничего объяснять — вроде не до этого мне было, я переживал сильное душевное потрясение и ненависть к деньгам. В итоге моим менеджерам пришлось продать одно из наших фамильных поместий — чтобы расплатиться с кредиторами, у которых я назанимал перед сделкой, которая из-за меня же и провалилась. А нас с мамой тогда это все не заботило. Мы целыми днями болтали друг с другом о Земле, вот и все, чем мы занимались.

Мы жили на полную катушку — всегда. Солнышко, я с детства знал, как важны в нашем мире деньги, как много они решают, я не мог этого всего не знать — я вырос в наследственной семье банкиров, и это дело переходило у нас из поколения в поколение, а состояние приумножалось. Я все это знал, но привык жить в настроении «Ни о чем не задумываться, ни в чем себе не отказывать». И мама тоже. Наши родители еще давно нас познакомили, она была из семьи друзей, тоже очень богатой. Ну, ты знаешь, она тоже закончила банковское дело в школе.

Наш союз казался очень желательным всей нашей родне. Я как-то никогда и не думал о своей судьбе, оно шло все по накатанной: специальность банкира мне предоставили, семейное дело и состояние тоже, и жену для меня нашли они же, да и вообще, я всегда чувствовал себя желанным, востребованным, победителем. Все считали за честь иметь меня в знакомых, меня приглашали на все вечеринки, я был тем, что понимается у других как «влиятельные связи», я рано вступил в дело — мне дали огромное состояние в руки и я был волен управлять им, как захочу (хотя, конечно, советами родни я не был обделен). Что я лично сделал для этого?

Ничего. Я просто родился в такой вот удобной семье. И при этом считал себя величайшим талантом и гением, которого все просто обязаны любить. На самом деле все это передали мне мои родители, это их заслуга, и всех наших предков.

Другие, казалось бы, понимали, что со временем они сами станут родителями. А мы с мамой — нет, мы с ней не думали об этом. Нам казалось, что наши запасы вечны и неисчерпаемы. Нам все легко досталось и мы думали, что так же легко оно с нами и будет оставаться.

Знаешь, милая, я помню, как однажды... хотя нет, честно признаться, я это все забыл — я всегда такие вещи забывал, их было много, больше, чем я запомнил, и, честно говоря, я даже рад сейчас, что забыл большую часть из них, как бы малодушно это ни звучало. Потому что даже из того, что я помню, мне становится не по себе — как ужасно я себя вел тогда.

Так вот, это потом уже мне вспомнилось... — мистер Дчжонс ненадолго остановился, чтобы перевести дух, — точнее, сам бы я точно не вспомнил... но как-то раз я встретился с отцом Элроя. Вы тогда только-только начали дружить. Я думал, что вижу его в первый раз, но он мне намекнул на события из прошлого, и я вспомнил. Оказывается, мы встречались раньше. Я-то никогда не запоминал, но для очень многих эти наши минутные встречи были событиями, которые остались у них в памяти очень надолго. И отец Элроя — живое подтверждение.

Была у меня такая забава, когда я еще не стал главным держателем акций, но уже занимал положение, числился как «папенькин сыночек» и был известен практически всем, — заходить в наш центральный офис — в какой-нибудь отдел, где возились с самыми мелкими делами, типа потребительских кредитов. Я помню, как заходил к своим работникам, садился и слушал. Все эти просители меня практически всегда узнавали — либо краснели, либо бледнели, а меня это все забавляло, и я был главным вершителем их судеб — в те минуты, так я мнил. Ни о какой справедливости, конечно, не было и речи. Все зависело от моего настроения и симпатий, ничем не подкрепленных. Мне нравилось с ними играть — иногда я брал самоуверенный тон, иногда доверительный, иногда наоборот жесткий... как-то раз я попал на мистера Макинтоша — мне тогда было лет девятнадцать, он был года на два младше, наверно. Судя по всему, ему уже отказали, но он продолжал стоять в приемной. И тут — как раз он я появляюсь, важный такой! Я не помню точно, как именно я себя повел, но, зная себя в те годы, могу предположить.

Судя по намеку и догадкам, которые он у меня порождает, я решил взять тон доверительный и сыграть в спасителя. Я, вероятно, напредлагал ему поделиться со мной своей проблемой. Обнадежил его. Вроде бы, если только это действительно был он и я его ни с кем не путаю, он хотел какой-то хороший дом в элитном районе, но ему не хватало средств, и девушка, руки которой он тогда добивался, могла вот-вот от него упорхнуть. Мне все это казалось крайне забавным. У меня к тому времени уже была невеста — и мне никогда не приходилось рассматривать серьезную конкуренцию со стороны других кавалеров — так что я совершенно не понимал, да в принципе и до сих пор не понимаю, что он мог чувствовать. Я быстро пресек свой дружественный тон, когда история стала мне надоедать, и, конечно, не дал ему никаких особых условий для кредита. В итоге, как я догадываюсь, он своей цели добился, но ему пришлось ждать все это время в неизвестности — я не знаю, сколько времени, судя по его намеку уже потом, как минимум несколько лет... и, честно говоря, я теперь совсем не рад, что стал тогда препятствием в том числе. Я не говорю, что просто обязан был предоставить ему особые условия для кредита, я не знаю даже сейчас, было бы это правильно или нет, но я в любом случае не имел права так хамски вести себя с ним. Я

все время ставил себя выше других, выше тех просителей уж точно, я четко давал им понять, каким я вижу их «настоящее» место, — одним словом, я был самым настоящим хамом... И я понимаю, почему родители Элроя спустя много лет все так же не хотели иметь с нами никаких дел... Все те люди казались мне просто людьми — как будто из ниоткуда, еще и безденежными, но сейчас я понимаю, что они не появлялись там просто, чтобы повеселить меня, а потом так же легко пропасть, когда выйдут из банка... Они продолжали жить, и их проблемы продолжали оставаться при них. Да ну что там, теперь я тоже на их месте, и каждый может оказаться, и вижу, что по деньгам не судят о способностях... но тогда я думал по-другому.

Довольно скоро управление перешло ко мне, и я неплохо со всем справлялся. На самом деле, Шерри, это звучит нескромно, но в качестве банкира я был хорош, может, оно и правда у нас в крови. Мы с мамой всегда были при деле, пару лет под моим руководством банки процветали, и все нарадоваться на нас не могли. В двадцать один я полетел на ту самую, легендарную сделку...

Ты думаешь, мы исправились с мамой потом? Хотел бы я сказать да, но по сути мы остались такими же набалованными сумасбродами, как и были, но с новым увлечением.

Мы продолжали швыряться деньгами направо и налево — теперь уже демонстративно. Мы, конечно, должны были устроить себе лабораторию, нам стоило оплачивать уроки ведущих изобретателей, чтобы получить все необходимые знания, нам стоило купить себе постоянный космический корабль для личных нужд — для наших экспедиций. Но мы могли устроить все это с гораздо меньшим размахом. Мы совершенно не думали о будущем и демонстрировали всем, что деньги для нас с нашим новым увлечением — это совершенно бесполезный придаток, от которого надо скорей избавиться. Вся родня отвернулась от нас, помню, бабушка сказала, что не может пережить такого позора — так я был ужасно доволен, насколько эффектно удалось всем показать, «как на самом деле надо жить». Только мамин отец, твой дедушка, ты знаешь, он изобрел для нас первые переводчики, и его лекции по физике нам очень помогли когда-то, остался с нами и поддерживал все наши глупости. Он просил нас быть осмотрительнее, но, надо сказать, так и не дожил до того момента, когда мы действительно стали.

В итоге мы распугали всех людей вокруг. У нас были хорошие идеи, мы на самом деле очень искренне полюбили Землю и изобретательство, но форма, в которой мы пытались все это донести до остальных, была в высшей степени эпатажной.

За почти десять лет — период с того памятного первого полета на Землю и до твоего рождения, — мы умудрились растратить почти все наше состояние. И ни капли по этому поводу не расстраивались! Пока у нас были деньги, мы купили шикарный трехместный корабль — честно говоря, мы не думали о будущем тогда, и три места купили просто чтобы удивлять всех, с кем тогда общались: «Мы так сильно любим Землю, что нам не хватает двухместного корабля!»

Когда у нас еще были деньги, мы с легкостью купили себе и разрешения для полетов. Мы тогда даже не догадывались, с каким трудом они достаются «по грантам Администрации» — как сейчас пытаемся выхлопотать для тебя.

И разве мы тогда были достойнее, чтобы лететь на Землю, чем ты сейчас? Нет, мы просто были богаче. Никаких грантов мы не просили. Зачем? Есть же деньги!

Купим сами и не будем ни от кого зависеть! Мы тогда еще могли жить по принципу: «Беру все, что захочу!» Могли, но не должны были.

И даже когда родилась ты. Мы и тогда долгое время продолжали не видеть ничего вокруг, кроме нашего главного увлечения. Правда, к твоему рождению наши средства уже почти все растаяли. Оставалось еще немало, но относительно того, что было... Если бы мы подумали хоть немного, мы бы сохранили оставшееся и похлопотали, чтобы года через четыре тебе дали заветного для всех нас «изобретателя». Ты же знаешь непреложный закон: чем богаче семья, тем больше специальностей дают на выбор. Мы могли бы, но... милая, нам нет тут никакого оправдания.

Мистер Джонс помолчал.

— И я, и мама — мы с детства всегда получали то, что хотели, и даже подумать не могли, что у кого-то может быть как-то по-другому. Что мы тоже в ответе... У нас даже понятия подобного в голове не было! Какое тут может быть оправдание? — он тяжело вздохнул. — Как-нибудь ближе к делу разберемся, все образуется, мы же всегда получаем, что хотим, и в этот раз тоже получим, зачем волноваться?... а пока на последние деньги слетаем-ка еще раз к Земле и принесем малышке в подарок новых комиксов! Ей понравится, когда подрастет!

Мы много думали о тебе — но по-своему. Мы всегда тебя любили. Но, опять же, по-своему. Нам нравилось чувствовать себя заботливыми родителями. Ну что уж там, признаю, крошка, что тогда это все было ужасно эгоистическим. Ты сказала сегодня о том, что мы играемся... мы правда когда-то игрались, наверно, и мне больно это признавать. Мы часто улетали, оставляли тебя одну... мы, конечно, привозили подарки, устроили тебе мини-лабораторию, помнишь? Я постоянно рассказывал о своих подвигах на Земле и представлял себя в них абсолютным героем, ты мне верила? Наверно. Мы много смеялись, но, мне кажется, ты чувствовала, что... как бы это сказать?... не знаю, малышка... Я теперь почти уверен, ты не все нам в детстве рассказывала. Извини, если вдруг мои подозрения напрасны... но я же вижу, что я прав... Наверняка ты уже тогда изобретала гораздо больше, и думала о многом, ты не была никогда этим игрушечным дитенком, которого можно оставить одного и он не будет переживать, потому что он всегда веселый. А ты не показывала никогда, что ты не дитенок, что не живая игрушка. Почему? Ты нам не доверяла? Значит, в этом наша вина. Мы не слушали внимательно и до нас было не достучаться. Мы все время думали о Земле. Наверно, поэтому.

Мистер Джонс еще помолчал.

— Знаешь, милая, мы с мамой на Земле видели много всяких чудес. И радуги у них особенные, и водопады, и цветение пустынь, и звездопад, и даже твой любимый извергающийся вулкан... Все это удивительно, настоящие чудеса природы, но чудесное происходит не только на Земле... все это время, крошка, все это время мы не замечали главное чудо — тебя. Я наблюдал извержение земного вулкана и гордился этим много лет. И только теперь я понимаю, что пропустил в то время другое чудо — твое первое изобретение. Я не видел его, я не знаю, что это, ты мне не показала, и в этом моя вина. Я не был рядом, когда у тебя только появилась его идея, я не видел радости на твоём лице, когда ты поняла, что оно работает. Я все пропустил. Помню, ты подбежала ко мне, когда я только вернулся, с криками: «Папа! Папа! Я изобретательница!», а я, вместо того, чтобы спросить, что же именно ты изобрела,

сказал что-то вроде: «Умница, солнышко мое! Вся в папу! А знаешь, что папа видел? Самый настоящий извергающийся вулкан!». Вот и все, что я тогда узнал. Всегда так кажется: то, что дальше, недоступнее, то чудеснее, ценнее, а то, что рядом... кажется, что оно всегда будет рядом и никуда не пропадет. Это заблуждение, милая, мы с мамой пропустили очень много всего, непростительно много, оно прошло и его уже не вернуть... и мне горько, что все это мы стали осознавать лишь тогда, когда у нас уже больше физически не было возможности совершать полеты на Землю. Только тогда мы по-настоящему обратили внимание на тебя, и я надеюсь, мне хочется верить, что в последние годы мы исправились, что давно уже ты не ощущаешь, будто мы просто играем с тобой, что тебе не одиноко с нами. Но... но смотри, крошка, я продолжаю называть тебя крошкой, хотя ты действительно давно уже не такая крохотулька, как была! Наверно, это потому, что мне до сих пор не хочется верить, что я все пропустил. Я слишком редко проводил время с тобой, когда ты и правда была еще крошкой! Я не наговорился с моей крошкой! Я же прекрасно понимаю, что ты далеко уже не крошка и не принцесса, но если ты разрешишь мне и дальше так себя называть, мне будет спокойнее! Ты же разрешаешь?..

Шерри молчала.

— Все это глупо звучит, согласен... — мистер Дчжонс вздохнул. — Я бы многое поменял, если бы была возможность. Вернуться бы назад и сделать по-другому, как там они в комиксах любят делать. Мы бы тогда не сидели вот тут сейчас... кто знает, что бы тогда было? Было бы лучше тогда?.. не знаю, вероятнее всего. Но знаешь, милая, я ни капли не хочу себя оправдывать, ни капли, я очень виноват... но, возможно, так, как есть, — так даже лучше. По крайней мере, я рад, что ты в отличие от меня уже сейчас знаешь, что не все достается легко, и никогда уже не поведешь себя так, как я вел себя в молодости. Чего-то это да стоит! И еще я знаю, что мы преодолеем все эти трудности, мы обязательно еще полетим на Землю — все вместе, и эти наши экспедиции будут нам особенно дороги — именно потому, что мы будем знать им цену. Именно потому, что нам придется приложить усилия для достижения нашей цели. Но мы справимся. Ты справишься, Шерри. Я это знаю. Все эти люди, которые нам отказывают, многие из них такие же, каким был я когда-то. Но посмотри! Звучит нескромно, но я действительно изменился за это время! Не сразу, конечно, и лучше бы это случилось раньше, но что же теперь делать? Может, именно сейчас самое время... Понимаешь, я верю, что рано или поздно понимание, я хочу сказать, понимание истинной сути вещей приходит, в свой срок, в свое время к каждому. Все это, казалось бы, беспорядочная череда событий, одно крошечное влияет на другое, и из них вдруг образуются целые цепочки — безумие, как много зависит от мелочи!.. но в итоге все вместе выстраивается в один ряд и делается так, как надо, нет лишнего и нет ненужного, мне бы хотелось в это верить. И, наверно, все у нас еще получится. Я не берусь гарантировать, но я обещаю, что со своей стороны я сделаю все, что будет в моих силах. И мама тоже, ты же знаешь.

Мистер Дчжонс внимательно посмотрел Шерри в глаза.

— Крошка, я тебя очень сильно люблю! Честное слово! Очень! Я просто не в состоянии делать вид, будто все, что происходит, с их отказом, с твоей специальностью, — это все ерунда и не надо из-за этого расстраиваться. Я понимаю, ты не можешь не расстраиваться и я не хочу уверять тебя в обратном. Будем честными. И еще я понимаю, что это все действительно из-за меня, я признаю... и

если ты будешь сердиться на меня или досадовать — то и поделом мне... Я все понимаю... Все, что случилось с тобой, для тебя это обстоятельства, в которые ты попала, у тебя не было выбора, но для меня... для меня это все естественные следствия моих прошлых решений, и мне тяжело, что я в ответе за случившееся. Я все понимаю. Прости меня, крошка, прости пожалуйста!

Шерри молча обняла его руку.

— Знаешь, пап, — сказала она наконец, — если бы было по-другому, то я была бы уже не я. Все были бы уже не все, если ты понимаешь... а я люблю именно вас. Пусть там раньше когда-то, а сейчас уже все по-другому. И пусть будет, как есть. И дальше оно тоже будет так, как будет. Я постараюсь сдать этот экзамен, честно, если ты думаешь, что это правда так надо. Я сдам как-нибудь уж. А вы с мамой постарайтесь с толком провести новую экспедицию! А, пап?

Мистер Джонс улыбнулся:

— Мы постараемся! Как там твой видеофон? Запылился? Вот всегда так, ты его уж хотя бы теперь протри!

— А ты какой с собой возьмешь? Я запишу сейчас код... и да, пап, вы тогда не смотрите с мамой на пингвинов без меня, хорошо? Я хочу, чтобы первый раз мы все вместе! Обещаете без меня не смотреть на пингвинов?

***

— Но они так и не вернулись, — сказала Шерри Роберту. Они были сейчас в ее лаборатории, в третьем секторе, и Роберт положил их семейную фотографию в рамке обратно на полку у окна, туда, где она лежала раньше.

— Они не вернулись! — повторила Шерри и прерывисто вздохнула. — И я не знаю, Роберт, я не знаю, что же там произошло, что случилось! Почему они погибли! Что-то с кораблем! В чем причина?! В поспешных сборах?! Что-то не усмотрели?! Я не знаю!.. Я пыталась разобраться, Роберт, я обращалась к разным людям, но ничего не... только то ужасное официальное письмо... И даже на похороны почти никто не пришел... я знаю, они никогда не вернуться, никогда, а мне хочется ждать их, просто ждать дальше...

Она плакала, и он не знал, как ей помочь. Сказать: «Они бы гордились тобой» было слишком плоско.